

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи



Стяжкина Ольга Викторовна

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ М.П. ГРЯЗНОВА
НА АЛТАЕ И ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

Специальность 5.6.3. Археология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Тишкин Алексей Алексеевич

Барнаул – 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ИССЛЕДОВАНИЯ М.П. ГРЯЗНОВА И УЧАСТИЕ В ЭКСПЕДИЦИЯХ С.И. РУДЕНКО (1925–1930-е гг.)	21
1.1. Самостоятельные археологические изыскания М.П. Грязнова	21
1.2. Участие М.П. Грязнова в экспедициях под руководством С.И. Руденко	48
ГЛАВА II. РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК НА АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ БЛИЖНИЕ ЕЛБАНЫ И В ЗОНЕ ЗАТОПЛЕНИЯ НОВОСИБИРСКОЙ ГЭС (2-я половина 1940-х – 1950-е гг.)	69
2.1. Деятельность Северо-Алтайской экспедиции в урочище Ближние Елбаны	69
2.2. Археологические работы в зоне затопления водохранилища Новосибирской ГЭС	102
ГЛАВА III. КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ М.П. ГРЯЗНОВА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЛУЧЕННЫХ ИМ МАТЕРИАЛОВ	129
3.1. Культурно-хронологические схемы изучения древней и средневековой истории населения Алтая и Верхнего Приобья	129
3.2. Концепция «ранних кочевников» и проблема возникновения кочевого скотоводства	141
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	161
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	168
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	194
ПРИЛОЖЕНИЯ	196

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Михаил Петрович Грязнов – выдающийся отечественный археолог, который на протяжении многих лет изучал культурно-историческое наследие Евразии. Он принадлежал к плеяде ученых, внесших существенный вклад в становление науки, и считается основателем ленинградской школы сибирской археологии¹.

М.П. Грязнов родился 13 марта 1902 г. в г. Березове Тобольской губернии. После окончания Второго Томского реального училища поступил в Томский университет на физико-математический факультет. Весной 1920 г., находясь в составе географической экспедиции Томского университета (руководитель С.И. Руденко), случайно попал в археологический отряд, которым руководил С.А. Теплоухов. Именно это событие определило его дальнейший жизненный путь².

Первые самостоятельные работы М.П. Грязнова на юге Западной Сибири к 1925 г. Тогда, работая в составе Алтайской экспедиции Государственного Русского музея под руководством С.И. Руденко, он произвел самостоятельные обследования и небольшие раскопки в долине Оби между Барнаулом и Бийском. Особое внимание было уделено группе памятников у с. Большая Речка, как «...самому интересному месту на всем пройденном по р. Оби пути»³.

В 1927 г. отрядом Алтайской экспедиции под руководством М.П. Грязнова, наряду с другими объектами, раскапывался крупный курган в урочище Шибе (долина р. Урсул). Это был первый, после работ В.В. Радлова,

¹Михаил Петрович Грязнов: исследователь древних культур Сибири и Центральной Азии. Архивные материалы и список научных работ / отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб., 2012. С. 4.

²Пшеницына М.Н., Боковенко Н.А. Вклад Михаила Петровича Грязнова в мировую археологическую науку // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 1. СПб., 2012. С. 19.

³Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. С. 6.

опыт исследований древнего погребения с наличием мерзлоты¹. В том же году им изучался памятник Чудацкая гора, неподалеку от Барнаула. В результате были раскопаны погребения, а также получена коллекция керамики².

В 1929 г. М.П. Грязнов, вновь работая на Алтае в составе Алтайской экспедиции под руководством С.И. Руденко, осуществлял раскопки Первого Пазырыкского кургана, давшего совершенно уникальный и разнообразный археологический материал³. В том же году им были исследованы курганы в урочище Арагол⁴ и на могильнике Бийск-Г⁵.

В 1939 г. Алтайская экспедиция под руководством М.П. Грязнова произвела разведку в Усть-Канском аймаке Ойротской автономной области и исследовала разновременные объекты на курганном поле у с. Яконур. В результате было изучено 17 погребений⁶.

Во 2-й половине 1940-х гг. М.П. Грязнов возобновил свои исследования в Верхнем Приобье. В 1946–1947 и 1949 гг. он возглавлял Северо-Алтайскую экспедицию ГЭ и ИИМК АН СССР для исследований в урочище Ближние Елбаны (ныне территория Топчихинского района Алтайского края). Главной задачей этих работ являлось выявление и изучение памятников всех периодов, отражающих этапы культурного развития населения на территории Верхнего Приобья⁷.

В 1952–1954 гг. М.П. Грязнов руководил Новосибирской экспедицией, проводившей плановые изыскания в зоне строительства Новосибирской ГЭС.

¹Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1940. Вып. I. С. 217, 219.

²Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.). Барнаул, 2010. С. 181.

³Грязнов М.П. Пазырыкский курган. М.; Л., 1937. С. 8.

⁴Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул, 2014. С. 34.

⁵Михаил Петрович Грязнов: исследователь древних культур Сибири и Центральной Азии. Архивные материалы и список научных работ / отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб., 2012. С. 6.

⁶Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1940. Вып. I. С. 17.

⁷Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. С. 5.

Основной целью экспедиции стали охранно-спасательные раскопки археологических объектов¹. Кроме этого, были открыты 74 памятника².

Стоит отметить, что опыт руководства Новосибирской археологической экспедицией ЛО ИИМК АН СССР стал первым в ряду проектов по дальнейшему спасению памятников археологии³. Во 2-й половине 1950-х и в 1960-е гг. М.П. Грязнов организовывал и проводил аналогичные работы в рамках Красноярской и Иркутской экспедиций⁴.

В результате исследований, предпринятых М.П. Грязновым, был получен большой объем научных источников. Некоторым из них еще предстоит детальное изучение и осмысление. Часть материалов еще вовсе не введена в научный оборот или же содержится в различных публикациях и статьях, что не дает целостной картины по обозначенной нами тематике. Поэтому, на наш взгляд, необходимо, с одной стороны, аккумулировать уже имеющиеся сведения, а, с другой стороны, опираясь на архивные материалы и музейные коллекции, ввести в научный оборот неопубликованные источники.

Актуальность диссертационного исследования связана с тем, что научное наследие М.П. Грязнова до сих пор является востребованным. В настоящее время его материалы и результаты работ формируют основу большинства научных концепций современных ученых, изучающих археологическое наследие Сибири. Дискуссии вокруг культурно-хронологической схемы, предложенной им, не прекращаются по сей день⁵. В то же время ряд материалов, полученных М.П. Грязновым, еще полностью не введен в научный оборот и даже порой не ясно, где хранятся находки. Архив Михаила Петровича

¹Автушкова А.Л. Еще раз об экспедиции М.П. Грязнова в зоне будущего затопления Новосибирской ГЭС // VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 2008. С. 22.

²Грязнов М.П., Троицкая Т.Н., Уманский А.П. Археологическая карта побережья Новосибирского водохранилища // Вопросы археологии Сибири. 1973. Вып. 85. С. 4.

³Паршикова Т.С. Результаты изучения археологических памятников Алтая (вторая половина 1940-х гг. – конец 1970-х гг.): дис. канд. ист. наук. Барнаул, 2016. С. 32.

⁴Михаил Петрович Грязнов: исследователь древних культур Сибири и Центральной Азии. Архивные материалы и список научных работ / отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб., 2012. С. 7–8.

⁵Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Новосибирск, 1930. Вып. 2. С. 1–12.

в силу разных обстоятельств оказался в разных местах, что затрудняет восстановление процесса и результатов его деятельности. Нет специальных обобщающих работ о результатах научной работы М.П. Грязнова на Алтае и юге Западной Сибири. Решить указанные и другие проблемы призвана данная диссертация.

Степень разработанности темы. Характеризуя степень изученности темы, следует выделить несколько групп публикаций. Первую группу составляют статьи и сообщения библиографического характера. Несомненно, изучать такие работы важно, чтобы проследить становление М.П. Грязнова, как ученого, и определить круг его исследований. К настоящему времени литература о биографии и научной деятельности ученого достаточно обширна. Основные этапы жизненного пути отражены в трудах Н.А. Аванесовой и Л.Р. Кызласова¹, В.И. Матющенко², А.В. Жука³, М.Н. Пшеницыной и Н.А. Боковенко⁴, Я.А. Шера⁵, Л.Ю. Китовой⁶, А.А. Тишкина⁷ и др. Однако до сих пор имеются нераскрытые страницы жизни

¹Аванесова Н.А., Кызласов Л.Р. Памяти М.П. Грязнова // Советская археология. 1985. №4. С. 277–283.

²Матющенко В.И. Михаил Петрович Грязнов и его место в советской археологии // Ист. чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1987. Ч. 1. С. 6–9; Матющенко В.И. М.П. Грязнов – историк // Историк об истории. Омск, 1989. С. 26–31; Матющенко В.И., Швыдкая Н.П. Михаил Петрович Грязнов: Истоки научной школы // История археологических исследований Сибири. Омск, 1990. С. 77–90.

³Жук А.В. Палеоэтнологи Санкт-Петербурга – Петрограда. Из предыстории становления М.П. Грязнова // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1987. Ч. 1. С. 18–21; Жук А.В. Материалы к биографии М.П. Грязнова. Отец Михаила Петровича – Петр Никандрович Грязнов (1865–1914) // Сибирские древности. Омск, 2002. С. 10–18.

⁴Пшеницына М.Н., Боковенко Н.А. Основные этапы жизни и творчества Михаила Петровича Грязнова (1902–1984) // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. Кн. I. С. 19–24; Пшеницына М.Н., Боковенко Н.А. Вклад Михаила Петровича Грязнова в мировую археологическую науку // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 1. СПб., 2012. С. 11–25.

⁵Шер Я.А. Я учился у М.П. Грязнова // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 2000. С. 132–141.

⁶Китова Л.Ю. Забытые архивные материалы о жизни и деятельности М.П. Грязнова // VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 2008. С. 15–18.

⁷Тишкин А.А. Автобиографии М.П. Грязнова как отражение жизни и деятельности выдающегося исследователя // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб., 2012. Кн. 1. С. 25–30.

и деятельности Михаила Петровича. Главное, нет монографического издания об этой уникальной личности.

Вторую группу публикаций составляют работы ученых, основанные на анализе результатов исследований М.П. Грязнова. Часть материалов, полученных в ходе археологических изысканий, не была им полностью обработана и опубликована. Важность таких работ, в которых вводится в научный оборот наследие ученого, неоспорима. Стоит отметить, что существенным вкладом в изучение биографии и научного наследия ученого стали сборники статей с материалами докладов на конференциях. Так, по инициативе доктора исторических наук, профессора Владимира Ивановича Матющенко на базе Омского государственного университета и при участии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН с 1987 г. стала проводиться конференция «Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова». Основные направления в ее работе в первую очередь определили научные интересы М.П. Грязнова¹. Крупные международные конференции были приурочены к юбилейным датам ученого, результаты которых опубликованы в таких сборниках научных трудов, как «Северная Евразия от древности до средневековья» (1992), «Степи Евразии в древности и средневековье» (2002), «Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями» (2012), «Евразия в энеолите – раннем средневековье» (2022).

Третья группа работ посвящена развитию археологической науки в нашей стране и ее отдельных регионах. Такая информация отражена в трудах А.А. Формозова², Д.А. Авдусина³, В.Ф. Генинга⁴, А.Д. Пряхина⁵, М.А. Демина¹,

¹Толпеко И. В. Всероссийская научно-практическая конференция «IX исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова» // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 2 (14). С. 127–133.

²Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М., 1961. 128 с.

³Авдусин Д.А. Археология СССР. 2-е изд. М., 1977. 272 с.

⁴Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии. (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е-первая половина 30-х гг.). Киев, 1982. 228 с.

⁵Пряхин А. Д. История советской археологии (1917– середина 30-х гг.). Воронеж, 1986. 284 с.

Г.С. Лебедева², Л.Ю. Китовой³, В.И. Матющенко⁴, Т.В. Тишкиной⁵, Л.С. Клейна⁶, В.И. Молодина⁷ и др. Можно указать и другие издания такого плана: «Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег»⁸, «История Алтая. Т. I: Древнейшая эпоха, древность и средневековье»⁹ и др.

Несмотря на наличие указанных публикаций, комплексная работа, характеризующая археологические исследования М.П. Грязнова на Алтае и юге Западной Сибири, до сих пор не предпринималась. На данный момент имеются не введенные в научный оборот сведения, касающиеся данной проблематики. Настоящее исследование направлено на обобщение имеющихся материалов по обозначенной теме с привлечением неизданных источников.

Цели и задачи исследования. Цель работы – систематизировать и проанализировать сведения о древних и средневековых памятниках на территории Алтая и юга Западной Сибири, изученных М.П. Грязновым и привлекаемых им для обоснования своих концепций. Для достижения цели поставлены следующие **задачи**:

1. Выявить, структурировать и ввести в научный оборот архивные и музейные источники, относящиеся к полевой и кабинетной деятельности М.П. Грязнова указанного периода на обозначенной территории.

2. Обобщить результаты самостоятельных исследований М.П. Грязнова, а также отразить его участие в экспедициях под руководством С.И. Руденко в 1920–1930-е гг.

¹Демин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул, 1989. 120 с.

²Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб, 1992. 464 с.

³Китова Л. Ю. История сибирской археологии (1920–1930-е годы). Изучение памятников эпохи металла. Новосибирск, 2007. 272 с.

⁴Матющенко В.И. 300 лет истории сибирской археологии. Т. I–II. Омск, 2001. 179+173 с.

⁵Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.). Барнаул, 2010. 286 с.

⁶Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. I–II. СПб., 2014. С. 435.

⁷Молодин В.И. Очерки истории сибирской археологии. Новосибирск, 2015. 312 с.

⁸Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. Барнаул, 2004. 148 с.

⁹История Алтая: в 3-х т. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье / под общ. ред. А.А. Тишкина. Барнаул; Белгород, 2019. 392 с.

3. Дать характеристику осуществленных работ на археологическом комплексе Ближние Елбаны и на памятниках в зоне затопления Новосибирской ГЭС.

4. Оценить вклад М.П. Грязнова в создание культурно-хронологических концепций при изучении древней и средневековой истории населения Алтая и Верхнего Приобья.

Объектом исследования является научное наследие М.П. Грязнова. **Предметом** выступают результаты археологических изысканий М.П. Грязнова на территории Алтая и юга Западной Сибири с 1925 г. по 1950-е гг.

Территориальные рамки работы охватывают Алтай и юг Западной Сибири. В различных районах этих крупных природно-ландшафтных зон М.П. Грязнов осуществлял археологические исследования. Под территорией Алтая понимается существующая часть Алтае-Саянской горной страны. Часто в публикациях используется термин «Горный Алтай», который ассоциируется с административными рамками сначала Горно-Алтайской автономной области, а затем Республики Алтай. Но на самом деле данный регион несколько шире, он включает в себя Алтайские горы, предгорья и прителецкую тайгу¹. Юг Западной Сибири в рассматриваемом исследовании соотносится с территорией Барнаульско-Бийского и Новосибирского Приобья. Согласно современному административно-территориальному делению, сюда входит Алтайский край и Новосибирская область². В настоящем диссертационном исследовании при указании территориальных единиц, музеев и других учреждений используются обозначения, непосредственно существовавшие в рассматриваемый период.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1925 по 1950-е гг. Определение нижней границы обусловлено началом археологических исследований М.П. Грязнова в составе Алтайской экспедиции Этнографического отдела Государственного Русского музея под руководством С.И. Руденко, а также в ходе самостоятельных работ. Верхней хронологической

¹История Алтая: в 3-х т. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье / под общ. ред. А.А. Тишкина. Барнаул; Белгород, 2019. С. 9–10.

²Раковская Э.М., Давыдова М.И. Физическая география России: учебник. Ч. 2. М., 2001. 304 с.

установкой стали 1950-е гг., когда Михаил Петрович прекратил исследования на указанной территории. Условно весь этот период можно разделить на два этапа, границей между которыми является Великая Отечественная война. Следовательно, первый этап охватывает время с 1925 г., именно тогда М.П. Грязнов впервые прибыл на Алтай в составе Алтайской экспедиции Этнографического отдела Государственного Русского музея, по 1939 г., когда на Алтае была организована экспедиция Государственного Эрмитажа, которую возглавлял Михаил Петрович. Плодотворный этап в деятельности ученого был прерван начавшейся войной, во время которой он находился в эвакуации с коллекциями Государственного Эрмитажа в г. Свердловске. Второй этап охватывает время с 1946 г., что связано с началом полномасштабных работ Северо-Алтайской экспедиции Государственного Эрмитажа и Института истории материальной культуры АН СССР на археологическом комплексе Ближние Елбаны, и заканчивается в 1950-е гг., когда прекращаются работы Новосибирской экспедиции в зоне затопления Новосибирской ГЭС, руководимые М.П. Грязновым, но еще продолжалась работа с полученными материалами, что нашло отражение в монографии, статьях и брошюрах.

Методология и методы исследования. Исследование базируется на основополагающих принципах исторической науки. Принцип историзма предполагает, что любое явление может быть правильно оценено лишь при условии его рассмотрения в конкретных исторических условиях и связях¹, следовательно, деятельность М.П. Грязнова рассматривалась в контексте реалий начала – середины XX в. Принцип объективности, предполагающий ориентацию на нейтральность², позволил полно и непредвзято использовать круг источников, отражающих спектр взглядов как самого М.П. Грязнова, так и современных исследователей на теоретическую сущность этих взглядов. Принцип целостности, означающий в рамках системного подхода³, что любой

¹Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 228.

²Там же. С. 453.

³Казаневская В. В. Философско-методологические основания системного подхода. Томск, 1987. 232 с.

объект требуется рассматривать в единстве его взаимодействующих частей, лег в основу изучения научного наследия профессора М.П. Грязнова.

Важную роль сыграло применение биографического метода, который позволил выявить события, повлиявшие на становление М.П. Грязнова, как ученого. Например, поездка в 1920 г. в географическую экспедицию ТГУ и знакомство с С.А. Теплоуховым стала определяющей в выборе археологической деятельности.

Хронологический метод исследования позволил выделить и охарактеризовать этапы в научной деятельности М.П. Грязнова. С помощью историко-генетического метода удалось проследить развитие и преемственность идей в концепциях М.П. Грязнова¹. Ретроспективный метод, заключающийся в движении мысли исследователя от современности к прошлому, использовался в ходе изучения научного мировоззрения ученого с позиций современной археологической науки. Данный метод позволил привлекать современные знания об истории археологической науки для рассмотрения ее состояния в прошлом. Сравнительно-исторический метод позволил выявить влияние различных условий, в частности научных теорий и идей, существовавших в археологической науке в XX в., на формирование и трансформацию взглядов М.П. Грязнова.

Источниковая база исследования представлена комплексом опубликованных и неопубликованных материалов. Для выделения неопубликованных документов и их ввода в научный оборот была проведена работа с архивными источниками местных и центральных учреждений. Изучены материалы Рукописного отдела Научного архива ИИМК РАН в Санкт-Петербурге (Фонд 91. Грязнов М.П. (1902–1984), историк-археолог; Фонд 2. Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК) (1919–1937)); Фотоархива ИИМК РАН в Санкт-Петербурге (Фонд 60. Грязнов М.П. (1902–1984), историк-археолог); Государственного Эрмитажа; Научно-отраслевого архива ИА РАН (Ф-1); Российского этнографического музея (Кол.

¹Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 2003. С. 183.

№ 1127, 4615, 4616); Личного архива М.П. Грязнова в Музее археологии и этнографии музейного комплекса Омского государственного университета (Фонд III); Архив и коллекции ГАУК Новосибирской области «Новосибирский государственный краеведческий музей»; Архив и коллекции Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина; Архив и коллекции Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки; КГКУ Государственный архив Алтайского края (Фонд Р-1820. Уманский Алексей Павлович, доктор исторических наук, профессор Барнаульского государственного педагогического университета).

Фонд М.П. Грязнова в Рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН содержит материалы разнообразной тематической направленности. Архивные источники можно разделить на несколько групп. Первая группа отражает научное наследие М.П. Грязнова: материалы Алтайской (1925–1929, 1939 гг.), Северо-Алтайской (1946–1949 гг.) и Новосибирской (1952–1954 гг.) экспедиций, отчеты о произведенных работах и материалы к ним, рукописи статей, докладов. Ко второй группе относятся материалы биографии ученого и его семьи: документы об образовании и о трудовой деятельности. Письма М.П. Грязнову от родственников и коллег составили третью группу. Материалы Фотоотдела НА ИИМК РАН (Кол. № 3307) можно отнести к отдельной группе. В них содержатся фотографии к исследованиям М.П. Грязнова на Алтае в ходе Алтайской экспедиции 1929 и 1939 гг. Фотографии позволяют не только установить какие-либо особенности проведения раскопок, но и зафиксировать некоторые бытовые моменты в работе экспедиции.

Фонд М.П. Грязнова в Музее археологии и этнографии музейного комплекса ОмГУ содержит личные документы ученого и членов его семьи, материалы собственных исследований (в основном в виде полевых дневников). Личные документы являются важным свидетельством не только событий, происходящих в жизни ученого, но и в целом в государстве. Например, в деле № 42 хранятся выписки из заседания ученого совета, которые свидетельствуют о присвоении М.П. Грязнову ученой степени кандидата, а затем доктора наук.

Есть справка Комитета по делам искусств при СНК, находящаяся в том же деле. В ней сообщается о том, что в июле 1941 г. М.П. Грязнов был эвакуирован в г. Свердловск с музейными ценностями Эрмитажа, сотрудником которого он являлся¹. Стоит отметить, что разобщенность материалов по этим двум научным центрам в некоторой степени затрудняет их изучение.

В Научно-отраслевом архиве ИА РАН были изучены отчеты М.П. Грязнова об археологических работах Новосибирской экспедиции за 1952–1954 гг.

Фонды Государственного Эрмитажа содержат коллекции предметов в результате произведенных в 1925 г. сборов и раскопок объектов в долине р. Оби (ОФ. Кол. № 4400, 4401, 4402, 4615, 4616, 4617), а также коллекции находок, полученных в результате работы Северо-Алтайской экспедиции, производившей работы на Ближних Елбанах в 1946–1947 и 1949 гг. (ОФ. Кол. № 1618–1638).

Фонды Российского этнографического музея содержат музейные коллекции и описи к ним из раскопок М.П. Грязнова в 1925 г., поступившие на хранение в музей. Поскольку экспедиция, осуществляющая эти работы, была организована Этнографическим отделом Государственного Русского музея (ныне это Российский этнографический музей), то часть коллекций осталась на хранение в этом музее, а основная часть была передана в 1955 г. в Государственный Эрмитаж.

В Новосибирском государственном краеведческом музее хранятся оригиналы отчетов М.П. Грязнова об археологических работах Новосибирской экспедиции за 1952–1954 гг., а также небольшая коллекция находок (ОФ. Кол. №9563).

Национальный музей Республики Алтай не содержит прямых сведений о деятельности М.П. Грязнова. Однако, в своей монографии 1956 г. он отмечал, что с конца прошлого столетия по 1913 г. Н.С. Гуляев проводил на Ближних Елбанах сборы подъемного материала и производил раскопки погребений и

¹МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф III. Д. 42. Л. 6, 17, 30.

курганов. Собранные им коллекции хранятся среди прочих в Горно-Алтайском музее¹. Кроме того, в приложении к монографии, на таблице VI «Глиняная посуда из могильника карасукской эпохи в пункте БЕ IV» под № 8, 11, 12 изображены хранящиеся в музее сосуды, по мнению М.П. Грязнова, обнаруженные при раскопках Н.С. Гуляевым на объекте БЕ IV². Действительно, в Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина, в составе фонда Н.С. Гуляева имеется один целый сосуд (инв. № 254), экспонирующийся в зале бронзового века. Есть еще два сосуда (инв. № 209 и 262), один из которых также расположен в экспозиции. В настоящее время они в разрушенном состоянии, но внешне полностью соотносятся с находками, опубликованными М.П. Грязновым. Кроме этого, в архиве М.П. Грязнова, хранящемся в ОмГУ имеются иллюстрации археологических находок с пометкой, что они находятся в Ойротском музее (ныне Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина).

Бийский краеведческий музей им. В.В. Бианки располагает коллекциями предметов из раскопок М.П. Грязнова на памятнике Бийск-I в 1929 г. (ОФ. Кол. № 22, 33), есть и другие отдельные материалы.

В Государственном архиве Алтайского края, в фонде известного банарульского ученого А.П. Уманского (Фонд Р-1820), хранятся материалы о работе учебно-археологической экспедиции БГПИ в составе Алтайской археологической экспедиции профессора М.П. Грязнова. Именно под его руководством А.П. Уманский делал первые шаги в археологию, а его участие в экспедиции на комплексе Ближние Елбаны стало началом их многолетнего сотрудничества.

Опубликованные источники условно можно разделить на несколько групп. Первую группу составили работы непосредственно М.П. Грязнова, представляющие результаты исследований, как в виде обширных монографий,

¹Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. С. 6.

²Там же. С. 28.

статей, так и кратких заметок¹. Многие из них уже стали библиографической редкостью. Также в эту группу вошли электронные полевые отчеты

¹Грязнов М.П. Доисторическое прошлое Алтая // Природа. 1926. №9–10. С. 97–98; Грязнов М.П. Раскопки княжеской могилы на Алтае // Человек. 1928. №2–4. С. 217–219; Грязнов М.П. Пазырыкское княжеское погребение на Алтае // Природа. 1929. № 11. С. 973–984; Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Новосибирск, 1930. Вып. 2. 12 с.; Грязнов М.П. Пазырыкский курган. М.; Л., 1937. 44 с.; Грязнов М.П. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства (макет издания АН СССР). М.; Л., 1939. С. 399–413; Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1940. Вып. I. С.17–21; Грязнов М.П. Работы Алтайской экспедиции // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. 1947. Вып. 21. С. 77–78; Грязнов М.П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. 1947. Вып. 18. С. 9–17; Грязнов М.П. Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. 1949. Вып. 26. С. 110–119; Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950. 92 с.; Грязнов М.П. Из далекого прошлого Алтайского края (по работам Алтайской археологической экспедиции Института материальной культуры им. Н.Я. Марра Академии наук СССР и Ленинградского государственного Эрмитажа 1946–1949 гг.). Барнаул, 1950. 20 с.; Грязнов М.П. Археологическое исследование территории одного древнего поселка (Раскопки Северо-Алтайской экспедиции в 1949 г.) // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. 1951. Вып. XL. С. 105–113; Грязнов М.П. Некоторые итоги трехлетних археологических работ на Верхней Оби // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. 1952. Вып. 48. С. 93–102; Грязнов М.П. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири // Краткие сообщения института этнографии. 1955. Вып. 24. С. 19–29; Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. 160 с.; Грязнов М.П. К вопросу о культурах поздней бронзы в Сибири // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. 1956. Вып. 64. С. 27–42; Грязнов М.П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // Краткие сообщения Института археологии. 1956. Вып. 61. С. 8–16; Грязнов М.П. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы // Краткие сообщения института этнографии. 1957. Вып. 26. С. 21–28; Грязнов М.П. Археологические исследования на Оби в ложе водохранилища Новосибирской ГЭС // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1960. С. 22–24; Грязнов М.П. Антропоморфная фигурка бронзового века с реки Оби // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1962. Вып. XXII. С. 26–27; Грязнов М.П. Классификация, тип, культура // Теоретические основы советской археологии. Л., 1969. С. 18–22; Грязнов М.П. Археологическая карта побережья Новосибирского водохранилища // Вопросы археологии Сибири. 1973. Вып. 85. С. 3–43; Грязнов М.П. Некоторые вопросы хронологии ранних кочевников в связи с материалами кургана Аржан // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л., 1975. С. 6–10; Грязнов М.П. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // Краткие сообщения института археологии. 1978. Вып. 154. С. 9–19; Грязнов, М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л., 1980. 62 с; Грязнов М.П. Алтай и приалтайская степь // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 161–178; Грязнов М.П. Пазырык. Разговор, услышанный 20 лет спустя // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. Кн. I. С. 91–96.

М.П. Грязнова, доступные на сайте Научно-отраслевого архива Института археологии РАН. В частности, в работе были использованы отчеты Северо-Алтайской экспедиции ГЭ и ИИМК АН СССР на комплексе Ближние Елбаны за 1946 и 1947 гг., которые рассматривались во второй главе настоящей работы¹.

Вторую группу источников составили уже специализированные серийные издания первой половины – середины XX в. Так, в работе были задействованы научные материалы, в которых опубликованы результаты исследований по обозначенной теме: «Природа», «Человек», «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», «Краткие сообщения Института археологии», «Сообщения Государственного Эрмитажа», «Советская археология» и др. Отметим, что в данную группу источников вошли как выше перечисленные работы самого М.П. Грязнова, так и статьи других авторов по нашей теме².

Последней группой стали материалы периодической печати. Проведение археологических исследований достаточно часто освещалось в местных газетах (например, «Ойротский край»), иногда даже кратко публиковались результаты произведенных работ (например, «Звезда Алтая»).

Таким образом, основу диссертационного исследования составили архивные материалы в количестве 38 дел, а также 22 коллекции и отдельные предметы из музейных фондов. Комплексный анализ этих использованных материалов и реализованные методы позволили решить поставленные задачи.

Научная новизна и полученные результаты заключаются в том, что впервые целостно представлены и последовательно изложены сведения о результатах самостоятельных работ М.П. Грязнова на Алтае и юге Западной Сибири, а также в составе Алтайской экспедиции под руководством С.И. Руденко. Впервые в работе обобщены и рассмотрены в ретроспективе культурно-хронологические концепции истории изучения древней и

¹Научно-отраслевой архив ИА РАН, Ф–1. Р–1; Научно-отраслевой архив ИА РАН, № 83; Ф–1. Р–1. № 261.

²Руденко С.И. Погребение человека каменного века в Восточном Алтае // Природа. 1926. №5–6. С. 108–109; Аванесова Н.А., Кызласов Л.Р. Памяти Михаила Петровича Грязнова // Советская археология. 1985. № 4. С. 277–280; и др.

средневековой истории населения Алтая и сопредельных северных территориях, которые представляют значительную часть научного наследия М.П. Грязнова. Проведенное на основе широкого круга источников исследование обобщает и в значительной степени дополняет обозначенную проблематику, в том числе посредством ввода в научный оборот новых данных.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов исследования при реализации учебного процесса в университетах для студентов, магистрантов и аспирантов, специализирующихся в области археологии. Отдельные сведения могут послужить основой для разработки спецкурсов и учебных пособий по истории археологического изучения Алтая или персоналиям отечественных исследователей. Также полученные сведения могут быть задействованы при создании разделов музейных экспозиций или выставок, посвященных истории археологического исследования региона. Особое значение данная диссертация будет иметь при дальнейшем естественно-научном изучении материалов, полученных М.П. Грязновым, а также при детальном анализе теоретического наследия ученого. Важно подготовить серию монографий о жизни и деятельности ученого, что будет способствовать археологической науке.

Положения, выносимые на защиту.

1. Работа М.П. Грязнова в экспедициях Государственного Русского музея под руководством С.И. Руденко стала важным этапом в его научной деятельности и определила дальнейшие направления исследований.

2. Раскопки Шибинского (1927 г.) и Первого Пазырыкского (1929 г.) курганов с наличием мерзлоты подтвердили существование на Алтае оригинальной культуры скифского времени, а полученные материалы легли в основу формирования культурно-хронологической концепции М.П. Грязнова.

3. Результаты проведенных обследований и трехлетних работ на комплексе Ближние Елбаны позволили М.П. Грязнову разработать периодизацию, отражающую последовательность этапов развития культур

древних и средневековых племен на территории Верхнего Приобья, которая имела важное значение на протяжении многих лет.

4. Археологические обследования, проведенные в зоне затопления водохранилища Новосибирской ГЭС, позволили выявить неизвестные ранее археологические объекты для их последующего изучения, а осуществленные в 1952–1954 гг. раскопки на этой территории обозначили возможность сделать выводы о своеобразии исторического процесса в данном регионе в отдельные периоды.

5. Многолетние работы, проведенные на территории Южной Сибири, и, в частности, на Алтае, позволили М.П. Грязнову впервые сформировать и обосновать концепцию развития ранних кочевников.

6. Работа в составе группы ИКС обусловила интерес М.П. Грязнова к проблеме возникновения и развития кочевого скотоводства и способствовала реализации комплексной программы (одной из первых в советской археологии) по изучению истории ранних кочевников в азиатской части евразийских степей на основе изучения материальной культуры, изобразительных, письменных и других источников.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Основные положения, изложенные в настоящем исследовании, в разные годы обсуждались автором на конференциях различного уровня, в том числе на Международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии Михаила Петровича Грязнова (1902–1984) (Санкт-Петербург, 2022), Международной научной конференции молодых ученых «Актуальная археология 5 и 6» (Санкт-Петербург, 2020, 2022), Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края» (Барнаул, 2018–2020), VI конференции молодых ученых «Новые материалы и методы археологического исследования» (Москва, 2021), V Региональной молодежной

конференции «Мой выбор – НАУКА» секции магистрантов и аспирантов «Археология и музеология» (Барнаул, 2018).

Разработка обозначенной тематики стала осуществляться с 2019 г. при частичной поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект №19-49-220006 «Крупные курганы элиты древних и средневековых кочевников на территории Алтайского края как объекты экскурсионно-туристической деятельности: историко-археологические и естественно-научные исследования»). С 2022 г. исследование финансируется Российским научным фондом (проект №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

Результаты исследований автора диссертации получили отражение в 12 научных публикациях, в том числе в четырех статьях, которые вышли в журналах первой и второй категории из рекомендованного перечня ВАК при Минобрнауки РФ¹.

¹Тишкин А.А., Стяжкина О.В. Археологические разведочные работы М.П. Грязнова на территории Барнаульско-Бийского Приобья в 1920-е гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2018. №2 (100). С. 188–193; Стяжкина О.В. Первая культурно-хронологическая концепция древней и средневековой истории населения Верхнего Приобья (Россия) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2018. Вып. XXIV. С. 162–165; Стяжкина О.В. Личный архив М.П. Грязнова в Музее археологии и этнографии ОмГУ как источник для изучения его деятельности // Актуальная археология 5: Материалы Международной научной конференции молодых ученых. СПб., 2020. С. 123–126; Стяжкина О.В. Экспедиция М.П. Грязнова на Алтай в 1939 г.: задачи и основные результаты // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2019. Вып. XXV. С. 259–262; Стяжкина О.В. Открытие и история изучения Шибинского кургана // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2020. Вып. XXVI. С. 165–169; Стяжкина О.В. Проблемы изучения и современное состояние памятника Чудацкая гора в устье Касмалы (Алтайский край) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2020. Т. 7, №1 (25). С. 174–179; Стяжкина О.В. Первый Пазырыкский курган: история начального этапа изучения // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2021. №3 (119). С. 80–84; Стяжкина О.В. Концепция «ранних кочевников» в трудах М.П. Грязнова // Новые материалы и методы археологического исследования. Материалы VI конференции молодых ученых. М., 2021. С. 121–122; Стяжкина О.В. Письма М.П. Грязнову в Музее археологии и этнографии ОмГУ // Актуальная археология 6: Мат. Межд. науч. конф. молодых ученых. СПб., 2022. С. 334–337; Стяжкина О.В. Работа М.П. Грязнова в составе группы «История кочевого скотоводства» // Евразия в энеолите – раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий): Мат. Межд. науч. конф., посвященной 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии М.П. Грязнова

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка источников и использованной литературы, списка сокращений и приложений.

Благодарности: автор выражает благодарность руководителям указанных архивов и музеев за оказанные возможности работы с фондами при формировании источниковой базы исследований, а также всем коллегам, которые способствовали реализации представляемых результатов.

(1902–1984). СПб., 2022. С. 22–25; Тишкин А. А., Мамадаков Ю. Т., Стяжкина О. В. Археологические памятники у села Шибе в Центральном Алтае: история исследований // Евразия в энеолите – раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий): Мат. Межд. науч. конф., посвященной 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии М.П. Грязнова (1902–1984). СПб., 2022. С. 47–52; Стяжкина О.В. Проблема возникновения кочевого скотоводства в работах М.П. Грязнова // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, №4. С. 252–261.

ГЛАВА I

**ИССЛЕДОВАНИЯ М.П. ГРЯЗНОВА И УЧАСТИЕ
В ЭКСПЕДИЦИЯХ С.И. РУДЕНКО (1925–1930-е гг.)****1.1. Самостоятельные археологические изыскания М.П. Грязнова**

Целенаправленное и систематическое изучение археологических памятников на территории Алтая было начато во 2-й половине XIX в.¹ Особый вклад в обозначенный процесс внес французский путешественник и исследователь Мари-Луи-Густав Менье, а также отечественные представители – Г.И. Спасский, В.В. Радлов, С.И. Гуляев, Н.С. Гуляев и др.² Следует отметить, что значительную часть памятников древности открыли местные изыскатели: крестьяне, рудознатцы, горная интеллигенция. В этой связи нельзя не упомянуть фигуру П.К. Фролова – изобретателя, краеведа, коллекционера. Став начальником Колывано-Воскресенских заводов, он начал формировать собрание из предметов археологии, которые уже после его смерти были переданы сначала в публичную библиотеку, а затем в Эрмитаж³.

С прибытием на Алтай в 1924 г. экспедиции Государственного Русского музея под руководством С.И. Руденко обозначился новый этап исследований на данной территории. В 1925 г. М.П. Грязнов (Приложение 1) произвел самостоятельные работы и именно тогда начинается его систематическое изучение археологии Алтая и Верхнего Приобья.

Стоит упомянуть обстоятельства, при которых М.П. Грязнов попал в науку. Будучи студентом естественного отделения физико-математического факультета Томского университета, в 1920 г. он отправился в географическую экспедицию под руководством С.И. Руденко. Там он случайно попал в

¹Тишкин А.А., Стяжкина О.В. Археологические разведочные работы М.П. Грязнова на территории Барнаульско-Бийского Приобья в 1920-е гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 2 (100). С. 189.

²Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.). Барнаул, 2010. С. 41–59.

³Демин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул, 1989. С. 34.

археологический отряд той же экспедиции, руководимый С.А. Теплоуховым. Именно это обстоятельство зародило в нем интерес к археологии. На втором году обучения он стал заниматься остеометрией, а именно, изучал и измерял кости скелетов из курганов Минусинского края, привезенных экспедицией С.А. Теплоухова, а летом 1921 г. целенаправленно отправился в Минусинский край в антропологическую экспедицию, получив специальное задание от руководителя по описанию курганов¹ (Приложение 2). Однако, как считает Л.С. Клейн, интерес к археологии в нем мог пробудить В.Ф. Смолин – археолог, преподававший М. Грязнову историю в Томском реальном училище².

Увлечшись археологией, в 1922 г. М.П. Грязнов переезжает в Петроград вслед за С.И. Руденко и С.А. Теплоуховым. Именно последний способствовал его переводу в Петроградский университет. Под его же руководством М.П. Грязнов стал заниматься антропологией и палеоэтнологией. В ряде публикаций³ встречаются сведения, что он обучался на естественном отделении физико-математического факультета. В опубликованной автобиографии уточняется, что обучение осуществлялось на геолого-минералогическом отделении физико-математического факультета Петроградского (Ленинградского) университета⁴. Учебу М.П. Грязнов совмещал с работой регистратором в ГАИМК, а затем стал еще и научным сотрудником в Этнографическом отделе Русского музея, где под руководством С.И. Руденко стал делать первые шаги в археологию⁵ (Приложение 3).

¹Китова Л.Ю. Забытые архивные материалы о жизни и деятельности М.П. Грязнова // VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова, 2008. С. 16.

²Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2. Археологи советской эпохи. СПб., 2014. С. 431.

³Пшеницына М.Н., Боковенко Н.А. Основные этапы жизни и творчества Михаила Петровича Грязнова (1902–1984) // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб., 2002. Кн. I. С. 20; Пшеницына М.Н., Боковенко Н.А. Вклад Михаила Петровича Грязнова в мировую археологическую науку // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 1. СПб., 2012. С. 11.

⁴Тишкин А.А. Автобиографии М.П. Грязнова как отражение жизни и деятельности выдающегося исследователя // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: мат. межд. науч. конф. СПб., 2012. Кн. 1. С. 25–30.

⁵Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2. Археологи советской эпохи. СПб., 2014. С. 434–435.

В 1924 г. по поручению Государственного Русского музея С.И. Руденко начал раскопки в Восточном Алтае. Он не просто обладал глубокими познаниями в области археологии, этнографии и антропологии, но и имел опыт работы в смежных науках, таких как география и геология. Именно эти знания были необходимы для проведения комплексных палеоэтнологических исследований¹. Перед экспедицией ставились задачи изучения физического типа коренного населения, его быта в условиях окружающей физико-географической обстановки, а также культура древнего населения². В составе экспедиции, кроме С.И. Руденко, принимали участие другие сотрудники (1924 г. – А.Н. Глухов (псевдоним Л.Н. Глушкова³); 1925 г. – А.Н. Глухов, М.П. Грязнов, Н.М. Комарова и Н.М. Сунцова), а также привлеченные работники. Благодаря этим работам уже в полевые сезоны 1924 и 1925 г. удалось получить достаточно большой объем разнообразных археологических данных⁴, позволяющий судить о физическом типе населения Алтая в различные культурные эпохи, а богатство остеологического материала позволяло восстановить некоторые породы домашних животных. Всего экспедицией было составлено восемь планов могильников, большое количество чертежей и разрезов обследованных памятников древних культур, в результате раскопок получено 1450 предметов⁵. Однако для более полной и детальной реконструкции были необходимы систематические и масштабные исследования.

Краткие результаты осуществленных работ опубликованы участниками экспедиции, в том числе М.П. Грязновым в журнале «Природа». Они представлены следующим образом: «В течение 2-х лет экспедицией обследован

¹Китова Л. Ю. История сибирской археологии (1920–1930-е годы). Новосибирск, 2007. С. 91.

²Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.). Барнаул, 2010. С. 158.

³Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. С. 3–4.

⁴Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.). Барнаул, 2010. С. 157–173.

⁵Шмидт О.Г. Археологические исследования Сергея Ивановича Руденко // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. Барнаул, 2004. С. 61–84.

обширный район и в ряде пунктов произведены раскопки древних могил и стоянок, относящихся к различным эпохам и принадлежащих различным народам и культурам. Добытые раскопками материалы красноречиво говорят нам о бившей когда-то ключом кипучей жизни древнего Алтая и рисуют яркую картину быта народов, исчезнувших навсегда с лица земли»¹. Следует отметить, что в той же публикации образно сформулированы основные причины организации экспедиции: «Доисторическое прошлое Сибири привлекает к себе внимание ученых исследователей. Сибирь, с ее разнообразными природными условиями дававшая приют многочисленным народам, в течение ряда тысячелетий расселявшимся по ее беспредельным равнинам и по непроходимым горам и лесам, хранит много памятников глубокой древности. В Сибири и Средней Азии современная наука надеется найти разгадку вопросов о происхождении и истории человечества. Несмотря на глубокий научный интерес, прошлое Сибири остается до сих пор почти неизвестными. Особенно посчастливилось в этом отношении Алтаю...»². Получается, что главный выбор был сделан из-за слабой изученности региона и имевшимися научными перспективами. Стоит отметить, что в этой работе приведены только обобщенные сведения, которые впоследствии были опубликованы в статьях и монографиях разных авторов.

В Научном архиве Института истории материальной культуры РАН хранится Открытый лист №72 от 25 мая 1925 г., на основании которого сотруднику Этнографического отдела Русского музея М.П. Грязнову были разрешены археологические раскопки «...в пределах Алтайской губ., между городами Бийском и Барнаулом по Оби и в окрестностях г. Ново-Николаевска» под наблюдением С.И. Руденко³ (Приложение 4). Там же находится «Отчет научного сотрудника Государственного Русского Музея М.П. Грязнова о

¹Грязнов М.П. Доисторическое прошлое Алтая. (Работа Алтайской экспедиции Госуд. Русского Музея в 1924/25 гг.) // Природа. 1926. № 9–10. С. 97.

²Там же.

³НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Д. 127. Л. 1–2.

раскопках произведенных летом 1925 г. в Алтайской губернии»¹.

В 1925 г. М.П. Грязнов произвел самостоятельное обследование территории верхнего течения р. Оби на следующих объектах: Ст. Алтайская, с. Большереченское, с. Камышенка, д. Клепиково, с. Усть-Чарыш, с. Чеканиха, с. Солдатово, с. Быстрый Исток, с. Акутиха, с. Фоминское, Усть-Ануйское, с. Енисейское (Приложение 5). В Личном фонде М.П. Грязнова в Музее археологии и этнографии ОмГУ хранятся архивные материалы, которые содержат сведения об исследованных памятниках: расположение, сохранность, обнаруженные материалы, в некоторых случаях с их фотографиями или зарисовками. Практически везде указана дата пребывания на объекте, что позволяет с большой точностью восстановить маршрут М.П. Грязнова. Актуальность этих материалов не вызывает сомнений, поскольку выявленные памятники, в совокупности с уже известными, позволили М.П. Грязнову представить первую систематическую последовательность смены культур населения Алтая. Однако, полной публикации материалов не последовало, и до сих пор результаты работ отражены в научной литературе фрагментарно. Обратимся к этим материалам.

Станция Алтайская. В ходе работ были исследованы две стоянки, на которых обнаружены фрагменты глиняных сосудов, глиняное прясло, а также кости животных – астрагал быка, большая берцовая кость барана, зуб и др.²

С. Камышенка. 7 июля 1925 г. были обследованы выдувы на «Долгой Гриве», практически вся дюна оказалась раздута. В результате произведенных работ был собран материал: множество фрагментов глиняных сосудов, несколько обломков костей человека, дробленые и пережженные кости животных, шлаки, кусочек меди и кремневые отщепы.

Тогда же М.П. Грязновым было обследовано городище за Долгой Гривой, расположенное на заросшей дюне, и выдувы на «Мысах» (левый берег р. Курьи, рядом с южным конца села), представляющие заросшие дюны на пойменной

¹НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Д. 127. Л. 4–5.

²МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф. III. Д. 10. Л. 1–2.

террасе. В частности, было исследовано три дюны, в результате чего были обнаружены следующие предметы: фрагменты сосудов (один из них *in situ*); ретушированный *late* и *esclates* и скелет человека (на глубине 1,1 м. от почвенного слоя в песке)¹.

Также М.П. Грязнов в своих записях отмечает, что еще в 1915 г. В.П. Михайлов обратил внимание на эти места, а именно указал, что «... по дороге из Большой Речки в Камышенку находятся совершенно нетронутые курганы, но самому их посетить ему не удалось»².

Д. Клепиково. Как указывает М.П. Грязнов, за несколько дней до его приезда (6 июля 1925 г.) раздутое погребение (№ 1) раскопали местные жители. Обнаружен скелет взрослого человека, на левом боку с подогнутыми ногами. По сторонам скелета располагались четыре бревна, в голове стояли два глиняных сосуда³ (Приложение 7). М.П. Грязновым было обследовано еще несколько погребений, на трех из них удалось произвести раскопки. Погребение-2 также оказалось раздутым. В результате произведенных раскопок обнаружены остатки скелета взрослого мужчины в беспорядке, очень плохой сохранности⁴. Погребение-3 также было раздутое. В могиле располагались скелеты мужчины и женщины (не полностью), два глиняных сосуда, костяная пронизка и просверленный камень⁵. Погребение-4, как и предыдущие, оказалось раздуто. Вдоль северной стенки могилы прослеживались едва заметные следы дерева. В могиле были обнаружены: мельчайшие фрагменты костей человека и фрагменты глиняного сосуда (часть их была найдена на поверхности)⁶.

Кроме указанных погребений были обследованы:

1. Выдувы за Чулком, расположенные около д. Клепиково. Во всех выдувах обнаружены фрагменты глиняных сосудов, а в самом дальнем

¹МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф.Ш. Д. 10. Л. 8–9.

²Там же. Л. 6.

³Там же. Л. 132.

⁴МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф.Ш. Д. 10. Л. 135.

⁵Там же. Л. 137.

⁶МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф.Ш. Д. 11. Л. 142.

был найден раздавленный череп необычной формы и несколько других костей человека плохой сохранности.

2. Выдувы на Хомутинке. Находки сделаны в двух пунктах. Было обнаружено несколько фрагментов керамики, а на последнем (по направлению к р. Оби) выдуве были обнаружены четыре погребения¹.

Все материалы хранятся в Государственном Эрмитаже, коллекция № 4401 (Приложение 8).

Впоследствии С.М. Сергеев производил раскопки нескольких объектов у д. Клепиково. Как отметил М.П. Грязнов в письме Спицыну (вероятно, археологу А.А. Спицыну), С.М. Сергеев сообщил о том, что в 1928 г. он раскопал две стоянки у д. Клепиково, где обнаружил, в том числе женское погребение².

С. Усть-Чарыш. При проведении разведочных работ был выявлен могильник (один большой и два малых кургана). Еще одиночный курган обнаружен приблизительно в полукилометре от предыдущего памятника.

Кроме того, были обследованы еще несколько объектов, расположенных в окрестностях села:

1. *Сваинские гривы.* Было исследовано семь грив, расположенных на песчаных дюнах. В результате обнаружено несколько кучек пережженных костей человека, а также найдены фрагменты глиняных сосудов и три железных наконечника стрел³ (Приложение 9).

2. *Березовые гривы* (расположены примерно в полукилометре к югу от Сваинских грив). Были исследованы два выдува на заросших песчаных дюнах. В результате обнаружены два неполных захоронения коня (одно в беспорядке, другое сохранившее связь в своем расположении), а также пережженный костяк человека и мелкие фрагменты керамики⁴.

Также Михаилом Петровичем сделана пометка о том, что в 1924 г.

¹МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф.Ш. Д. 10. Л. 4–5.

²Там же. Л. 1–3.

³Там же. Л. 2–3.

⁴Там же. Л. 4.

крестьянин Конаницын произвел там хищнические раскопки. Им был разрыт небольшой бугор, и на глубине приблизительно 2 м найдены кости человека и восемь медных византийских монет (позже определение монетам дал Г.П. Сосновский):

1. Монета из г. Амазии в Понте, I в.
2. Монета из Боспорского царства, 325 г.
3. Монета времен Анастасия I.
4. 2 монеты времен Юстиана I.
5. Монета времен Маврикия Тиберия.
6. Монета времен Константина VII.
7. Монета времен Романа I¹.

Все материалы хранятся в Государственном Эрмитаже, коллекция № 4400 (Приложение 10).

С. Чеканиха-I-III. Обследовались *Беловские сопки*, расположенные в пяти километрах к западу от деревни. В выдувах найдено несколько костей, принадлежавших женщине и ребенку, а также скелет лошади и фрагменты глиняных сосудов². Материалы хранятся в Государственном Эрмитаже, коллекция №4400.

С. Солдатово-I-III. Были осмотрены выдувы, на поверхности которых обнаружены фрагменты глиняных сосудов, раздробленные кости животных, ретушированная пластинка и éclates. Кроме того, в полукилометре к востоку от села обследовано городище длиной приблизительно 90 м и шириной 35 м, окруженное рвом. Внутри рва все пространство заполнено ямками квадратной формы. Находок не оказалось³. материалы хранятся в Государственном Эрмитаже, коллекция №4400.

С. Быстрый Исток-I-V. Обследовалось множество выдувов в окрестностях села. В результате был собран обширный и разнообразный материал. На первом объекте найдены фрагменты глиняных сосудов,

¹МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф.Ш. Д. 10. Л. 1.

²Там же. Л. 1-3.

³Там же. Л. 1-2.

недоделанный или испорченный кремневый наконечник стрелы, мелкие кремневые отщепы и ретушированная пластинка¹. На втором месте подняты фрагменты глиняных сосудов, два *lates* и отщеп². На третьем найдены только фрагменты глиняных сосудов³. На четвертом объекте обнаружено погребение ребенка, один целый глиняный сосуд и много фрагментов от других сосудов (Приложение 11), а также каменный наконечник стрелы и кремневых отщепа⁴. На пятом пункте собраны фрагменты глиняных сосудов, каменные наконечники стрел, каменные скребки и несколько кремневых отщепов и осколков⁵. Материалы хранятся в Государственном Эрмитаже, коллекция № 4382.

Также следует отметить, что М.П. Грязнов осмотрел коллекцию археологических находок из собрания Быстро-Истокской школы, классифицировал керамику, разделив ее на три типа, и сделал некоторые зарисовки⁶.

С. Усть-Ануйское-I и II. Был обследован выдув, на поверхности которого найдены фрагменты глиняных сосудов, кости животных, медный крючок и изделие из железа. Кроме того, было произведено обследование могильника (около 15 могил). Как отметил М.П. Грязнов, могилы не были нарушены, но примыкали вплотную к постройкам и при новой стройке будут застроены⁷.

С. Б. Угренево. Были обследованы *Дальний Кондовый Лог*, где обнаружено несколько фрагментов керамики, и *Ближний Кондовый Лог*, где найдены фрагменты глиняной посуды и несколько кремневых осколков.

Кроме того, в километре от села был обнаружен большой могильник, а также городище в пяти километрах от села⁸.

С. Енисейское. В четырех километрах от села были обследованы две группы курганов бийского типа (по 10-15 курганов в группе). Многие из них к

¹МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф.Ш. Д. 11. Л. 81.

²Там же. Л. 82.

³Там же. Л. 83.

⁴Там же. Л. 84–88.

⁵Там же. Л. 89.

⁶МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф.Ш. Д. 10. Л. 2.

⁷Там же. Л. 1–2.

⁸Там же.

тому времени уже были раскопаны, часть распахана.

Также был обследован яр, примыкавший к селу. Там обнаружены кремневый скребок и отщеп, а также фрагменты глиняных сосудов разного времени¹, в том числе «карасукского типа»².

Посетив Барнаульский музей, М. П. Грязнов, в числе прочего, заинтересовался бронзовым ножом из с. Енисейского, который был получен экспедицией А.П. Киршевского в 1920 г.,³ и осуществил его зарисовку. Также им были сделаны выписки о каменных изделиях, обнаруженных этой экспедицией. Михаил Петрович записал, что «... в 1920 г. А.П. Киршевским в пяти верстах от с. Енисейского был найден целый ряд предметов из камня: четыре топора, семь наконечников стрел, lates и eclates, и костяные стрелы. Интересная поделка из камня типа прибайкальских «рыбок»⁴. Михаил Петрович отметил, что подобные предметы принято считать частью составного рыболовного крючка, и по аналогии с прибайкальскими верхнеобские «рыбки» можно отнести к афанасьевскому этапу⁵. Археологические предметы, найденные М.П. Грязновым, хранятся в Государственном Эрмитаже, коллекция №4402 (Приложение 12).

С. Акутиха. В километре от этого села обследовался «*Быстрянский кордон*», на поверхности которого обнаружены четыре фрагмента сосудов бийского типа, чашки для плавки меди, каменные скребки, медная игла, костяной наконечник стрелы и кости разных животных⁶.

С. Усть-Чарышская Пристань. Обследование объектов не производилось, однако, как отмечал М.П. Грязнов, по сообщению местных жителей, в окрестностях имеются курганы, судя по описанию, бийского типа⁷.

С. Усть-Большая Речка. Сообщения о наличии археологических

¹МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф.Ш. Д. 10. Л. 5.

²НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 53. Л. 97.

³Тишкина Т.В. Пополнение в 1920-е гг. археологических коллекций в музее Барнаула // Известия Алтайского государственного университета. 2014. №4-2. С. 219.

⁴МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф.Ш. Д. 10. Л. 3.

⁵НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 53. Л. 97.

⁶МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф.Ш. Д. 10. Л. 7.

⁷МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф.Ш. Д. 12. Л. 2.

объектов на Ближних Елбанах появились в литературе задолго до приезда М.П. Грязнова на Алтай. Сборы подъемного материала в разные годы проводились Н.С. Гуляевым и В.П. Михайловым. М.П. Грязнов, производя обследование долины р. Оби, уделил Ближним Елбанам особое внимание как «...самому интересному месту на всем пройденном по р. Оби пути». Тогда же стало понятно, что его систематическое изучение может дать богатый и разнообразный материал¹.

Но, в 1925 г. ему удалось обнаружить памятники только на пяти дюнах, и на двух из них произвести небольшие раскопки. Далее в хронологической последовательности будут приведены результаты произведенных М.П. Грязновым работ у с. Большая Речка.

Весной 1925 г. была обследована могила 4 на Елбанах-IV. Погребение оказалось разрушено ветрами и разрыто. В могиле обнаружен скелет, при нем найдены медные бусы².

10 июля 1925 г. обследована могила 1 в том же пункте. Погребение было разрушено ветрами и раскопано местными жителями. Скелет, принадлежал молодой женщине, которая лежала на спине, головой на северо-восток. При скелете найдены: три глиняных сосуда, четыре медных трубочки, медные и пастовые бусы в области головы и шеи, две медных булавки, две бляшки, шесть браслетов (на предплечьях), три или шесть колец (на пальцах) и обломок височного кольца. Часть предметов была собрана непосредственно Михаилом Петровичем, остальные приобретены у одного из раскапывавших³ (Приложение 13).

12 июля 1925 г. М.П. Грязновым были обследованы Дальние Елбаны-I, а именно восточный выдув. Там обнаружены кости не менее пяти человек (три женщины и два мужчины), скелет овцы (некоторые кости *in situ*), просверленный астрагал барана, каменный наконечник стрелы, три кремневых

¹Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.-Л., 1956.С 6.

²МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф.Ш. Д. 11. Л. 276.

³Там же. Л. 273.

осколка и фрагменты глиняных сосудов¹ (Приложение 14). Впоследствии найденная керамика онесена к карасукской культуре².

19 июля 1925 г. обследована могила 2 на Елбанах-IV. Погребение было разрушено ветром и разрыто. Найдено несколько обломков костей человека, глиняный сосуд и двое медных бус³.

21 июля 1925 г. обследованы Елбаны-I и II, обнаружены фрагменты глиняного сосуда⁴ (Приложение 15).

23 июля 1925 г. обследованы Елбаны-III. Был собран подъемный материал и произведены раскопки. Раскопано три останца. В результате обнаружены фрагменты сосуда, кости животных, литейные формочки, медная проволока, кусочки плавленной меди и галька⁵.

29 июля 1925 г. обследована могила 3 на Елбанах-IV. Погребение также оказалось разрушено ветром и разрыто. Обнаружены кости человека, глиняный сосуд, медная трубочка, кольцо и трое медных бус⁶. Тогда же были обследованы Дальние Елбаны-II. На дне выдува найдены кости мужского скелета, а в обрыве обнаружено другое погребение мужчины 20–25 лет, при котором зафиксированы железная пряжка, костяная трубочка, кремь для высекания огня и камень. Предположительно, костяк лежал в колоде⁷.

На Дальних Елбанах-III, а именно в западном одиноком выдуве были найдены кости человека и фрагменты глиняных сосудов⁸.

Впоследствии материалы с Ближних Елбанов были переданы в Государственный Эрмитаж (оф. кол. № 4615 (Приложение 16) и 4616 (Приложение 17). В Государственном музее этнографии (ныне – РЭМ) хранятся две коллекции с подъемным материалом (кости). Коллекция №4615 содержит

¹МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф.Ш. Д. 10. Л. 1.

²НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 53. Л. 97.

³МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф.Ш. Д. 11. Л. 274.

⁴МАЭ ОмГУ. Ф.Ш. Д. 10. Л. 26–27.

⁵Там же. Л. 28.

⁶Там же. Л. 275.

⁷Там же. Л. 3.

⁸Там же. Л. 4.

309 предметов, а коллекция № 4616 – 297¹.

Материалы, полученные в ходе разведки, произведенной М.П. Грязновым, оказались настолько богаты и обширны, что позволили не только составить полное, хоть и схематичное представление об истории Алтая, но и способствовали построению М.П. Грязновым культурно-хронологической схемы².

Результаты достаточно кратко изложены в отчете. Согласно нему, М.П. Грязновым был исследован ряд древних стоянок и кладбищ, но раскопки были проведены в двух пунктах – у д. Клепиково и в с. Большереченском. Все добытые предметы, а также подробные дневники раскопок с планами и чертежами были переданы им в Государственный Русский музей³.

Впервые результаты проведенных работ очень кратко представлены в 1926 г. в небольшой заметке⁴. Более развернуто материалы отражены в работе 1930 г., где исследованные памятники представлены уже с конкретной культурно-хронологической привязкой⁵.

Также в 1925 г. при непосредственном участии М.П. Грязнова были исследованы могильники в окрестностях г. Бийска. На памятнике, известном под названием Бийск-I вскрыто 13 курганов, на могильнике Бийск-II – два таких объекта. В отчете М.П. Грязнова «О раскопке курганных могильников в г. Бийске», находящемся в личном архиве ученого в Музее археологии и этнографии ОмГУ, они значатся как «Могильник близ Подгорной» и «Могильник за кладбищем». Приведена их следующая характеристика:

«По краю возвышающейся над городом горы и представляющей собой древнюю террасу р. Бии расположились два могильника. Один к западу от города на «Подгорной», другой в одной версте к востоку от русского

¹РЭМ. Фонд отдела Сибири и Дальнего Востока/2.

²Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Новосибирск, 1930. Вып. 2. С. 4.

³НА ИИМК РАН. РО.Ф. 2. Д. 127. Л. 4–5.

⁴Грязнов М.П. Доисторическое прошлое Алтая. (Работа Алтайской экспедиции Госуд. Русского Музея в 1924/25 гг.) // Природа. 1926. № 9-10. С. 97–98.

⁵Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Новосибирск, 1930. Вып. 2. С. 1–12.

кладбища... Оба могильника представляют собой группы плоских расплывшихся курганов высотой от 0,2 до 0,6 м и от 7 до 13 м в диаметре. Вокруг насыпи иногда заметны следы рва. Большинство насыпей имеют следы недавних раскопок. Первый могильник насчитывает около ста курганов, второй несколько меньше. Раскопки начаты с первого, где раскопано 13 курганов, во втором вскрыты только две насыпи, давших совершенно аналогичный материал. Устройство могилы и погребальный обряд почти во всех могилах оказались совершенно одинаковы, исключение представляют только несколько могил. Обычно на дне могильной ямы глубиной от 1,6 до 2,8 м находится сруб длиной в 2–3 м и шириной от 0,6 до 1,3 м. Бревна или толстые доски, по большей части сосновые, не срублены, а сложены в стык. Поверх сруба положен накат из продольных бревен. В срубе лежит скелет человека на спине головой на СВ или СВВ. Около него в голове находится глиняный сосуд и задний отдел позвоночника барана. Кроме того, при скелете иногда встречаются немногочисленные предметы из железа, меди и кости. Поверх сруба находится скелет лошади, лежащей на животе, с головой, направленной в ту же сторону, что и скелет человека, т.е. на СВ или СВВ. Скелет лошади сопровождается удилами, пряжками, бляхами и прочими принадлежностями сбруи. Все могилы, за исключением двух, оказались частично или полностью разграбленными, благодаря чему порядок расположения костей и предметов почти всегда нарушен, и многие предметы по-видимому, похищены...»¹. Материалы были переданы в Государственный Эрмитаж, могильник Бийск-I – кол. № 4410, могильник Бийск-II – кол. № 4385. Стоит отметить, что долгое время сведения о рассматриваемых археологических объектах не были опубликованы. Лишь в 1961 г. сотрудница Государственного Эрмитажа М.П. Завитухина, используя полевую документацию М.П. Грязнова, издала результаты раскопок курганов и некоторые находки могильника Бийск-I², а в 1962 г. была проделана

¹МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф. III. Д. 37. Л. 65–67.

²Завитухина М.П. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 3. Эпоха бронзы и раннего железа Сибири и Средней Азии. Л., 1961. С. 89–108.

аналогичная работа с материалами могильника Бийск-II¹.

Следует указать, что материалы из указанных памятников неоднократно использовались исследователями в работах обобщающего характера. Они не потеряли актуальности, и востребованы до сих пор. В 2020 г. А.А. Тишкиным и Н.А. Пластеевой был опубликован остеологический материал могильников Бийск-I и Бийск-II, находящийся в настоящее время в Зоологическом институте РАН (г. Санкт-Петербург). Проведенное исследование позволит в будущем провести сравнительный анализ зафиксированных морфометрических показателей с имеющимися аналогичными данными по лошадям из других памятников Алтая и сопредельных территорий².

В 1927 г. М.П. Грязнов самостоятельно исследовал объект под названием Чудацкая гора, расположенный в 42 км к северо-западу от Барнаула, в устье Касмалы. Однако, его знакомство с данным памятником произошло в 1925 г. Дело в том, что в Барнаульский музей стали поступать находки с Чудацкой горы голым ранее. Так, в 1924 г. гр. Субботин произвел там сборы подъемного материала и доставил в музей обломок костяного наконечника стрелы и орнаментированные фрагменты керамики. Стоит отметить, что в период с 1924 по 1925 гг. гр. Субботиным было передано в дар музею 19 орнаментированных обломков венчиков керамических сосудов, восемь орнаментированных фрагментов средних частей керамических сосудов, четыре человеческих зуба, обломок железного ножа и обломок костяного наконечника³. В 1925 г. от школьного работника М.А. Неупокоева в музей поступили два орнаментированных обломка керамики от венчиков сосудов. Кроме того, во время экскурсии на Чудацкую гору учениками местной школы на поверхности земли были обнаружены фрагменты керамики и зуб вымершего животного⁴.

¹Завитухина М.П. Второй Бийский могильник // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. XXII. Л., 1962. С. 28–30.

²Тишкин А.А., Пластеева Н.А. Лошади из курганов, раскопанных около г. Бийска в 1925 г. (Верхнее Приобье): историографический аспект и археозоологические определения // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 68. С. 68.

³Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.). Барнаул, 2010. С.170.

⁴Там же.

Заинтересовавшись этими находками, в 1925 г. туда выехал Михаил Петрович Грязнов, работавший на Алтае в составе экспедиции Государственного Русского музея¹. Тогда ему удалось произвести сбор археологического материала, состоявшего преимущественно из керамики и каменных орудий, которые впоследствии были переданы в Государственный Эрмитаж². В Личном архиве М.П. Грязнова в МАЭ ОмГУ (Д. 16) хранится схема памятника, сделанная М.П. Грязновым и датированная 7–9 августа 1925 г.³ (Приложение 18).

В 1927 г. М.П. Грязнов вернулся на Чудацкую гору с целью проведения полноценного научного исследования памятника. В архивных документах Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки имеются сведения, что обозначенные раскопки М.П. Грязнов (где он указан как помощник хранителя Государственного Географического музея) производил совместно с аспиранткой Ленинградского государственного университета М.Н. Комаровой и студенткой того же университета О.Ф. Даниловой⁴. Стоит отметить, что уже тогда археологический объект находился в аварийном состоянии вследствие постоянного разрушения песчаного мыса ветрами. На поверхности выдувов было обнаружено множество костей, керамики, каменных и металлических изделий. Нетронутой оставалась небольшая часть мыса, которая составляла лишь 20–30% от всей площади⁵. М.П. Грязновым производились сборы подъемного материала в зоне разрушения, а также была вскрыта площадь около 120 кв. м, в результате чего были зафиксированы грунтовый могильник и поселение⁶.

В 1934 г. известный ленинградский археолог А.А. Миллер в своей работе

¹Тишкина Т.В. Пополнение в 1920-е гг. археологических коллекций в музее Барнаула // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4-2. С. 221.

²Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Материалы эпохи ранней бронзы, полученные М.П. Грязновым с памятника Чудацкая гора в Верхнем Приобье // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. Кн. 1. С. 154.

³МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф Ш. Д. 16. Л. 83.

⁴БКМ им. В.В. Бианки. Ф. 2. Д. 3.

⁵Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Памятники эпохи энеолита, ранней и развитой бронзы на территории Павловского района // Павловский район: очерки истории и культуры. Барнаул, 2000. С. 23.

⁶Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Археологическое изучение Павловского района // Павловский район: очерки истории и культуры. Барнаул, 2000. С. 17.

«Археологические разведки»¹ использовал иллюстрацию плана раскопок Чудацкой горы, составленного М.П. Грязновым (Приложение 19). Указывая на возможные способы стратиграфического изучения археологического объекта, он приводит исследование Чудацкой горы в качестве примера. А.А. Миллер назвал этот способ комплексным исследованием, позволяющим от условно обозначенной площадки развивать работу по всему комплексу в целях его полного охвата и поступать так же далее до следующего объекта. Этот метод сплошного вскрытия площади памятника получил широкое применение и эффективно используется до сих пор.

В процессе указанных раскопок было обнаружено одно из погребений, подробное описание которого хранится в Рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН. Его стоит привести полностью: «... найден скелет мужчины в возрасте 50–60 лет, погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой по направлению на северо-восток. Среди костей обнаружена целая серия различных предметов. Около локтя правой руки лежали друг на друге два небольших роговых предмета, девять узких каменных ножевидных пластинок, пять из них с тонкой ретушью по краям, широкая каменная пластинка, каменное орудие прямоугольной формы, обработанное крупными сколами, и две небольших удлиненной формы речных гальки. В области живота в разных местах лежал роговой трехзубый гарпун, обработанный кусок рога оленя – видимо, рукоятка каменного орудия – и две каменных пластинки. Между бедренными костями лежали: резец лошади с отверстием для подвешивания, каменная ножевидная пластинка и три осколка трубчатых костей крупного животного. Наконец, около левой груди найдены две ножевидных пластинки, одна из них с ретушью по краю, и осколки зеленоватого сланца. Все каменные предметы изготовлены из речных валунов и галек разных горных пород. На спинке двух тонких пластинок имеется искусственно отшлифованная поверхность. Эти сколы со старых, уже

¹Миллер А.А. Археологические разведки // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л., 1934. Вып. 83. 218 с.

отслуживших шлифованных орудий, использованных как материал для изготовления мелких каменных орудий»¹. Всего зафиксировано 26 артефактов, из них 19 – из камня и семь – из кости и рога². Все каменные предметы изготовлены из различных валунов и галек горных пород. На двух пластинках сохранились остатки искусственно отшлифованной поверхности, вероятно, ввиду того, что пластинки были изготовлены из старых поломанных шлифованных орудий. Кроме того, роговые изделия в погребении являются вещественными доказательствами того, что население Оби занималось охотой, а роговой гарпун свидетельствует о занятии рыболовством³.

Результаты раскопок и некоторые находки были частично опубликованы М.П. Грязновым в работе «Древние культуры Алтая»⁴. В ней также представлена одна из первых периодизационных схем, основанная на имевшихся результатах исследований на территории Верхнего Приобья. Следует отметить, что основная часть материалов в указанной работе и в других публикациях так и не была освещена в полном объеме.

В 1949 г. М.П. Грязнов, находясь в очередной раз на Алтае, вместе с М.Н. Комаровой, А.П. Уманским и К.С. Владимирским вновь обследовал Чудацкую гору. В 1955 г. А.П. Уманский самостоятельно побывал на уже известном ему памятнике и произвел там раскопки, в результате которых им было обнаружено несколько фрагментов керамики и изделия из кости⁵. За достаточно продолжительный период, прошедший с момента открытия Чудацкой горы до настоящего времени, лишь некоторые исследователи кратко, а зачастую с отдельными неточностями упоминали данный археологический объект. Даже сам М.П. Грязнов, несмотря на очевидный интерес к памятнику,

¹НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 53. Л. 3–4.

²Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П., Шмидт А. В. Погребение с Чудацкой горы (раскопки М.П. Грязнова, 1927 г.) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2009. Вып. XVII. С. 251–254.

³НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 86. Л. 4–5.

⁴Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Новосибирск, 1930. Вып. 2. С. 1–12.

⁵Уманский А.П. Археологические памятники Павловского района (материалы к археологической карте) // Павловский район: Очерки истории и культуры. Барнаул, 2000. С. 6.

достаточно скудно и фрагментарно упомянул о нем в указанной работе 1930 г., а в последующих публикациях практически не использовал полученные сведения. Важно отметить, что М.П. Грязнов, видимо, высоко ценил значение данного исследования. В 1947 г., прибыв в Барнаул, он оставил следующую запись в книге отзывов посетителей Алтайского краеведческого музея: «С большим интересом ознакомился с собранием памятников древних эпох Алтайского края, позволившими мне однажды (в 1927 году) найти и исследовать интересный памятник скифского времени – Чудацкую гору близ с. Касмалинского. Желаю дальнейшего роста и развития отдела истории Алтайского края. Старш. научн. сотр. Гос. Эрмитажа и Института истории матер. культуры Академии наук СССР, доктор исторических наук. М. Грязнов (подпись)»¹.

В монографии 1956 г. керамика с Чудацкой горы упоминается в порядке перечисления памятников, отнесенных к фоминскому этапу. При этом М.П. Грязнов отметил, что, кроме фоминской керамики, в культурном слое обнаружены и находки более раннего времени². В Научном архиве Института истории материальной культуры РАН хранится черновик статьи «Эпоха бронзы в районе Верхней Оби» (1948 г.), впоследствии не опубликованной. В ней автор делает попытку дать характеристику культуры племен, населявших территорию Верхней Оби в неолите и в период ранней бронзы. Несмотря на ограниченность материалов, имевшиеся памятники, по его мнению, «...проливают все же некоторый свет на этот темный период в истории племен Верхней Оби»³. Именно к числу таких памятников М.П. Грязнов отнес погребение с Чудацкой горы, отмечая, что оно является наиболее интересным из известных ему захоронений, относящихся к периоду, предшествующему появлению металла на территории Верхней Оби. Представив достаточно детальную характеристику

¹Тишкин А.А., Стяжкина О.В. Археологические разведочные работы М.П. Грязнова на территории Барнаульско-Бийского Приобья в 1920-е гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2018. №2 (100). С. 192.

²Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. С. 133.

³НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 53. Л. 1.

погребения, он условно отнес его к III тыс. до н.э.¹ Примечательно, что изображения к этой статье хранятся в омской части архива ученого, что еще раз подчеркивает сложность работы с научным наследием М.П. Грязнова ввиду его разобщенности по двум городам². Среди прочих, там есть изображение погребения и рисунки находок с Чудацкой горы (Приложение 20).

Следует отметить, что отсутствие полной качественной публикации материалов приводит к некоторым разногласиям относительно хронологии погребения с Чудацкой горы. В частности, С.В. Киселев, разрабатывая периодизацию археологических комплексов Южной Сибири, упоминает погребение с Чудацкой горы. Он приходит к выводу, что погребение близко к нижнему слою Куюмской стоянки, однако отсутствие керамики придает ему большой архаизм³. В 1973 г. В.И. Матющенко отнес это же погребение к памятникам верхнеобской неолитической культуре, а в 1986 г. Ю. Ф. Кирюшин представил его в рамках характеристики большемысской культуры периода энеолита⁴. Позднее, уже в 2002 г., Ю.Ф. Кирюшин в своей монографии «Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири» учитывая предыдущие публикации, отразил некоторые находки с Чудацкой горы⁵. В 2009 г. вышла отдельная статья, посвященная раннему погребению с Чудацкой горы⁶. Постепенно усилиями барнаульских археологов материалы из раскопок М.П. Грязнова стали вводиться в научный оборот. В частности, М.Т. Абдулганеевым и А.А. Казаковым был произведен подробный анализ полученной керамики⁷. Ими учтено 728 венчиков от более, чем 100 сосудов. Визуально вся керамика разделена на три группы. В первую вошли сосуды,

¹НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 53. Л. 5.

²МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф. III. Д. 16.

³Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири (МИА, №9). М.; Л., 1949. С. 13.

⁴Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П., Шмидт А. В. Погребение с Чудацкой горы // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2009. Вып. XVII. С. 255.

⁵Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002. 294 с.

⁶Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П., Шмидт А. В. Погребение с Чудацкой горы // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2009. Вып. XVII. С. 249-257.

⁷Абдулганеев М.Т., Казаков А.А. Поселение Чудацкая гора // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 111–115.

основным элементом орнамента которых является «жемчужник». Во второй группе основным элементом орнамента являются наколы различной формы. Третья группа представляет собой смешанный тип керамики – фрагменты орнаментированы и наколами, и «жемчужником». Вся керамика была соотнесена с выделенными археологическими культурами: первая группа – со староалейской, вторая – с васюганским этапом кулайской, а третья совмещала в себе как кулайские, так и староалейские черты. Именно наличие третьей группы, по их мнению, позволяет рассматривать весь комплекс как единый¹. Позже новокузнецкий археолог Ю.В. Ширин, рассматривая ранние кулайские памятники Верхнего Приобья, также упомянул Чудацкую гору. Однако, по его мнению, «...датировка Чудацкой горы, предложенная М.Т. Абдулганеевым и А.А. Казаковым, представляется значительно заниженной»². По мнению исследователя, тот факт, что материалы были собраны не менее чем на трех удаленных участках, не позволяет свидетельствовать о том, что их можно объединить в синхронный комплекс³.

Другие исследователи (А.Б. Шамшин и А.Т. Сингаевский), опираясь на сведения М.Т. Абдулганеева по керамическому комплексу Чудацкой горы и используя методику анализа керамики, предложенную им же, провели систематизацию орнамента. В результате такой работы ими были выделены шесть групп орнаментов, основанных на приоритете какого-либо одного элемента либо сочетания двух элементов⁴. По их мнению, выделенные шесть групп и 11 вариантов орнаментов из четырех рассматриваемых в работе памятников «...характеризуют новый этап культуры населения Барнаульского

¹Абдулганеев М.Т., Казаков А.А. Поселение Чудацкая гора // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 112.

²Ширин Ю. В. О ранних кулайских памятниках Верхнего Приобья // Российская археология. 2004. №2. С. 56.

³Там же.

⁴Шамшин А.Б., Сингаевский А.Т. Этнокультурная ситуация на территории Барнаульского Приобья в конце III в до н. э. – I в. н. э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2007. Вып. 5. С. 54.

Приобья»¹. Представленные выводы также нашли критическую оценку со стороны Ю.В. Ширина².

В 2007 г. усилиями сотрудников бывшего НПЦ «Наследие» (г. Барнаул) под руководством Н.Ю. Кунгуровой были проведены раскопки на поселении Чудацкая гора. Следует отметить, что памятник находился в аварийном состоянии, а разработка карьера не контролировалась в связи с использованием местным населением глины для хозяйственных нужд. Исследование на памятнике происходило в несколько этапов:

1. Обследование площади распространения культурного слоя поселения с помощью шурфовки на участках, близких к границам распространения карьера.
2. Проведение сборов из разрушений и составление плана памятника.
3. Раскопки наиболее насыщенной культурными остатками аварийной части поселения. На первом этапе были заложены два шурфа размерами 3×1 м, которые позволили выявить находки (керамику и кости), датирующиеся I тыс. до н.э. Затем были произведены непосредственно раскопки поселения. Вскрытие квадратов (площадью 16 кв. м каждый) велось слоями, затем пластами. Основная масса находок располагалась приблизительно на глубине 0,55 м от современной поверхности. В результате исследований поселения обнаружены 164 фрагмента керамики и развал сосуда, более 350 фрагментов костей животных и несколько орудий. Также следует отметить, что в раскопе выявлены важные для изучения объекты: жилищный комплекс со множеством хозяйственных ям³.

В 2012 г. археологический объект Чудацкая гора вновь был обследован сотрудниками НПЦ «Наследие» в рамках работ по определению границ территорий объектов археологического наследия. Работы позволили расширить

¹Шамшин А.Б., Сингаевский А.Т. Этнокультурная ситуация на территории Барнаульского Приобья в конце III в до н. э. – I в. н. э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2007. Вып. 5. С. 56.

²Ширин Ю. В. О ранних кулайских памятниках Верхнего Приобья // Российская археология. 2004. № 2. С. 51–60.

³Автор выражает благодарность Н.Ю. Кунгуровой за возможность работы с отчетом о проведении аварийно-спасательных работ на разрушающихся памятниках археологии (поселение «Чудацкая Гора»), хранящимся в ее личном архиве.

границу памятника на 70 м к югу. Кроме того, был зафиксирован факт уничтожения культурного слоя в северной части памятника. К сожалению, ограниченный объем работ, а также многочисленные разрушения северной и центральной частей поселения не позволили выявить в этой части памятника конфигурацию оставшейся зоны распространения культурного слоя¹.

Несмотря на тот факт, что материалы, полученные в ходе исследования Чудацкой Горы, частично введены в научный оборот, а сам памятник вызывает научный интерес у ряда исследователей, существует необходимость публикации всех материалов и их более детального изучения.

Материалы с Чудацкой горы хранятся в Российском Этнографическом музее (кол. №4568 – сборы 1925 г., №5511 – раскопки 1927 г.) и Государственном Эрмитаже (кол. №4568, 4772, 5511, 5597 за 1925 и 1927 гг.).

К концу 1930-х гг. завершился один из этапов развития археологических исследований в стране². Фактически прекращается и профессиональное археологическое изучение Алтая³.

В первую очередь, это связано с репрессиями, проводимыми в том числе в отношении научных кадров. В 1933 г. М.П. Грязнов и еще несколько сотрудников Государственного Русского музея были арестованы по «Делу славистов» (или делу «Российской национальной партии»). Своей вины М.П. Грязнов не признал, и в 1934 г. был выслан в Вятку⁴.

В 1937 г. после трехлетней ссылки он возвратился в Ленинград. При поддержке М.И. Артамонова ему удалось устроиться в Государственный Эрмитаж и вновь полностью погрузиться в научную работу⁵.

¹Федорук А.С., Фролов Я.В., Редников А. А., Папин Д.В. Работы 2012, 2014, 2015 гг. по определению границ территорий археологического наследия // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2016. Вып. XXII. С. 213.

²Платонова Н.И. История археологической мысли в России (последняя треть XIX – первая треть XX вв.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2008. С. 5.

³Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860– 1930-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2009. С. 5.

⁴Кошелева Е.А. М.П. Грязнов в Вятском краевом музее // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2003. Кн. II. С. 7.

⁵Там же. С. 12.

В 1939 г. была с целью проведения археологических исследований на Алтае вновь была организована Алтайская экспедиция Государственного Эрмитажа. Перед экспедицией ставились следующие задачи: во-первых, изучение древних памятников Алтая, а, во-вторых, пополнение собраний музея новыми коллекциями. Помимо руководителя М.П. Грязнова, в ней приняли участие научные сотрудники Б.З. Рабинович и А.М. Виноградова¹.

Участниками экспедиции были произведены археологические разведки в пределах Усть-Канского аймака Ойротской автономной области, входившей с 1937 г. в Алтайский край (ныне Усть-Канский район Республики Алтай). Обследования осуществлялись в долинах рек Чарыш, Кан, Ябоган, Кырлык. В результате был выбран объект для раскопок – курганный могильник Яконур (Приложение 21). В ходе предпринятых работ вскрыто 17 погребений, относящихся к разным историческим периодам: от раннего железного века до средневековья² (Приложение 22). О результатах произведенных исследований М.П. Грязнов опубликовал небольшую заметку³ в «Сообщениях Государственного Эрмитажа» – научно-периодическом издании музея. В той работе он условно разделил исследованные курганы на две группы.

Первая отнесена ко II в. до н.э. – I в. н.э. Наиболее привлекательные находки обнаружены в кургане №8. В нем были погребены двое взрослых и ребенок в сопровождении двух коней. Ввиду того, что могила оказалась разграблена, первоначальное расположение погребенных и инвентаря установить не удалось. Но даже несмотря на данный факт, удалось обнаружить около 60 небольших украшений из золотой фольги. Также там были найдены фрагменты красного лака, два бронзовых зеркала, три глиняных кувшина и др. (Приложение 23). Сопроводительный инвентарь, а также способ погребения

¹Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1940. Вып. I. С. 17.

²Тишкин А.А., Горбунов В.В. Раннетюркское погребение на могильнике Яконур (по материалам раскопок М.П. Грязнова) // Древности Алтая. 2003. №10. С. 103.

³Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1940. Вып. I. С. 17–21.

позволили определить раскопанный объект шибинским этапом эпохи ранних кочевников (II в. до н.э.-I в. н.э.)¹

Другой курган (№5) того же периода отличался в первую очередь устройством могилы, не характерным для памятников Алтая (Приложение 24). Под обширной земляной насыпью находилась катакомба в виде глубокой овальной ямы с подбоем в западной стенке и с широким ограждением из бревен на поверхности земли. В самой катакомбе, в большой колоде, было обнаружено погребение пожилой женщины. Судя по скелету, она лежала на спине в вытянутом положении, головой на север. Среди обнаруженных находок наиболее важными являются украшения головного убора, вырезанные из толстого листового золота, и роговой орнаментированный гребень (Приложение 25). По мнению М.П. Грязнова, орнаментальные мотивы украшений аналогичны художественным изделиям Китая эпохи Хань, но не исключено, что они были сделаны местными мастерами по китайским образцам. Все вышеперечисленные характеристики (катакомба, положение, ориентация головой на север и отсутствие в могиле коня) необычны для элитных погребений ранних кочевников, исследованных на Алтае. Однако сопроводительный инвентарь позволил утверждать то, что женщина принадлежала к богатому роду. Вероятно, она являлась представительницей другого племени, но оказалась захоронена на кладбище мужа по обычаям своего народа².

Вторая группа исследованных археологических объектов, по мнению М.П. Грязнова, датируется VIII–X вв. н.э. Из них особое внимание в указанной публикации уделено кургану №1. В нем находился долбленный деревянный ящик с перегоревшими костями и предметами вооружения внутри. Особенность этого погребения заключалась в том, что оно находилось всего лишь в 30 см от уровня современной почвы. Все известные на Алтае могилы кочевой знати эпохи средневековья преимущественно имеют небольшую

¹Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1940. Вып. I. С.18.

²Там же.

насыпь. Полное отсутствие предметов роскоши в исследованном погребении не позволило говорить о том, что там захоронен представитель знатного сословия, а вероятнее всего, это был военачальник. Таким образом, отмечал М.П. Грязнов, «...мы получили новый важный факт для освещения одного из периодов истории Алтая»¹.

Как отмечал М.П. Грязнов, раскопки такого рода погребений имели для Эрмитажа особую ценность, поскольку заполняли существенный пробел в сибирских коллекциях. Раскопки 1939 г. дали не только ценные исторические наблюдения, но и новые музейные экспонаты, восполняющие пробелы по истории ранних кочевников Алтая и кочевников VIII–X вв.²

Несмотря на то, что предпринятые исследования дали важные материалы, относящиеся к разным историческим периодам и локализованные в пределах одного археологического комплекса, полного издания полученных материалов так и не состоялось.

Некоторые отдельные объекты Яконура использовались рядом ученых в специальных и обобщающих работах. В частности, А.А. Гаврилова в монографии «Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен» при классификации типов могил упоминала впускное погребение из кургана №5, и включила его в группу могил берельского типа, которую она датировала IV–V вв. н.э.³

Комплекс предметов вооружения могильника Яконур стал объектом специального изучения Ю.С. Худякова и неоднократно рассматривался им в ряде работ⁴.

¹Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1940. Вып. I. С. 19.

²Там же. С 20.

³Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. С. 56–57.

⁴Худяков Ю.С. Вооружение древних тюрок Горного Алтая // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск, 1983. С. 3–27; Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху развитого средневековья. Новосибирск, 1991. 336 с.

В.В. Горбуновым в одной из обобщающих работ, при проведении классификации наступательного вооружения были использованы материалы могильника Яконур, а именно курганов № 1, 2 и 5¹.

П.К. Дашковский в монографии, посвященной памятникам кыргызской культуры на Алтае, также обращался к материалам указанной культуры из Яконура, а именно, находкам из курганов № 1 и 4².

Существенным шагом на пути введения в научный оборот части неопубликованных материалов стала статья А.А. Тишкина и В.В. Горбунова, в которой была издана коллекции находок, обнаруженных при раскопках впускного погребения в кургане №5 на могильнике Яконур. Проведя детальный сравнительный анализ инвентарного набора, ученые пришли к выводу, что облик основной части инвентаря свидетельствует о тюркской культурной принадлежности яконурского впускного погребения и датируется V–VII вв. н.э.³

Позже усилиями А.А. Тишкина были впервые полностью опубликованы материалы из Яконура, относящиеся к монгольскому времени, а именно дана подробная характеристика кургана №1 и впускного погребения-А, относящихся к монгольскому времени. Также приведены архивные рисунки, сделанные М.П. Грязновым, и опись коллекции находок (№ 1554), хранящаяся в Государственном Эрмитаже⁴.

Таким образом, самостоятельные работы М.П. Грязнова, произведенные в 1920–1930-е гг. на территории Алтая, не только обозначили интерес молодого ученого к археологическому наследию региона и положили начало его систематическим работам на указанной территории, но и в определенной степени обозначили круг его научных направлений. Полученный богатый

¹Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. С. 22–61.

²Дашковский П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. Барнаул, 2015. С. 9.

³Тишкин А.А., Горбунов В.В. Раннетюркское погребение на могильнике Яконур (по материалам раскопок М.П. Грязнова) // Древности Алтая. 2003. №10. С. 116.

⁴Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул, 2009. С. 183–91.

археологический материал в совокупности с имеющимися данными позволил М.П. Грязнову предложить в 1920 г. первую культурно-хронологическую концепцию населения Алтая, о чем будет указано ниже.

1.2. Участие М.П. Грязнова в экспедициях на Алтае под руководством С.И. Руденко

Как уже было обозначено в предыдущем параграфе, в 1925 г. М.П. Грязнов впервые попадал на Алтай в составе Алтайской экспедиции Государственного Русского музея под руководством С.И. Руденко. В 1927 г. работы экспедиции были продолжены. Экспедиция, ставившая целью систематическое изучение истории народов, населявших Алтай, настойчиво добивалась возможности изучения больших каменных курганов. Причин этому было несколько. Во-первых, несмотря на то, что раскопки В.В. Радлова дали в свое время исключительно богатый материал, все же были произведены не на достаточно высоком уровне, и многие предметы утратили свою ценность¹. Во-вторых, именно наличие в таких курганах мерзлоты, позволяла экспедиции рассчитывать на находки хорошей сохранности. Но ввиду того, что экспедиция была сильно ограничена в средствах, первые два года осуществить такие работы не представлялось возможным.

Как и в предшествующие годы, экспедиция работала не всем коллективом, а отдельными отрядами. В 1927–1929 гг. отряд М.П. Грязнова проводил работы на р. Урсул и в урочище Шибё, а также на р. Улаган². С.И. Руденко руководил отрядом, работавшим в другом районе. Впервые возможность исследования крупных курганов появилась в 1927 г., и начальник экспедиции С.И. Руденко поручил его раскопки М.П. Грязнову и М.Н. Комаровой (Приложение 26). Несмотря на то, что подготовку, раскопки и всю полевую документацию вел М.П. Грязнов, главный документ – «Открытый лист» – был выдан на имя С.И. Руденко, и он же числился начальником всей

¹На ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 115. Л. 1.

²Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2. Археологи советской эпохи. СПб., 2014. С. 435.

экспедиции. Некоторые исследователи видят именно в этом зерно будущего конфликта ученых¹.

Основной целью экспедиции, вероятно, было исследование «... больших курганов, относящихся к эпохе владычества гуннов», о чем свидетельствует заметка в местной газете «Ойротский край»². Вполне возможно, что, вдохновившись успехом своего товарища и коллеги С.А. Теплоухова, раскопавшего в 1924 г. один из знаменитых курганов хуннской знати в Ноин-Уле³, они ехали на Алтай с намерением найти и раскопать подобные объекты. После долгих поисков они остановили свой выбор на одном, как им тогда казалось, нетронутым кургане. Это был довольно крупный, но в то же время самый малый по диаметру курган в цепочке погребальных комплексов⁴. Он получил название «Шибинский», или «курган Шибэ» по обозначению урочища в долине р. Урсул (Центральный Алтай). В Научном архиве Института истории материальной культуры РАН в фонде М.П. Грязнова (фонд №91) хранятся тезисы доклада для заседания 5-го разряда ГАИМК «Первые кочевники Алтая по раскопкам кургана Шибэ» (орфография автора. – *О.С.*), датированные 1930 г. Михаил Петрович дает следующее описание кургана: «Насыпь его состояла из камней, натасканных с реки и гор. Насыпь расплывшаяся, с неровной поверхностью. На поверхности следы трупосожжения алтайцев. В насыпи несколько скелетов животных: лошади, коровы, овцы и т.д... Под насыпью, в центре, могила размером 6×6×7 м. Первоначально хворост был насыпан до верху и придавлен сверху пятью бревнами. Погребение разграблено. Грабители похитили все ценное в камере... Во время работы они освещались берестой. Это сохранило нам много мелких предметов. Они пытались проникнуть и в ханскую часть погребения, прорубив стену. Судя по всему сказанному, погребение принадлежит очень богатому знатному лицу – хану или князю»⁵.

¹Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2. Археологи советской эпохи. СПб., 2014. С. 435.

²Ойротский край. 1927. №36. 14 мая.

³Китова Л.Ю. Сергей Александрович Теплоухов // Российская археология. 2010. №2. С. 169.

⁴ИА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 115. Л. 2.

⁵Там же. Л. 2–3.

Работая в совершенно новых и непривычных условиях, экспедиция столкнулась со многими трудностями. Очевидно, что для раскопок крупного кургана двух археологов оказалось явно недостаточно. Невероятными усилиями им удалось разобрать курган, потратив на это почти 20 дней (всего на раскопки Шибинского кургана ушло 47 дней непрерывной работы)¹. Но все же главной трудностью в смысле количественных затрат физической силы представляло прохождение мерзлой земли (Приложение 27). Весьма подробно методика такого рода работы отражена М.П. Грязновым в рукописи статьи «Случай археологических раскопок в условиях вечной мерзлоты (методика раскопок в мерзлоте)», которая хранится в НА ИИМК РАН. Попытка протаивания мерзлой земли путем раскладывания огня в обеденный перерыв на полтора часа закончилась неудачей. Оказалось, что за такое кратковременное прогревание земля протаивает не более чем на пять сантиметров. Не удалось также протаивание раскопа по частям, так как огонь, разложенный в одной части раскопа, мешал работе в другой его части. Значительно лучшие результаты дало продолжительное прогревание кострами в течение ночи. При таком подходе грунт оттаивал в среднем на 25–30 см, что давало возможность за сутки углубиться примерно на 0,5 м. По свидетельству М.П. Грязнова, еще одним осложняющим работу обстоятельством являлась необходимость вести раскопки по форме воронки, с пологими стенками (откосами) с уклоном не менее 30–40° с целью предотвращения обвала² (Приложение 28).

Кроме Шибинского кургана, М.П. Грязнов исследовал еще ряд небольших курганов, расположенных вокруг него, о которых сохранилось не так много сведений (Приложение 29). В личном архиве М.П. Грязнова в Музее археологии и этнографии ОмГУ, есть дело с материалами указанных курганов, ранее не опубликованных³. В частности, сохранился документ с описанием кургана №2 (Приложение 30). В нем имеется схематичный набросок плана кургана, а также даны параметры каменной насыпи (диаметр 8,5 м, высота 0,6

¹НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 168. Л. 3.

²Там же. Л. 4, 8, 10.

³МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф. III. Д. 9.

м) и глубина могилы «от горизонта» 0,15–0,3 м. Там же представлен следующий текст:

«Очертания могильной ямы установить не удалось. Находки сделаны приблизительно на площади 3-х кв. метров. Найдены в беспорядке:

1. Скелет человека (мужчина?, senilis) плохой сохранности.
2. Остатки 2-х скелетов лошади (молодая и взрослая), многих костей недостает.
3. Кости барана (верхние и нижние эпифизы бедра, большая берцовая, астрагал и две пяточных (взрослый и молодой индивиды)).
4. Две роговые пряжки (рис. 1, 6, 7).
5. Две роговые застежки (рис. 1, 3, 4).
6. Железный наконечник стрелы (рис. 1, 5).
7. Три свистунки от стрел.
8. Серебряная бляшка (рис. 1, 2).
9. Железная пластина (осколок стремени?)»¹ (Приложение 31).

На отдельном листе М. П. Грязнов сделал контурные рисунки найденных вещей, дополнив их некоторыми уточнениями и разрезами для подпружных пряжек. Там указано, что найденная «бляшка» сделана из низкопробного серебра, а шпенок для ее крепления («гвоздик») был железный. Даются размеры найденного куса железной пластины (от стремени?) — 5,5 × 7 см и описана его форма (неправильная четырехугольная). Две разные цурки и наконечник стрелы даны без разрезов². В архиве МАЭ ОмГУ также обнаружен документ с нарисованными предметами из малого кургана № 5 (Приложение 32). Частично эти предметы использовались в монографии А. А. Гавриловой³. Кроме железных удил с псалями и фрагмента тонкой кожи с набитыми металлическими бляхами («из низкопробного серебра с серебряными же

¹МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф. III. Д. 9. Л. 93.

²Тишкин А. А., Мамадаков Ю. Т., Стяжкина О. В. Археологические памятники у села Шибе в Центральном Алтае: история исследований // Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий). СПб., 2022. С. 48.

³Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 144 с.

гвоздиками»), остальные находки не были задействованы, но приведены рисунки двух подпружных пряжек из кургана №2. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что исследовательница почему-то смешала результаты раскопок двух курганов. Указанная ею информация о том, что лошади были уложены головами на ЮЮЗ, а человек на ССВ¹, вероятнее всего, относится к кургану №2. Сведений о других курганах в архивных материалах пока не обнаружено. По мнению М.П. Грязнова, вещи из этих курганов имеют аналогии с предметами из курганов Кудыргэ, Туэкта, с находками в могильнике типа Катанда-I и могут быть датированы VII в. Таким образом, эти курганы по времени не имеют никакого отношения к Шибинскому².

Результаты произведенных работ были кратко освещены М.П. Грязновым в виде небольшой заметки в журнале «Человек»³. Именно в ней он впервые поднял вопрос о датировке Шибинского кургана. По его мнению, параллели с рядовыми курганами, исследованными Алтайской экспедицией в 1925 г. и Ноин-Улинскими курганами в Монголии, позволяют отнести Шибинский курган к началу нашей эры⁴.

Позже М.П. Грязнов уточнил датировку Шибинского кургана, отнеся время его сооружения к 86–48 гг. до н.э. Основанием для этого послужило высказывание японского археолога С. Умехары о характере орнамента лаковой чашечки из Шибинского кургана⁵. В архивных материалах М.П. Грязнова также встречается запись, что в октябре 1930 г. С. Умехара, осмотрев лак, датировал курган 86–48 гг. до н.э.⁶

Несомненно, такого рода заметка не могла дать полного представления о результатах, а главное – о значении исследования Шибинского кургана. Однако,

¹Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. С. 92.

²Баркова Л.Л. Курган Шибэ и вопросы его датировки // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1978. Вып. 19. С. 38.

³Грязнов М.П. Раскопки княжеской могилы на Алтае // Человек. 1928. №2-4. С. 217–219.

⁴Там же. 219.

⁵Баркова Л.Л. Курган Шибэ и вопросы его датировки // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1978. Вып. 19. С. 37.

⁶МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф. III. Д. 9. Л. 79.

более детальной публикации не последовало. Лишь спустя 40 лет усилиями сотрудницы Государственного Эрмитажа, ученицы Михаила Петровича Л.Л. Барковой, существенная часть материалов из Шибинского кургана была введена в научный оборот. В 1978–1980 гг. в Археологическом сборнике Государственного Эрмитажа вышли статьи, посвященные детальной публикации материалов из Шибинского кургана, а также их интерпретации. В частности, в 1978 г. опубликована статья, посвященная вопросам датировки Шибинского кургана¹. Приведя детальную характеристику погребального обряда, Л.Л. Баркова отметила его сходство (за исключением ориентировки погребенного) с теми или иными большими алтайскими курганами. Сопоставление Шибинского и Ноин-Улинских курганов по ряду признаков свидетельствует о существенных различиях, «... что не дает оснований сближать курган Шибе с хуннскими захоронениями Ноин-Улы»².

Детальному изучению подверглись фрагменты уже упомянутой лаковой чашечки. Так, опираясь на результаты исследования образцов лака, полученные в результате химического анализа, а также методом инфракрасной спектроскопии, исследовательница пришла к выводу, что лак из Шибинского кургана отличен от лака из Ноин-Улинского кургана, соответственно, этот факт указывает на отсутствие связи между наличием лаковой чашечки в кургане Шибе и проникновением на Алтай хунну³. Кроме того, Л.Л. Баркова отвергла выдвинутые ранее предположения некоторых ученых, о том, что в Шибинском кургане захоронен представитель хуннуской знати. По ее мнению, интенсивные связи населения Алтая с кочевым населением Центральной Азии существовали задолго до образования хуннуского племенного союза. Соответственно, нет веских оснований видеть в погребенном, пусть и монголоидного типа, представителя хунну. Курган Шибе был сооружен в то же время, что и другие

¹Баркова Л.Л. Курган Шибе и вопросы его датировки // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1978. Вып. 19. С. 37.

²Там же. С. 40.

³Там же. С.42.

Большие Алтайские курганы, т.е. не позднее III в. до н.э.¹

Л.Л. Баркова продолжила публикацию материалов из Шибинского кургана. В 1979 г. она опубликовала статью, в которой не только систематически изложила описание сохранившихся деталей конского снаряжения и убранства, но и по возможности провела аналогии из других Алтайских курганов, что, несомненно, дало более полное представление об этом памятнике и способствовало уточнению его датировки. Было отмечено, что раскопки Шибинского кургана дали довольно большое количество предметов конского снаряжения, украшенных различным орнаментом и выполненных в «зверином» стиле, однако примечателен тот факт, что среди изображений животных встречается лишь хищник кошачьей породы² (Приложение 33). Стоит отметить, что эти предметы вызывали большой интерес у самого Михаила Петровича. В упомянутой работе 1928 г. он писал об «...украшениях со звериным орнаментом, сюжетом которых, по-видимому, являются местные формы зверей, а стиль и техника их выполнения обычны для изделий скифо-сибирского животного стиля»³.

Годом позже выходит еще одна статья Л.Л. Барковой, в которой она полностью опубликовала материал, связанный с погребением человека⁴. По мнению исследовательницы, анализ предметов материальной культуры, связанных непосредственно с захоронением людей, еще раз подтвердил сходство кургана Шибе с другими большими алтайскими курганами, что органично вписывает его в круг культуры ранних кочевников Алтая. Определение Шибинского кургана в качестве опорного для выделения отдельной культуры или археологического этапа она сочла необоснованным⁵.

Раскопки кургана в урочище Шибе показали, что на Алтае можно

¹Баркова Л.Л. Курган Шибе и вопросы его датировки // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1978. Вып. 19. С. 43.

²Баркова Л.Л. Погребение коней в кургане Шибе // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1979. Вып. 20. С. 64.

³Грязнов М.П. Раскопки княжеской могилы на Алтае // Человек. 1928. № 2-4. С. 217–219.

⁴Баркова Л.Л. Курган Шибе. Предметы материальной культуры из погребальной камеры // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1980. Вып. 21. С. 48–58.

⁵Там же. С. 58.

встретить наличие мерзлоты и, следовательно, обнаружить хорошо сохранившиеся погребения. Первоначально находки из Шибинского кургана размещались в Государственном Музее этнографии народов СССР (ныне Российский этнографический музей). Во время Великой Отечественной войны некоторые предметы оказались утрачены. Л.Л. Баркова сообщает, что в 1955 г. весь материал из кургана Шибе был передан в Государственный Эрмитаж, где хранится по сей день, и по музейной описи насчитывается 244 номера (инв. № коллекции 4888)¹. Однако, в 2022 г. А.А. Тишкин в ходе работы с археологическими коллекциями фондов отдела Сибири и Дальнего Востока / 2 Российского этнографического музея обнаружил несколько ящиков с предметами из шибинских курганов. В частности, ящик №820 (коллекция №4888) содержит 19 предметов, извлеченных из разных мест насыпи херексура (Приложение 34). Ящик №821 (коллекция №4888) содержит фрагменты ткани из погребения. Количество фрагментов не указано. Ящик №823 (коллекция №1127) содержит остатки археологических скоплений с фрагментами дерева и металла курганов №2 и 5². Эти и ранее приведенные данные обозначают необходимость работы с коллекциями, которые хранятся в Российском этнографическом музее и связаны с работами М.П. Грязнова в 1925 и 1927 г.

В 1929 г. Алтайская экспедиция Государственного Русского музея вновь прибыла на Алтай, главным образом для продолжения исследования больших алтайских курганов. Следует отметить, что к тому моменту М.П. Грязнов уже являлся членом Общества по изучению Сибири и ее производительных сил (ОИС) – крупнейшего научного общества Сибири 2-й половины 1920-х – начала 1930-х гг., что подтверждает копия его членского билета³. Это свидетельствует об утвердившемся интересе молодого ученого к археологическому наследию региона.

Раскопки кургана в урочище Шибе, показали, что мерзлота не

¹Баркова Л.Л. Курган Шибе. Предметы материальной культуры из погребальной камеры // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1980. Вып. 21. С. 48.

²РЭМ. Фонд отдела Сибири и Дальнего Востока/2.

³НА ИИМК РАН. Ф. 91. Оп. 2. Д. 20. Л. 3.

распространяется за пределы каменной насыпи кургана, а наоборот, образование мерзлоты обусловлено этой самой насыпью. Следовательно, в больших курганах, подобных шибинскому, можно встретить хорошо сохранившееся погребение. Но, ввиду сложности работы в мерзлом глинисто-щебнистом грунте, который преобладал в Шиббе, было решено перенести работы в Пазырык¹. Дело в том, что Пазырыкская группа курганов была обнаружена экспедицией еще в 1924 году. Тогда же С.И. Руденко было произведено их предварительное обследование, которое показало, что высокое положение курганов над уровнем моря, климатические условия и песчаный грунт могли способствовать благоприятному образованию курганной мерзлоты². Кроме того, курганы Пазырыка, в отличие от шибинских, находились в труднодоступном месте, следовательно, экспедиция могла рассчитывать на их целостность. Однако, по воспоминаниям М.П. Грязнова, взглянув на фотографии этих курганов, он сразу понял, что и они разграблены. Тем не менее, им было принято решение ехать на раскопки, поскольку, по его представлениям «...заранее знать, какой из курганов будет интереснее, какой будет иметь более ценный в научном отношении материал мы не можем, это чистая лотерея»³.

Учитывая опыт работы на Шибинском кургане, экспедиция отправилась на раскопки в более расширенном составе. Помимо непосредственно С.И. Руденко, который являлся руководителем экспедиции, в ней приняли участие сотрудники музея: М.П. Грязнов, М.Н. Комарова, В.С. Адрианов, К.И. Ульрих, а также студентка ЛГУ А.Г. Доскач⁴. Из пяти курганов был выбран самый большой, занимавший центральное положение в цепочке⁵. Он представлял собой большую плоскую насыпь из крупного камня, под которой

¹Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950. С. 13.

²Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. С. 5.

³Грязнов М.П., Комарова М.Н. Пазырык. Разговор, услышанный 20 лет спустя (магнитофонная запись рассказа Михаила Петровича Грязнова и Марии Николаевны Комаровой от 12 марта 1982 г.) // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. Кн. I. С. 91.

⁴НА ИИМК. РО. Ф. 91. Оп.1. Д. 168. Л. 2.

⁵Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950. С. 13.

располагалась могильная яма, глубиной 4 м и площадью в 52 кв. м. (Приложение 35). Внешний вид и устройство кургана оказались сходными с курганом, исследованным в Шибе¹. Как и предполагалось, погребение оказалось разграбленным, вероятно, вскоре после его сооружения. Вырыв в кургане вертикальную яму, грабители оказались в погребальной камере и похитили из нее все ценные вещи (Приложение 36). Также они пытались попасть и в северную часть могилы, где были захоронены лошади, но что-то помешало им, и эта часть оказалась нетронутой². Несмотря на это, в погребении осталось много вещей либо не понадобившихся грабителям, либо ускользнувшим от их внимания³. Несмотря на полный разгром погребальной камеры, некоторые сохранившиеся вещи дали возможность составить представление о ее внутреннем убранстве⁴. Сняв крышку с колоды, повредив ее при этом ударами топором, грабители достали погребенного наружу (Приложение 37). Именно поэтому в могиле от него не сохранилось никаких остатков⁵.

Ценным источником для изучения истории Первого Пазырыкского кургана стала беседа М.П. Грязнова и М.Н. Комаровой, сохранившаяся в виде магнитофонной записи из личного архива ученика М.П. Грязнова – Н.А. Боковенко. Этот рассказ проливает свет на многие неизвестные ранее нюансы в работе экспедиции⁶.

Необходимо отметить, что с самого начала раскопки кургана были сопряжены со многими трудностями. Как уже было отмечено, курганы находились в удаленном месте, куда не было проезжих дорог, а добраться

¹Грязнов М.П. Пазырыкское княжеское погребение на Алтае // Природа. 1929. № 11. С. 972.

²Там же. С. 973.

³ИА ИИМК. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 90. Л. 13.

⁴ИА ИИМК РАН. РО. Ф.91. Оп. 1. Д. 93. Л. 3.

⁵Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950. С. 20.

⁶Грязнов М.П., Комарова М.Н. Пазырык. Разговор, услышанный 20 лет спустя (магнитофонная запись рассказа Михаила Петровича Грязнова и Марии Николаевны Комаровой от 12 марта 1982 г.) // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. Кн. I. С. 91.

можно только верхом на лошадях¹. В Научном архиве Института истории материальной культуры РАН хранится рукопись статьи М.П. Грязнова «Пазырык. Раскопки Русского музея на Алтае»². В ней автор описывает некоторые моменты работы экспедиции следующим образом:

«...После долгого пути на лошадях по проселочным дорогам, на лодках по опасному «Алтын-колю» и верхами по узким горным тропам Чулышманова ущелья экспедиция достигла Улаганова плоскогорья. Здесь, на высоте 1600 метров над уровнем моря, в сухом логоу Пазырык было место упокоения древних ханов Алтая...»³.

С самого начала работы экспедиции остро встал вопрос с нехваткой рабочей силы. По воспоминанию М.П. Грязнов, по пути в Пазырык они набрали бригаду рабочих (около 30 человек), но спустя неделю работы они забастовали, требуя существенного повышения зарплаты. Будучи сильно ущемленной в средствах, экспедиция себе этого позволить не могла, и с рабочими пришлось попрощаться. Около недели потребовалось на то, чтобы укомплектовать бригаду рабочих «... из местных, непривычных к работе, незаинтересованных в этом»⁴.

Однако, пожалуй, самые существенные трудности ожидали экспедицию, когда она столкнулась с преодолением мерзлоты. Достаточно подробно этот процесс описан в упомянутой рукописи статьи М.П. Грязнова⁵, хранящейся в НА ИИМК РАН. В частности, в ней указано, что погребение в Пазырыке с самых верхних слоев бревен было сковано плотным льдом. Сами бревна, а также предметы, находившиеся в погребении, были прочно «сцементированы».

¹Грязнов М.П., Комарова М.Н. Пазырык. Разговор, услышанный 20 лет спустя (магнитофонная запись рассказа Михаила Петровича Грязнова и Марии Николаевны Комаровой от 12 марта 1982 г.) // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. Кн. I. С. 91.

²НА ИИМК. РО. Ф. 91. Оп.1. Д. 89.

³Там же. Л. 1.

⁴Грязнов М.П., Комарова М.Н. Пазырык. Разговор, услышанный 20 лет спустя (магнитофонная запись рассказа Михаила Петровича Грязнова и Марии Николаевны Комаровой от 12 марта 1982 г.) // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. С. 92.

⁵НА ИИМК. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 168.

Вода, заполнявшая все пространство в могиле, замерзла¹. Лед приходилось оттаивать горячей водой, но, поскольку, воды не было в открытом доступе даже для питья, не говоря уже о технических нуждах, приходилось непрерывно греть костер, разливать воду в могиле, а затем собирать, процеживать и снова греть². Процесс разбора Пазырыкского кургана оказался невероятно сложным. Находок было много, а их извлечение, протоколирование, просушка и упаковка так кропотливы, что и шести человек оказалось совершенно недостаточно. В целом на разбор Пазырыкского кургана потребовалось 46 дней упорной и напряженной работы³. В полевом дневнике, находящемся в том же архиве, М.П. Грязнов фиксирует некоторые моменты работы следующим образом:

08.07.1929 г. – приехали в Улаган и стали копать.

15.07.1929 г.– стали копать траншею под насыпью.

18.07.1929 г.– вечером приехал С.И. Руденко.

19.07.1929 г.– дошли до бревен.

06.08.1929 г.– уехал С.И. Руденко.

07.08.1929 г.– первая лошадь.

21.08.1929 г.– утром кончили работу и наполовину засыпали.

22.08.1929 г.– кончили засыпку, под вечер уехали⁴.

Но даже с окончанием работ на кургане не закончились все трудности. Во-первых, было неясно, как добираться до ближайшей железнодорожной станции в Бийск, так как из отпущенных на экспедицию средств осталось 9 рублей. Пришлось обратиться к местному населению, которые согласились отвезти их бесплатно, но только до Телецкого озера⁵. Во-вторых, перед

¹НА ИИМК. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 168. Л. 2.

²Грязнов М.П., Комарова М.Н. Пазырык. Разговор, услышанный 20 лет спустя (магнитофонная запись рассказа Михаила Петровича Грязнова и Марии Николаевны Комаровой от 12 марта 1982 г.) // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. С. 92.

³НА ИИМК. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 168. Л.3.

⁴НА ИИМК. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 89. Л. 28.

⁵Грязнов М.П., Комарова М.Н. Пазырык. Разговор, услышанный 20 лет спустя (магнитофонная запись рассказа Михаила Петровича Грязнова и Марии Николаевны Комаровой от 12 марта 1982 г.) // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. С. 96.

экспедицией встала задача сохранности лошадей. Было решено прямо на месте раскопок соорудить хорошо продуваемый сруб, и оставить лошадей там: везти их с собой не представлялось возможным. Несколькими месяцами позже за ними отправили сотрудника музея, участника экспедиции В.С. Адрианова, который доставил колоду с трупами лошадей в Этнографический отдел ГРМ¹. В архивных материалах об организации Алтайской экспедиции Русского музея сохранилась копия сметы на Алтайскую экспедицию в 1930 г. (Приложение 38). В ней сообщается, что задолженность экспедиции по работам 1929 г. составила 1380 рублей. В той же смете заложена зимняя поездка для вывоза коллекций, трупов лошадей и для подготовки работ 1930 г. (снятие четырех каменных насыпей)². К смете приложена объяснительная записка. Авторство не указано, но, возможно, она была составлена начальником экспедиции С.И. Руденко (Приложение 39).

Находки из Первого Пазырыкского кургана хранятся в Государственном Эрмитаже (коллекция №1295). В личном архиве М.П. Грязнова в Музее археологии и этнографии музейного комплекса ОмГУ имеется дело с материалами из Первого Пазырыкского кургана³. В нем, помимо описания находок и некоторых иллюстраций, содержится список предметов коллекции Государственного Эрмитажа из раскопок Пазырыкского курума («курум» с тюркского – значительные по площади скопления крупных глыб горных пород). Список представляет собой таблицу с описанием предметов по следующим параметрам: инвентарный номер, название предмета, местонахождение в кургане, а также номера рисунков и таблиц к ним⁴.

Первый Пазырыкский курган занимает особое место по исключительному богатству и разнообразию находок, а также обилию и высокой художественной

¹Грязнов М.П., Комарова М.Н. Пазырык. Разговор, услышанный 20 лет спустя (магнитофонная запись рассказа Михаила Петровича Грязнова и Марии Николаевны Комаровой от 12 марта 1982 г.) // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. С. 96. С. 95.

²НА ИИМК РАН. РО. Ф. 42. Д. 348. Л. 2.

³МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф. III. Д. 7.

⁴Там же. Л. 2–9.

ценности найденных в нем предметов изобразительного искусства¹. Материал, полученный в результате его исследования, настолько обилен и разнообразен, что позволил получить представление не только о быте верхушки общества, коим являлся погребенный, но о тех, чьими руками все создавалось, т.е. об основных слоях населения. Особенности хозяйства и быта, сложившиеся в племени производственные отношения, особенности мировоззрения, религиозные взгляды – это все нашло отражение в находках из Первого Пазырыкского кургана. Несмотря на тот факт, что некоторые выводы требовали дополнительных наблюдений по материалам других памятников, этот курган стал примером того, как много может дать для изучения истории древних племен раскопки лишь одного памятника².

Результаты исследования нашли отражение в нескольких публикациях М.П. Грязнова. Уже в декабре 1929 г. в журнале «Природа» вышла небольшая заметка о Пазырыке³. Ввиду достаточно скорой публикации с момента непосредственных раскопок автор не делает в ней каких-либо основополагающих выводов относительно быта, хозяйства, социального устройства народа, населявшего данную территорию. Там, по сути, просто излагаются результаты работы на Пазырыкском кургане и представлены особо важные находки. Затем, в 1937 г. была издана небольшая двуязычная (на русском и французском языках) брошюра «Пазырыкский курган» («Le Kourgane de Pazyryk»)⁴. В ней Михаил Петрович не только дает характеристику кургана, но особое внимание он уделяет описанию предметов из погребения именно с художественной точки зрения, отмечая высокую технику их исполнения. Позже, в 1945 г., по материалам Первого Пазырыкского кургана М.П. Грязнов защитил докторскую диссертацию «Пазырык. Погребение племенного вождя на Алтае»⁵. Лишь в 1950 г. в свет вышла его монография «Первый Пазырыкский курган», в

¹НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 96. Л. 1.

²Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950. С. 42.

³Грязнов М.П. Пазырыкское княжеское погребение на Алтае // Природа. 1929. №11. С. 973–984.

⁴Грязнов М.П. Пазырыкский курган. М., 1937. 44 с.

⁵НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 99.

которой не только подробно освещены материалы, но и особое внимание уделено характеристике культуры пазырыкского племени: хозяйство, быт, средства передвижения, военная техника и т.д.¹

Несомненно, что данные, полученные при раскопках Первого Пазырыкского кургана, нашли отражение и в трудах С.И. Руденко – руководителя экспедиции. Вообще, находки из Первого Пазырыкского кургана оказались настолько уникальны, что он планировал продолжить исследование пазырыкской группы памятников уже в следующем году, но осуществить задуманное удалось не скоро. В 1930 г. С.И. Руденко был арестован. Удалось только опубликовать результаты работ в небольшой статье², которая вышла в 1931 г., когда С.И. Руденко уже был осужден и отбывал наказание по сфабрикованному делу о контрреволюционной монархической организации «Всенародный Союз борьбы за возрождение свободной России»³. Некоторые исследователи видят причины начала конфликта между учеными именно в том, что М.П. Грязнов обработал и опубликовал результаты исследования, не получив на то разрешения С.И. Руденко⁴. Сергей Иванович, вернувшись в 1934 г. в Ленинград, хотел работать с пазырыкскими материалами, и даже обратился к директору Эрмитажа И.А. Орбели с просьбой дать ему доступ к ним. И.А. Орбели, узнав, где работал С.И. Руденко (после досрочного освобождения он остался вольнонаемным в должности старшего инженера стройотдела Беломорско-Балтийского комбината НКВД), разрешения не дал, и по воспоминаниям современников, перестал его принимать и замечать при встрече⁵.

¹Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950. 113 с.

²Руденко С.И. «Скифское» погребение Восточного Алтая // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. 1931. №2. С. 25–31.

³Тишкин А.А., Шмидт О.Г. Годы репрессий в жизни С.И. Руденко // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. Барнаул, 2004. С. 22.

⁴Шмидт О.Г. Археологические исследования Сергея Ивановича Руденко // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег: сб. науч. статей. Барнаул, 2004. С. 73.

⁵Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2. Археологи советской эпохи. СПб., 2014. С. 294.

Вернуться в археологию С.И. Руденко смог лишь в 1942 г. Отказавшись ехать в эвакуацию, он обратился в ИИМК АН СССР с просьбой принять его на работу, и временно исполняющий обязанности директора С.Н. Бибииков подписал приказ о его зачислении¹.

Несмотря на то, что М.П. Грязнов фактически единолично распоряжался пазырыкской коллекцией, его контакты с С.И. Руденко продолжались. Так, в своем письме М.П. Грязнову в 1945 г. С.И. Руденко обращался к нему с просьбой предоставить альбом с миниатюрами и рисунками пазырыкских вещей для одной из его работ².

Усугубился конфликт в 1947 г., когда директор ЛО ИИМК АН СССР В.И. Равдоникас предложил М.П. Грязнову ассигнования на новые раскопки в Пазырыке. Последний счел средства недостаточными и отказался. В то же время как С.И. Руденко согласился на обозначенные условия. Михаил Петрович с супругой Марией Николаевной решили ехать помогать, но разногласия из-за методики работы Сергея Ивановича навсегда рассорили ученых. Как потом вспоминала М.Н. Комарова, Руденко действовал «грабительно», «брал то, что у него в ногах было, и кидал мне наверх, тут и кости попадались. А я сидела и подбирала то, что он вытаскивал из могилы. Это был курган 2. Копали, конечно, скверно. Ему было трудно разобраться при таком способе раскопок. Так же были исследованы и другие курганы»³. По ее утверждению, именно Михаил Петрович помог разобраться в груде вытащенных на поверхность вещей, подбирали и реставрировали их⁴.

Позже, работая в послевоенное время в одном институте, М.П. Грязнов и

¹Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2. Археологи советской эпохи. СПб., 2014. С. 294.

²ИА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 3. Д. 162.

³Грязнов М.П., Комарова М.Н. Пазырык. Разговор, услышанный 20 лет спустя (магнитофонная запись рассказа Михаила Петровича Грязнова и Марии Николаевны Комаровой от 12 марта 1982 г.) // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. С. 96.

⁴Грязнов М.П., Комарова М.Н. Пазырык. Разговор, услышанный 20 лет спустя (магнитофонная запись рассказа Михаила Петровича Грязнова и Марии Николаевны Комаровой от 12 марта 1982 г.) // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. С. 96.

С.И. Руденко никогда не разговаривали друг с другом. Других форм конфликт не приобретал¹.

С.И. Руденко неоднократно использовал материалы из Первого Пазырыкского кургана в своих работах (1944 г., 1952 г., 1953 г. и др.), отмечая, что полученный материал позволил с небывалой до этого в палеоэтнологической практике точностью восстановить картину жизни не только захороненного, но и целого племени: трудовые процессы, ремесло, производство и т.д.²

Раскопки Первого Пазырыкского кургана и полученные результаты породили дискуссию относительно датировки объекта. Так, М.П. Грязнов отнес Первый Пазырыкский курган к IV в. до н.э. С.В. Киселев датировал пазырыкскую группу курганов последними веками до н.э., называя это время гунно-сарматским. С.И. Руденко с предложенными датировками был не согласен и считал их необоснованными³.

Находки из Первого Пазырыкского кургана, обязанные своей хорошей сохранностью мерзлоте, вызвали огромный интерес не только среди ученых, но и у широких кругов общества. Они до сих пор экспонируются как в залах Государственного Эрмитажа, так и активно задействованы в выставочной деятельности. В настоящее время на памятнике Пазырык проводится доисследование кургана №5 с целью его дальнейшей музеефикации (Приложение 40).

Помимо раскопок Первого Пазырыкского кургана, в 1929 г. М.П. Грязновым был исследован еще ряд объектов. В частности, было продолжено начатое в 1925 г. исследование могильника Бийск-I, а именно, раскопаны два кургана. Материал был передан в Бийский музей. В настоящий момент предметы из указанных раскопок представлены двумя коллекциями – №22 и 33, некоторые предметы представлены в экспозиции музея. В 1961 г.

¹Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2. Археологи советской эпохи. СПб., 2014. С. 436.

²НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп.1. Д. 115. Л. 182.

³Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953. С. 344.

усилиями М.П. Завитухиной результаты этих раскопок и некоторые отдельные предметы были опубликованы¹.

В том же году М.П. Грязновым были раскопаны четыре кургана в небольшом урочище около устья р. Арагол, на правом берегу р. Большой Улаган, в 5–7 км выше по течению от пазырыкского комплекса². Памятник был открыт и частично исследовался в 1924 г. Алтайской экспедицией Государственного Русского музея под руководством С.И. Руденко. В частности, были вскрыты две насыпи диаметрами 12 и 13 м, высотой 0,5 и 0,8 м. Обе могилы оказались грунтовые, в одной было обнаружено два мужских скелета, в другой – один³. Результаты раскопок были кратко опубликованы С.И. Руденко в виде небольшой заметки⁴. Подробное же описание курганов сохранилось в фонде Г.П. Сосновского Научного архива ИИМК РАН в виде выписок из дневника А.Н. Глухова, который производил раскопки вместе с С.И. Руденко, и недавно опубликовано в своде памятников афанасьевской культуры⁵.

В 1929 г. М.П. Грязновым были продолжены исследования курганов Арагола. Здесь следует указать, поскольку авторы раскопок (С.И. Руденко и М.П. Грязнов) не объединяли эти курганы в один памятник, то они анализировались как разные объекты Г.Ф. Дебецем и М.Т. Абдулганеевым, а в публикации М.Д. Хлобыстиной⁶, вероятно, были ошибочно отнесены к одному могильнику: за курганами, раскопанными С.И. Руденко, закрепилось название могильник Ян-Улаган, а за курганами, раскопанными М.П. Грязновым, –

¹Завитухина М.П. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 3. Эпоха бронзы и раннего железа Сибири и Средней Азии. Л., 1961. С. 89–108.

²Тишкин А.А., Пластеева Н.А., Саблин М.В. Остеологические остатки лошадей, обнаруженные на Алтае при раскопках пазырыкских курганов на памятниках Катанда-II и Арагол (по материалам Зоологического института РАН) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2021. Вып. XXVII. С. 317.

³Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул, 2014. С. 108.

⁴Руденко С.И. Погребение человека каменного века в Восточном Алтае // Природа. 1926. №5-6. С. 108–109.

⁵Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул, 2014. 380 с.

⁶Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Горного Алтая // Советская археология. 1975. №1. С. 17–34.

могильник Арагол¹. Так, М.П. Грязновым были раскопаны четыре кургана, которые имели нумерацию с 1 по 4, т.е. без учета курганов, исследованных С.И. Руденко. Описания этих курганов, хранящиеся в фонде Г.П. Сосновского в Научном архиве ИИМК РАН были опубликованы в указанном своде. Однако, в фонде М.П. Грязнова, находящемся в том же архиве, так же находится описание и зарисовки курганов, сделанные его рукой. Поскольку упомянутые описания не совсем идентичны, приведем их полностью.

Курган 1. Земляная насыпь высотой 0,4 м, диаметром 7 м. У основания и кое-где посередине глубоко сидящие камни. Могильная яма – 2,00x1,10 м, глубина 0,8 м от горизонта. В верхнем слое насыпи ряд камней. Кости человека в беспорядке, начиная с глубины 0,55 м от горизонта. Найдены 3 зуба, грудина, 2 ключицы, 2 лопатки, 25 позвонков, 14 ребер, 2 стопы, левая кисть, часть мелких костей правой кисти и др. Левая кисть и стопа в полном порядке. Правая стопа в беспорядке около левой. Недостаёт: 2 бедренных кости, 2 берцовые кости и одной плечевой кости² (Приложение 41, рис. 1).

Курган 2. Насыпь диаметром 9,5 м, высотой 0,5 м. У основания видны камни. Глубина могилы 1,20 м от горизонта. Бревенчатый накат 2,3x1,95 м. Высшая точка наката 0,7 м от горизонта, низшая – 1,11 м. Скелет полный. По всему дну красная краска. Местами попадались белые камни³ (Приложение 41, рис. 2).

Курган 3. Раскоп 3x3 м. Яма неясных очертаний глубиной 1,3 м от горизонта. Насыпь диаметром 6 м, высотой 0,2 м. Верхний слой насыпи толщиной 30-40 см наполнен камнем – крупным и мелким. Яма заполнена камнем на глубину до 90 см от горизонта. Красная краска в небольшом количестве покрывает дно ямы и кости. Кости слабо окрашены. В области таза и ног угольки⁴ (Приложение 41, рис. 3).

¹Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул, 2014. С. 35.

²НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 192. Л. 2.

³Там же. Л. 3.

⁴НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 192. Л. 5.

Курган 4. Насыпь диаметром 8 м, высотой 0,3 м. У основания насыпи и посередине видны камни. Могильная яма глубиной 1,25 м неясных очертаний. Приблизительные размеры ее – длина 1,5х2,0 м, ширина 1 м. В яме следы красной краски, костей (2 фаланги руки и ничтожные обломки трубчатых костей ребенка лет 10). Попадаются мелкие кусочки дерева¹ (Приложение 41, рис. 4).

К результатам раскопок арагольских курганов в разное время обращался ряд исследователей. Так, Л.С. Марсадолов, выделив среди прочих разновременных курганов три кургана скифского времени, опубликовал материалы, и сопоставив их с предметами из Башадарских и Туэктинских курганов (бронзовые удила, псалии, пряжки, бляшки в виде головки сайги), датировал арагольские курганы 580–500 гг. до н.э.²

Н.Ф. Степанова, в одной из своих работ, выделила группу погребений арагольского типа, отнеся к ним погребения из Ян-Улагана, Арагола и Теньги-2, которые объединяет положение умершего на спине с вытянутыми ногами в грунтовой могильной яме подпрямоугольной формы, перекрытие из бревенчатых накатов, ориентация головой на северо-восток или восток, наличие охры в захоронении, безынвентарность или малочисленности инвентаря³.

Анализ остеологического материала лошадей из арагольских курганов, хранящихся в Зоологическом институте РАН, был произведен А.А. Тишкиным, Н.А. Пластеевой и М.В. Саблиным. Данные материалы существенно дополнили сведения о результатах изучения лошадей из «рядовых» и «элитных» курганов пазырыкской культуры, раскопанных на Алтае⁴.

¹НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 192. Л. 8.

²Марсадолов Л.С. Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талда). Саяно-Алтайская археологическая экспедиция Гос. Эрмитажа. Вып. 1. СПб, 1997. С. 19–20.

³Степанова Н.Ф. Арагольский и улитинский типы погребений эпохи бронзы (Горный Алтай) // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. Барнаул, 2010. С. 24–37.

⁴Тишкин А.А. Пластеева Н.А., Саблин М.В. Остеологические остатки лошадей, обнаруженные на Алтае при раскопках пазырыкских курганов на памятниках Катанда-II и Арагол (по материалам Зоологического института РАН) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2021. Вып. XXVII. С. 320.

Таким образом, работы Алтайской экспедиции Государственного Русского музея под руководством С.И. Руденко положили начало систематическим археологическим исследованиям на Алтае и в Верхнем Приобье. Значительный вклад в этот процесс внес М.П. Грязнов, для которого этот этап стал важным для становления как ученого. Начиная с 1925 г. он сделал ряд открытий, которые до сих пор не потеряли научной ценности и широко используются специалистами. Проведенные раскопки наметили перспективы для дальнейшего изучения региона, которые были продолжены М.П. Грязновым после Великой Отечественной войны на территории Верхнего Приобья.

ГЛАВА II

РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК НА АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ БЛИЖНИЕ ЕЛБАНЫ И В ЗОНЕ ЗАТОПЛЕНИЯ НОВОСИБИРСКОЙ ГЭС (2-я половина 1940-х – 1950-е гг.)

2.1. Деятельность Северо-Алтайской экспедиции в урочище Ближние Елбаны

Как уже было отмечено, в 1925 г. М.П. Грязнов, являясь участником Алтайской экспедиции Государственного Русского музея, осуществил самостоятельные разведки в долине р. Оби между Бийском и Барнаулом. Особое внимание археолог уделил группе памятников, расположенных у с. Большая Речка¹. Ему удалось обнаружить археологические объекты только на пяти дюнах и на двух из них произвести небольшие раскопки. Уже тогда стало ясно, что исследование памятников на Ближних Елбанах обещает обильный и разнообразный археологический материал, который поможет изучить прошлое населения Верхней Оби.

Стоит отметить, что Ближние Елбаны давно привлекали внимание местных исследователей с археологической точки зрения, ввиду множества находок на поверхности выдувов. Первым, кто собрал подъемный материал и произвел раскопки еще в конце XIX в. был Н.С. Гуляев. В 1915 г. студент Томского университета В.П. Михайлов, используя материалы Н.С. Гуляева, обследовал Ближние Елбаны². Собранные ими коллекции хранятся в музеях Санкт-Петербурга, Москвы, Томска, Барнаула и Горно-Алтайска, но плохо документированные они частично утратили свою научную ценность³.

¹Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.;Л., 1956. С. 6.

²Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.). Барнаул, 2010. С. 128.

³Грязнов М.П. Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1949. Вып. XXVI. С. 111.

Главной задачей экспедиций М.П. Грязнов ставил выявление и исследование на Ближних Елбанах памятников всех периодов. Он считал важным получение материалов именно из одного географического пункта, чтобы отразить все этапы культурного развития населения Верхней Оби. Данный подход отражал ранее реализованную идею С.А. Теплоухова, исследованного археологический микрорайон у с. Батени. М.П. Грязнов отмечал, что для получения целостной картины им было принято решение раскапывать все объекты, несмотря на тот факт, что некоторые из них недостаточно выразительные и перспективные¹.

Открытие памятников в урочище Ближние Елбаны в совокупности с уже известными памятниками позволили составить первое представление о смене древних культур Алтая². Однако для более полного представления этой концепции оказалось недостаточно материалов. Более того, неравномерная освещенность разных периодов, а также вовсе отсутствие памятников по некоторым этапам не давали возможности проследить непрерывный ход исторического развития древнего населения на рассматриваемой территории³.

Ближние Елбаны представляют собой территорию одного пункта, обитаемого с некоторыми перерывами в течение восьми последовательных исторических этапов. Культурные наслоения разных периодов не отлагались друг на друга в одном и том же месте, как это происходило на многослойных памятниках, а, как правило, находились на разных дюнах. Данное обстоятельство существенно облегчало задачу разделения всех находок по соответствующим культурно-историческим этапам, хоть и не давало возможности стратиграфического изучения разновременных наслоений⁴.

¹Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. С. 7.

²Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Новосибирск, 1930. Вып. 2. С. 11.

³Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. С. 5.

⁴Грязнов М.П. Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1949. Вып. XXVI. С. 112.

Так как существенная часть исследованных памятников отличалась от известных, то были введены новые наименования культур, хронологическое определение которых во многих случаях не было достаточно обосновано, и в дальнейшем они неоднократно подвергались уточнению и исправлению.

Произвести полноценные археологические исследования на Ближних Елбанах удалось лишь спустя 20 лет. Приступая к исследованию памятников на правом берегу р. Оби, экспедиция избрала для своих работ район с. Большереченского (Большая Речка), где в 1925 г. М.П. Грязновым отмечено наибольшее количество разнообразных памятников¹. Все основные работы экспедиции производились в указанном урочище (ныне это территория Топчихинского района Алтайского края). Ближние Елбаны представляют собой гряду дюн, занимающих пространство в 150–250 м шириной, 1400 м длиной² (Приложение 42).

В июне 1946 г. М.П. Грязнову был выдан Открытый лист на право производства археологических раскопок в долине р. Урсула (Алтайский край, Ойротская автономная область) и по р. Оби, в пределах Алтайского края (Приложение 43). Этим же летом Государственным Эрмитажем при участии Института истории материальной культуры АН СССР им. Н.Я. Марра была организована Северо-Алтайская экспедиция (в некоторых архивных материалах М.П. Грязнов называет ее «Верхнеобская»)³. Под руководством М.П. Грязнова в ней приняли участие сотрудники Эрмитажа М.Н. Комарова, Т.Д. Равдоникас и студентка ЛГУ М.Г. Властелица. Согласно «Отчету об археологических раскопках и разведках в районе Верхней Оби»⁴, составленному М.П. Грязновым и хранящемуся в Научно-отраслевом архиве ИА РАН, с 7 по 30 августа 1946 г. ими были произведены археологические разведки в

¹Грязнов М.П. Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1949. Вып. XXVI. С. 110.

²Там же. С. 111.

³ИА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 54. Л. 2.

⁴ИА ИА РАН. Ф–1. Р–1. №83.

окрестностях с. Большереченского, а также раскопки двух поселений и 37 погребений в пяти пунктах¹. Остановимся подробнее на каждом.

Ближние Елбаны – представляют гряду дюн, расположенную к западу от села. Дюны тянутся узкой полосой с юго-запада на северо-восток и имеют общую протяженность около 1300 м. и шириной 150–200 м. В 1946 г. там был собран подъемный материал и произведены раскопки на восьми объектах: Ближние Елбаны-I и II (раскопаны поселения, обнаруженные М.П. Грязновым в 1925 г.), предварительно материал был отнесен к майэмирскому, шибинскому и монгольскому времени; Ближние Елбаны-III – собран подъемный материал и вскрыто три могилы: две – шибинского времени и одна могила первых веков н.э.; Ближние Елбаны-IV и V – собран только подъемный материал, состоящий преимущественно из фрагментов керамики карасукского и раннетюркского времени; Ближние Елбаны-VI – раскопана одна могила, предварительно была датирована не позднее начала н.э.; Ближние Елбаны-VII – собран подъемный материал и раскопано 25 могил майэмирского, шибинского, монгольского и раннетюркского времени; Ближние Елбаны-VIII – раскопан один курган, содержащий пять погребений; Ближние Елбаны-IX – исследована группа небольших курганов².

Дальние Елбаны – представляют несколько дюнных гряд, расположенных к северо-западу от Ближних Елбанов. Исследования проводились на следующих объектах: Дальние Елбаны-I–III – на поверхности обнаружены остатки нескольких скелетов, собран подъемный материал, представленный преимущественно каменными орудиями и фрагментами глиняной посуды двух типов; Дальние Елбаны-IV – произведен сбор подъемного материала и вскрыто два погребения³.

Притычные Елбаны – гряда дюн, расположенных на краю бора, к юго-западу от села. На одной из дюн было обнаружено и вскрыто погребение.

¹На ИА РАН. Ф-1. Р-1. №83. Л. 3–4.

²Там же. Л. 5–12.

³Там же. Л. 13–15.

Отчет сопровождается актами передачи коллекций (Приложение 44) и отдельных предметов (Приложение 45) на хранение в Государственный Эрмитаж¹.

Особого внимания в данном отчете заслуживает культурно-хронологическая интерпретация полученных материалов. Поскольку район Верхней Оби, за исключением единичных и несистемных раскопок, был практически не изучен, то М.П. Грязновым была предпринята попытка «вписать» находки с Ближних Елбанов в предложенное им ранее хронологическое деление эпохи ранних кочевников Алтая. Так, весь полученный материал он разделил на следующие части: памятники эпохи бронзы; памятники майэмирского времени; памятники пазырыкского времени; памятники шибинского времени; памятники первых веков н.э.; памятники раннетюркского времени, памятники VII–X вв. н.э. и памятники монгольского времени.

Раскопки 1946 г. показали, что Ближние Елбаны – единственный в своем роде комплекс памятников, сохранивший остатки жизни на протяжении нескольких столетий. Поэтому экспедиция 1947 г. ставила конкретную задачу: использовать материалы с Ближних Елбанов для построения схемы хронологической последовательности древних и средневековых культур.

Согласно «Отчету о раскопках Алтайской экспедиции ИИМК и Государственного Эрмитажа в 1947 г. на Ближних Елбанах (Верхняя Обь)», работы производились с 25 июля по 31 августа 1947 г. в более расширенном по сравнению с предыдущим годом составе. Так, помимо М.П. Грязнова, в экспедиции приняли участие научные сотрудники ГЭ и ИИМКа С.С. Черников, А.А. Гаврилова, Н.С. Белова, В.Н. Полторацкая, а также студенты ЛГУ В.П. Лучинина и М.П. Нечаева².

Работы, за исключением двух памятников на Ближних Елбанах, производились на тех же пунктах, что и в 1946 г.

¹НА ИА РАН. Ф–1. Р–1. №83. Л. 50–51.

²НА ИА РАН. Ф–1. Р–1. № 261. Л. 4.

На поселении Ближние Елбаны-I осуществлялся сбор подъемного материала с целью определения распространения большереченской и березовской керамики. Кроме того, были предприняты раскопки двух землянок аналогичных культур¹.

В пункте Ближние Елбаны-II был произведен сбор подъемного материала, отнесенного М.П. Грязновым к бийской культуре. Также было раскопано частично разрушенное погребение, предварительно датированное II тыс. н.э.

На Ближних Елбанах-III исследовался могильник на месте прошлогодних раскопок. В результате было вскрыто 14 могил, три из которых М.П. Грязнов отнес к березовской культуре, а остальные 11 датировал первыми веками н.э.²

На поселении Ближние Елбаны-IV была вскрыта площадь более 250 кв. м., культурный слой содержал материалы фоминской культуры. Кроме того, были произведены сборы на поверхности выдува и собрана коллекция карасукской и фоминской керамики, а также раскопано пять могил карасукской культуры³.

В пункте Ближние Елбаны-V подъемный материал представлял собой керамику разных типов: карасукская, большереченская, бийская, березовская и фоминская. Также был заложен раскоп в виде траншеи размером 2х25 м, где под почвенным слоем были обнаружены могильные пятна. В одной из них, на глубине 70 см был обнаружен скелет собаки на левом боку, головой на СВ. Отсутствие датирующего материала не позволило определить время захоронения⁴.

В следующем пункте – Ближние Елбаны-VI обнаружены и раскопаны две могилы, по западному и восточному краям дюны. Могила №1, глубиной 80 см, дно и стенки обложены берестой. На дне могилы обнаружен не полный скелет

¹НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 261. Л. 5–6.

²Там же. Л. 6.

³Там же. Л. 7.

⁴Там же. Л. 7–8.

мужчины, судя по положению костей, погребенный лежал головой на ЮЗ. Сопровождающих предметов не обнаружено.

Могила №3, глубиной 0,5 м, стенки обложены деревом. На дне обнаружен скелет плохой сохранности, головой на запад. Ввиду отсутствия датирующего материала в погребениях, их хронологическая принадлежность не определена¹.

В пункте Ближние Елбаны-VII были продолжены раскопки прошлого года и раскопана площадь более 680 кв. м. В результате произведенных раскопок были исследованы 64 могилы, принадлежавшие четырем разным культурам: 39 – большереченской, 18 – фоминской, по одному погребению – к сrostкинской культуре и II тыс. н.э.; пять не были отнесены ни к одной из культур².

На Ближних Елбанах-VIII раскопан второй из четырех, расположенных цепочкой курганов. Курган содержал под насыпью четыре погребения сrostкинской культуры³.

В двух новых, ранее не исследованных пунктах Ближние Елбаны-X и XI, был собран подъемный материал и произведены раскопки культурного слоя, содержавшего предметы фоминской, бийской и березовской культур⁴.

Отчет М.П. Грязнова сопровождался актом передачи коллекций на хранение в Государственный Эрмитаж, с тринадцатью приложенными к нему описями⁵ (Приложение 46).

Культурно-хронологическая принадлежность указанных памятников по сравнению с предшествующим годом отличается. Она дана с большим осмыслением полученного материала. В частности, фигурирует понятие большереченская культура, а позже указанные ее этапы бийский и березовский указываются как самостоятельные культуры. То же наблюдается в отношении верхнеобской культуры, памятники которой упоминаются как памятники

¹НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 261. Л. 8-9.

²Там же. Л. 9-12.

³Там же. Л. 12, 69-73.

⁴Там же. Л. 12-13.

⁵Там же. Л. 83-129.

первых веков н.э., а один из ее этапов (фоминский), приведен в качестве отдельной культуры.

В 1949 г. работы на Ближних Елбанах были продолжены. Согласно «Отчету об археологических раскопках Верхнеобской экспедиции 1949 г. в урочище Ближние Елбаны», хранящемся в РО НА ИИМК РАН, в экспедиции приняли участие научные сотрудники Государственного Эрмитажа М.Н. Комарова, В.Н. Полторацкая и Е.И. Оятева, лаборант ЛО ИИМК С.С. Сорокин, студенты ЛГУ М.Н. Нечаева, В.П. Лучинина и А.В. Котелов¹. В июле 1949 г. М.П. Грязнов обратился к руководству Барнаульского педагогического института с просьбой предоставить студентов для помощи в раскопках. А.П. Уманский, являвшийся тогда ассистентом кафедры истории СССР, откликнулся на просьбу, но ввиду каникулярного времени собрал только четырех студентов: В.А. Кудашева, В.С. Горлову, В.Н. Григорьеву и А.С. Славина. Согласно отчету М.П. Грязнова, студенты во главе с Уманским принимали участие в раскопках землянки VII-VI вв. до н.э., одной могилы рубежа эр и трех погребений середины II тыс. н.э.² Стоит отметить тот факт, что именно работы М.П. Грязнова на Ближних Елбанах впоследствии дали толчок развитию археологии в регионе в лице местного исследователя А.П. Уманского³. Алексей Павлович вел полевой дневник, который в настоящий момент хранится в его фонде в Государственном архиве Алтайского края. В нем он не только фиксировал свои наблюдения, методику проведения раскопок, но и описал знакомство с М.П. Грязновым и членами экспедиции⁴. Интерес представляет еще один документ, хранящийся в том же фонде. Он представляет отчет А.П. Уманского о работе учебно-археологической экспедиции БГПИ в составе Алтайской археологической экспедиции в 1949 г. Алексей Павлович скрупулезно фиксировал все происходящее, и его записи помогают осветить некоторые организационные и бытовые особенности работы

¹НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 54. Л. 2.

²Демин М. А. Алексей Павлович Уманский: путь в науку. Барнаул, 2018. С. 19–20.

³Паршикова Т.С. Результаты изучения археологических памятников Алтая (вторая половина 1940-х гг. – конец 1970-х гг.): дис. канд. ист. наук: 07.00.06. АГУ. Барнаул, 2016. С. 34.

⁴КГКУ ГААК. Ф. Р–1820. Оп. 1. Д. 50. Л. 6–12.

экспедиции. В частности, рабочий день археологов выглядел следующим образом: работа начиналась в 9 утра и с полуторачасовым перерывом велась до 17:30, однако если удавалось вскрыть погребение, оставались работать до темноты. После 18:00, а также в случае необходимости по воскресеньям велась обработка добытого материала:

1. Промывка и просушка на специальном столе костей и керамики.
2. Упорядочение полевых записей.
3. Зарисовка вещевого материала и образцов керамики.
4. Упаковка материала.

Предварительно производился разбор добытого материала. Часть его, не представлявшая научного интереса, выбрасывалась в специальную яму. Остальное упаковывалось в отдельные пакеты, внутрь которых клалась специальная сопроводительная записка с обозначением пункта, квадрата и погребения. Пакеты, переложенные соломой и ватой, укладывались в ящики, которые по мере наполнения заколачивались¹.

Там же он сообщает, что на организацию экспедиции ему были выделены ассигнования в размере 1200 рублей. На эти средства были закуплены продукты, и 27 июля 1949 г. на пароходе «Товарищ» А.П. Уманский вместе со студентами отбыл в район работ экспедиции². Прибыв на место, они сразу включились в работу, но с испытательным сроком, выполняя поначалу самую простую работу. Непосредственное руководство группой осуществлял С.С. Сорокин, а затем, после окончания испытательного срока они работали под руководством М.Н. Комаровой³.

Как и в предшествующие годы, раскопки производились в урочище Ближние Елбаны. Кроме того, был произведен осмотр и сбор подъемного материала на дюнах около Круглого озера, расположенного в 3 км от Ближних Елбанов.

¹КГКУ ГААК. Ф. Р-1820. Оп. 1. Д. 224. Л. 17.

²Там же.

³Там же. Л. 8, 16.

На Ближних Елбанах были продолжены раскопки в шести пунктах, открытых в 1946 г., двух пунктах, открытых в 1947 г. и еще двух новых пунктах¹. За исключением карасукской, работами 1949 г. были охвачены памятники всех открытых ранее эпох², а именно:

В пункте Ближние Елбаны-I было продолжено изучение поселения большереченского и березовского этапов.

На поселении Ближние Елбаны-IV исследован культурный слой фоминского этапа³.

В пункте Ближние Елбаны-V раскопано погребение сrostкинской культуры и отдельные находки керамики бийского этапа.

На Ближних Елбанах-VI исследовано шесть погребений в курганах XVI–XVII вв., которые были соотнесены М.П. Грязновым с телеутскими.

Раскопки погребений на Ближних Елбанах-VII дали новый материал культуры большереченского этапа.

В двух пунктах – Ближние Елбаны-IX и X – исследованы курган и культурный слой монгольского времени.

На Ближних Елбанах-XI обнаружено погребение, установить хронологическую принадлежность которого не удалось.

На пунктах Ближние Елбаны-XII–XV произведен сбор материала и вскрыты погребения от андроновской до переходного этапа верхнеобской культуры⁴.

При определении хронологической принадлежности указанных в отчете памятников М.П. Грязновым было приведено следующее деление:

1. Андроновская культура (XV–XI вв. до н.э.)
2. Карасукская культура (X–III вв. до н.э.)
3. Большереченская культура (три этапа)

¹НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 54. Л. 2.

²Грязнов М.П. Археологическое исследование территории одного древнего поселка (Раскопки Северо-Алтайской экспедиции в 1949 г.) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1951. Вып. XL. С. 106.

³НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 54. Л. 2.

⁴Там же. Л. 3.

Большереченский этап (VII–VI вв. до н.э.)

Бийский этап (V–III вв. до н.э.)

Березовский этап (II в. до н.э. – I в. н.э.)

4. Верхнеобская культура (три этапа)

Одинцовский этап (II–IV вв.)

Переходный этап (V–VI вв.)

Фоминский этап (VII–VIII вв.)

5. Сросткинская культура (IX–XI вв.)

6. «Монгольское время», XII–XV вв.

7. Памятники телеутов XVI–XVII вв.¹

Накопление обширного и разнообразного археологического материала и его осмысление позволило М.П. Грязнову предложить, по сути, обоснованную культурно-хронологическую концепцию изучения истории древнего и средневекового населения Верхней Оби. Предложенное деление, по его мнению, «...может послужить прекрасным «эталон» для датировки памятников лесной полосы Западной Сибири»². В обобщающей монографии 1956 г.³ некоторые ранее выдвинутые положения были им пересмотрены. В частности, культура населения монгольского времени уже отдельно не рассматривалась, а могильник Ближние Елбаны-VI отнесен не к телеутскому, а сросткинскому периоду⁴. Таким образом, окончательное культурно-хронологическое деление комплекса Ближние Елбаны выглядело так:

1. Андроновская культура
2. Карасукская эпоха

¹НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 54. Л. 4.

²Грязнов М.П. Археологическое исследование территории одного древнего поселка (Раскопки Северо-Алтайской экспедиции в 1949 г.) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1951. Вып. XL. С. 105.

³Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. 160 с.

⁴Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. С. 56.

3. Большеберченская культура с тремя этапами (большеберченский, бийский и березовский)
4. Верхнеобская культура с тремя этапами (одинцовский, переходный и фоминский)
5. Сроткинская культура
6. Второе тысячелетие н.э. (первая половина).

Первое появление на Ближних Елбанах долговременного поселения было отнесено к *андроновской культуре* несмотря на то, что остатков самого поселка обнаружено не было. Погребения андроновского типа были открыты в двух пунктах: два – на дюне БЕ-ХII и 15 – на дюне БЕ-ХIV¹ (Приложение 47). Ориентировка умерших людей была головой на юго-запад. Их положение на левом боку характерны для погребений андроновской культуры. Однако, более точные основания для их датировки как андроновских составил керамический материал. Все найденные 18 сосудов, несмотря на незначительные различия в орнаменте, однотипны. Они представляли нарядно орнаментированные небольшие горшочки, выполненные грубой лепкой ленточным способом. Орнамент в основном несложный, преобладает вертикальная или горизонтальная «елочка», реже встречаются более сложные геометрические рисунки – косоугольные треугольники, ленточные зигзаги и др.²

Все исследованные могилы оказались сходны по своему устройству, обряду погребения и сопроводительному инвентарю. Это свидетельствовало о их принадлежности к одному и относительно короткому временному промежутку.

Поскольку на Ближних Елбанах была исследована серия только детских погребений, относящихся к андроновской культуре, полученный материал не позволил составить на тот момент представления об особенностях этой

¹Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. С. 14.

²Там же. С. 18.

культуры¹. Однако, сопоставление с другими известными андроновскими погребениями на территории Верхней Оби дало общее представление об основных ее чертах².

Так, малочисленные, но весьма выразительные находки металлических изделий позволили предположить о развитом производстве таких орудий и других изделий. Прямых указаний на существование какого-то конкретного вида хозяйственной деятельности не было выявлено. Однако, косвенные указания свидетельствовали об изменениях в хозяйственном и социальном строе андроновских племен Верхней Оби³. Минимальный набор вещей, по мнению М.П. Грязнова, свидетельствует о переходе андроновских племен к пастушеско-земледельческому типу хозяйства, и, как следствие, изменениями представлений о загробном мире⁴.

Стоит отметить, что к этому моменту памятники андроновской культуры в районе Верхней Оби неоднократно исследовались. Однако не были опубликованы, а лишь кратко упомянуты в некоторых работах. В частности, до работ Северо-Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах, на территории Верхнего Приобья были зафиксированы памятники андроновской культуры в семи пунктах: Мокрый Яр, пригородное хозяйство ЦРК, Иконникова, Змеевка, Волчиха, Шипунова, Хомутинка. Устройство могилы, положение погребенного и сопроводительный инвентарь аналогичны андроновским погребениям с Ближних Елбанов⁵.

Открытие памятников андроновской культуры на Ближних Елбанах во 2-й половине 1940-х гг. стало началом нового этапа в изучении этой культуры. В

¹Грязнов М.П. Из далекого прошлого Алтайского края (по работам Алтайской археологической экспедиции Института материальной культуры им. Н.Я. Марра Академии наук СССР и Ленинградского государственного Эрмитажа 1946–1949 гг.). Барнаул, 1950. С. 4.

²Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. С. 20.

³Там же. С. 22.

⁴Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук О.А. Андроновская культура на Алтае (по материалам погребальных комплексов). Барнаул, 2015. С. 13.

⁵Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. С. 16–17.

дальнейшем исследования были продолжены А.П. Уманским, работы которого показали, что андроновские племена заселяли всю территорию степного и лесостепного Алтая, а не только долину р. Оби. Кроме того, именно он высказал предположение о локальных вариантах андроновской культуры на Алтае¹.

В отношении карасукских племен М.П. Грязновым применялся термин «эпоха», а не «культура». По его утверждению, во время карасукской «эпохи» единства культуры у разных племен не наблюдалось, при значительном сходстве отдельные группы выработали настолько ярко выраженный облик, что рассматривать их как одну культуру не представлялось возможным².

Памятники *карасукской культуры* на Ближних Елбанах представлены девятью погребениями в пункте БЕ-IV (Приложение 48). В небольших могилах, преимущественно овальной формы, погребен человек на правом боку, в скорченном положении. В голове у погребенных людей находились один или два глиняных орнаментированных горшка. В области головы встречены немногочисленные украшения из бронзы: литые бронзовые серьги, круглые тонкие бляхи полусферической формы, пронизки в виде свернутых из медного листка трубочек и другие³.

Несмотря на наличие более многочисленного и разнообразного, по сравнению с предыдущим периодом, материала, особенности культуры представлялись довольно слабо. Следует отметить обилие литых бронзовых предметов, что также является характерной чертой карасукских племен на

¹Кирюшин Ю.Ф. Папин Д.В., Федорук О.А. Андроновская культура на Алтае (по материалам погребальных комплексов): учебное пособие. Барнаул, 2015. С. 11–14.

²Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. С. 26.

³Грязнов М.П. Из далекого прошлого Алтайского края (по работам Алтайской археологической экспедиции Института материальной культуры им. Н.Я. Марра Академии наук СССР и Ленинградского государственного Эрмитажа 1946–1949 гг.). Барнаул, 1950. С. 5.

Енисее. Почти все они имеют местные формы, что свидетельствует о развитом местном бронзолитейном производстве¹.

Памятники карасукской культуры в районе Верхней Оби в то время были известны еще в нескольких пунктах. Орнаментальные мотивы на керамике позволили М.П. Грязнову не только отнести эти погребения к карасукской культуре, но и разделить ее на две хронологические группы². Еще в 1930 г., после раскопок С.М. Сергеева, стало очевидно, что в районе Верхней Оби встречаются два типа карасукской керамики. М.П. Грязнов условно их обозначил так: гладкостенный тип, представленный материалом из раскопок на Долгой Гриве и Змеевке, и воротничковый тип, встреченный на Ближних Елбанах. Некоторое время оставался нерешенным вопрос, какой из этих типов керамики, а, соответственно, и памятники, является более ранним. Лишь подробный анализ позволил установить, что керамика гладкостенного типа продолжала традиции андроновской и, соответственно, следовала сразу за ней и является более ранней, чем керамика воротничкового типа³.

Позже Н.Л. Членова в одной из обобщающих работ заявила об отсутствии единокультурности памятников карасукской «эпохи» на Алтае, и впервые отнесла их к алтайскому варианту ирменской культуры⁴.

Высказанная идея далеко не сразу получила признание, так как изначально вызывало споры само выделение ирменской культуры как самостоятельной. Многие ученые продолжали придерживаться точки зрения М.П. Грязнова о существовании вариантов карасукской культуры. Сам М.П. Грязнов понятие «ирменская культура» так и не принял⁵.

Материалы эпохи бронзы, полученные в результате раскопок на Ближних Елбанах, показали, что и андроновская, и карасукская культура в районе

¹Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. С. 43.

²Там же. С. 29.

³Там же. С. 32–34.

⁴Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972. С. 27.

⁵Раиткина Ю.Ю. Роль Н. Л. Членовой в изучении памятников эпохи поздней бронзы юга Западной Сибири // Известия Алтайского госуниверситета. 2014. № 4(84). С. 180.

Верхней Оби сопоставимы с этими же культурами в разных районах Южной Сибири и Казахстана. Андроновские племена не просто освоили животноводство, но и перешли к пастушескому типу хозяйства, основанному на выпасе скота и использовании их продуктивных свойств. Также «андроновцами» было освоено мотыжное земледелие, и в совокупности с пастушеским скотоводством это позволило им перейти к новой форме общественного строя – патриархальному. Хозяйство карасукских племен Верхней Оби было пастушеско-земледельческим, с постепенным переходом к яйлажному животноводству и использованию рабочей силы скота для транспорта. Стоит отметить, что именно переход к яйлажному типу стал толчком для дальнейшего прогресса хозяйственной деятельности степных племен¹.

Эпоха раннего железа на Ближних Елбанах представлена *большереченской культурой*. При первом обследовании района Верхней Оби в 1925 г. памятники большереченской культуры (VII–VI вв. до н. э.) были обнаружены в 15 пунктах². Уже тогда прослеживалась необходимость деления керамического материала на три хронологические группы. В работе 1930 г. поселения большереченской культуры были ошибочно отнесены к эпохе бронзы, а синхронные им погребения к первому этапу эпохи железа. И хотя в 1939 г. М.П. Грязнову удалось правильно установить относительную хронологию памятников, все же характерные черты большереченской культуры были выявлены лишь после раскопок 1946–1949 гг.³

Тогда же были им были выделены три последовательных этапа большереченской культуры: большереченский этап (VII–VI вв. до н.э.), бийский этап (V–II вв. до н.э.) и березовский этап (II в. до н.э. – I вв. н.э.)⁴

¹Грязнов М.П. Из далекого прошлого Алтайского края (по работам Алтайской археологической экспедиции Института материальной культуры им. Н.Я. Марра Академии наук СССР и Ленинградского государственного Эрмитажа 1946-1949 гг.). Барнаул, 1950. С. 5.

²Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. С. 44.

³Там же.

⁴Там же.

Именно памятники *большереченского этапа* наиболее полно и в большом количестве представлены на Ближних Елбанах. В течение трех лет была исследована часть большого поселения с сохранившимися остатками жилищ в пункте Ближние Елбаны-I и три грунтовых могильника в пунктах Ближние Елбаны-VII, Ближние Елбаны-XII и Ближние Елбаны-XIV. Стоит отметить, что исследование этих памятников представляло особую важность, так как они относятся к переломному периоду в истории Сибири, а именно к началу первых конфликтов между кочевым и оседлым населением¹.

Поселение, вероятно, выглядело следующим образом: на двух слившихся дюнах площадью порядка 1,5 га в три или четыре ряда располагались жилища (землянки). Из 25 землянок сохранились 16. Ввиду того, что часть жилищ была обнаружена в конце сезона 1949 г., исследовать их не представилось возможным². Среди находок особый интерес представляют предметы для обработки растительного волокна. Была обнаружена целая серия таких трепал, выполненных из лопаток крупных животных. Также обнаружено большое количество глиняных сосудов, орудий труда, предметов вооружения и т.д. Примечательно, что обычно при раскопках землянок обнаруживается значительно меньшее количество предметов. Этот факт может свидетельствовать о том, что жилища были оставлены их обитателями внезапно³.

Могильник в пункте Ближние Елбаны-VII был вскрыт не полностью. На раскопанном участке обнаружено 63 могилы. Все погребения относятся к *большереченскому этапу*⁴.

¹Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. С. 45.

²Там же. С. 45–46.

³Грязнов М.П. Из далекого прошлого Алтайского края (по работам Алтайской археологической экспедиции Института материальной культуры им. Н.Я. Марра Академии наук СССР и Ленинградского государственного Эрмитажа 1946-1949 гг.). Барнаул, 1950. С. 8.

⁴Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. С. 57.

Могильник в пункте Ближние Елбаны-ХІІ был раскопан полностью. Обнаружено 14 погребений большереченского этапа и 20 погребений других периодов¹.

Могильник в пункте Ближние Елбаны-ХІV содержал 10 погребений большереченского этапа. Также эта часть дюны служила местом погребения в другие эпохи².

Могилы по своему строению оказались сходны. Они представляли собой углубление длиной 1–1,5 м. Умерший лежал в скорченном положении на правом боку. Все указанные погребения оказались достаточно бедные. Большинство из них не содержало ничего, кроме скелета человека.

Как известно, в погребениях эпохи бронзы оружие не встречается, что соответствовало существовавшим тогда представлениям о загробной жизни. В эпоху ранних кочевников эти представления изменились, что объясняет наличие в могилах предметы вооружения: наконечники копий и стрел, булавы и т.д. Судя по их положению в могиле, умершим были положены колчаны со стрелами, и возможно, луки³.

Путем стратиграфических наблюдений, а также установлением преемственной связи между карасукской и большереченской керамикой этот этап был отнесен к VII–VI вв. до н.э.

Материал, обнаруженный на поселении, позволил говорить о том, что основным занятием было земледелие и скотоводство. Но вместе с тем, большое количество остатков костей диких животных и чешуи рыб свидетельствовало о значительной роли охоты и рыболовства в хозяйстве⁴.

Следующий за большереченским, *бийский этап*, представлен памятниками в семи пунктах: Ближние Елбаны-II, V, VII, X, XI, XII и XV.

¹Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. С. 64.

²Там же. С. 66.

³Грязнов М.П. Из далекого прошлого Алтайского края (по работам Алтайской археологической экспедиции Института материальной культуры им. Н.Я. Марра Академии наук СССР и Ленинградского государственного Эрмитажа 1946–1949 гг.). Барнаул, 1950. С. 9.

⁴Там же. С. 8.

Однако, ни в одном из них не было встречено ни хорошо выраженного культурного слоя, ни могильника¹. Вероятно, поселение оказалось уничтоженным ветрами. На не развеевшем ветрами участке дюн, представлявшем окраину поселения, было обнаружено несколько черепков глиняной посуды, один целый сосуд, бронзовые наконечники стрел и несколько обломков литейных форм. Последние вызвали особый интерес, так как обычно литейные формы встречались в виде единичных экземпляров. Находка целой серии форм позволила подробно проследить технику изготовления литых бронзовых изделий².

В определении хронологической принадлежности этапа способствовала весьма характерная керамика: несмотря на то, что она продолжала традиции большереченской керамики, значительно изменились орнамент и конфигурация края венчика. Таким образом, абсолютная датировка может быть определена V–III вв. до н.э.³

К следующему, третьему этапу большереченской культуры – *березовскому*, относятся остатки второго, более позднего поселения на пункте Ближние Елбаны-I, могильники в пунктах Ближние Елбаны-III и XII, могила в пункте Ближние Елбаны-VII, а также несколько отдельных находок в разных пунктах⁴.

Остатки поселения в пункте Ближние Елбаны-I были вскрыты при раскопках землянок большереченского этапа (Приложение 49). По всей исследованной площади встречалась березовская керамика, которая определила место березовского этапа в относительной хронологии памятников Верхней Оби. По мнению М.П. Грязнова, типологически она являлась продолжением

¹Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. С. 86–88.

²Грязнов М.П. Из далекого прошлого Алтайского края (по работам Алтайской археологической экспедиции Института материальной культуры им. Н.Я. Марра Академии наук СССР и Ленинградского государственного Эрмитажа 1946–1949 гг.). Барнаул, 1950. С. 10.

³Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. С. 86–89.

⁴Там же. С. 92.

традиций изготовления керамики бийского этапа, однако отличается округлым профилем края венчика и очень скромным орнаментом и датируется II–I вв. до н.э.¹

На могильнике Ближние Елбаны-III исследованы пять могил березовского этапа. Все они были сходны по устройству и обряду погребения: ямы длиной 170–220 см, шириной 60–80 см. Во всех могилах имелся сруб в 2–4 звена, сверху покрытый досками или бревнами (Приложение 50).

На Ближних Елбанах-VII среди могил большепереченского и фоминского этапов зафиксировано одно погребение березовского этапа, аналогичное предыдущим².

На могильнике Ближние Елбаны-XII было обнаружено семь могил березовского этапа, устройство и обряд погребения аналогичен погребениям с Ближних Елбанов-III (Приложение 51).

В целом стоит отметить, что в этих погребениях наблюдается заметное повышение материального благосостояния населения. Это выражается в самом обустройстве могил – умерших клали не просто в землю, а в хорошо оборудованное могильное сооружение. Останки барана в могилах – крестец и хвостовые позвонки – свидетельствуют о том, что покойнику определяли самую лучшую часть туши. Часто при погребенных находилась целая серия предметов украшения: медные серьги, костяные застёжки и пуговицы и т.д. В каждой могиле у пояса погребенного лежал железный нож, в мужских погребениях встречены наконечники стрел, крюки для подвешивания колчана и обоймы для ремней; в одном из женских погребений найдены туалетные принадлежности и ступка для растирания краски с остатками краски внутри³.

¹Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. С. 96–97.

²Там же. С. 93–95.

³Грязнов М.П. Из далекого прошлого Алтайского края (по работам Алтайской археологической экспедиции Института материальной культуры им. Н.Я. Марра Академии наук СССР и Ленинградского государственного Эрмитажа 1946–1949 гг.). Барнаул, 1950. С. 11.

В последующие годы в Приобье были открыты памятники большереченской культуры усилиями следующих экспедиций под руководством М.П. Грязнова (1952–1953 гг.), М.Н. Комаровой (1952–1953 гг.), Т.Н. Троицкой (1958–1987), А.П. Уманского (с середины 1950-х гг.), В.А. Могильникова (1974–1976 гг.), Ю.Ф. Кирюшина (с конца 1970-х гг.), В.И. Молодина и Д.Г. Савинова (1970–1980 гг.), Л.М. Плетневой (1970–1980-е гг.) и Л.А. Чиндиной (1990-е гг.)¹. С открытием новых памятников большереченской культуры и накоплением материала, вопросы ее датировки и происхождения оказались спорными, а предложенная М.П. Грязновым схема развития большереченской культуры оказалась несостоятельной.

В 1968 г. В.И. Мошинская дала характеристику большереченской культуры, полагая, что в ее среду проникли тагарские племена, о чем свидетельствуют находки тагарских изделий и сосуды баночного типа, характерные для этой культуры. Эту точку зрения в 1970 г. поддержал В.А. Могильников, который выделил два этапа большереченской культуры: томский и верхнеобской. Л.М. Плетнева дала подробную характеристику керамики по материалам раскопок М.П. Грязнова, и, сопоставив ее с комплексами Томского Приобья, пришла к выводу об определенной близости томской и большереченской керамики, а также об отсутствии следов проникновения тагарских племен, заявив лишь о возможном влиянии на культуру².

Большой вклад в изучение большереченской культуры на территории Новосибирского Приобья внесла Т.Н. Троицкая. В 1972 г. были опубликованы исследованные ей памятники большереченской культуры, которые она отнесла их к бийскому этапу, опираясь не на керамический комплекс, а на датирующий материал. Дальнейшее исследование большереченской культуры нашло

¹Плетнева Л.М. Большереченская культура // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: Материалы к энциклопедии Томской области. Томск, 2001. С. 34.

²Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994. С. 4–5.

отражение в ее докторской диссертации¹. Она предположила, что большереченский этап большереченской культуры является самостоятельной культурой, входящей в один круг с завьяловской. Большереченскую культуру она предложила делить на два этапа: бийский (с рубежа VI–V вв. по IV в. до н.э.) и березовский (III–II вв. до н.э.). Выдвинутое деление поддержали А.П. Бородовский и Л.М. Плетнева. Также Т.Н. Троицкой были выделены два локальных варианта большереченской культуры: новосибирский и ближнеелбанский – с границей на широте г. Камня-на-Оби².

В 1980 г. А.П. Уманский и В.А. Могильников выделили новую культуру – каменскую. В 1981 г. вышла их совместная работа, где они пришли к выводу, что большереченская и каменская культуры — это самостоятельные явления, причем большереченская культура местная, а каменская пришлая. Элементы каменной культуры, по их мнению, стали проникать в большереченскую и к концу I тыс. до. н.э. она утратила свою оригинальность. Эта гипотеза вызвала ряд критики, в том числе со стороны Т.Н. Троицкой.

В 1986 г. Ю.П. Алехин высказался за признание единой большереченской культуры, отрицая существование возможных локальных вариантов. Ю.Ф. Кирюшин не поддержал существование двух параллельных культур – каменной и большереченской³.

В настоящее время большереченская культура рассматривается только в рамках переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку на территории Барнаульско-Бийского Приобья⁴, а остальные этапы (культуры) барнаульскими археологами уже не используются. Однако она по-прежнему

¹Троицкая Т.Н. Лесостепное Приобье в раннем железном веке: дис. ... доктора ист. наук: 07.00.06. Новосибирск, 1981. 356 с.

²Троицкая Т. Н., Бородовский А. П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994. С. 5.

³Там же. С. 5–6.

⁴История Алтая : в 3-х т. Т. 1 : Древнейшая эпоха, древность и средневековье / под общ. ред. А.А. Тишкина. Барнаул-Белгород, 2019. С. 210–219.

находит отражение в другом наполнении в работах новосибирских исследователей¹.

Открытие на Ближних Елбанах серии памятников *верхнеобской культуры* заполняло существенный пробел в истории древних племен, населявших территорию Верхней Оби на протяжении I тыс. н.э. До этого в указанном регионе не было известно ни одного памятника, который можно было достоверно датировать I–VII вв. По материалам, полученным в ходе раскопок на Ближних Елбанах, М.П. Грязновым выделены три этапа верхнеобской культуры: одинцовский, переходный и фоминский².

Памятники *одинцовского этапа* были открыты в двух пунктах: Ближние Елбаны-XII и XIV. Могильник в пункте Ближние Елбаны-XII содержал семь погребений одинцовского этапа. Все погребения оказались однородными по погребальному обряду и инвентарю. Могилы устроены в ямах глубиной 80–95 см (или в незначительных углублениях 35–50 см, или на поверхности). Последние, вероятно, изначально были защищены сооружением вроде сруба, а впоследствии погрузились в почву на глубину примерно 25 см. Положение погребенных идентично во всех могилах: на спине, с вытянутыми вдоль тела руками, головой на северо-восток либо с некоторыми отклонениями на север или восток. Во всех мужских погребениях в области живота находили по одному ножу, а также (за исключением одной могилы) – лук и стрелы. В одном из них найден меч. Во всех без исключения могилах у головы у погребенного был поставлен глиняный горшок³.

Могильник в пункте Ближние Елбаны-XIV содержал 19 погребений одинцовского этапа. Все они были вскрыты. Погребения совершены по обряду, идентичному как на Ближних Елбанах-XII (Приложение 52).

Погребальный обряд и сопроводительный инвентарь обоих могильников настолько отличны от памятников предшествующего этапа, что позволило

¹История Сибири: в 4 томах. Т. 2: Железный век и Средневековье / отв. редактор В.И. Молодин. Новосибирск, 2019. С. 59–62.

²Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. С. 99.

³Там же. С. 100–102.

М.П. Грязнову безошибочно отнести указанные погребения именно к одинцовскому этапу и датировать его II–IV вв. н.э. Наряду с сохранением и развитием культуры предшествующих племен, наблюдался переход к новым формам хозяйства и быта в связи с собственным прогрессом и заимствованием от соседних племен. Так, произошли изменения в погребальном обряде, а именно изменилась ориентировка погребенных головой на северо-восток и устройство поминальных тризн на кладбище, не практиковавшееся ранее, но характерное для последующих этапов развития населения Верхней Оби. Керамика одинцовского этапа также резко отличалась новыми формами и орнаментом¹.

Все исследованные памятники свидетельствовали о крупном значении животноводства в хозяйстве племен. Поскольку встречены два погребения с верховым конем, надгробные тризны также сопровождалась жертвоприношением коня. Вероятно, именно лошадь являлась важнейшим животным. Одинцовские племена не ограничивались разведением только лошадей. Найденные в большом количестве кости барана свидетельствуют о наличии у них овцеводства².

Следующий этап развития верхнеобской культуры (*переходный*) не принес существенных изменений в хозяйственной и общественной жизни населения, но четко отличается по вещевому материалу. В публикации 1949 г. М.П. Грязнов выделил этот этап в самостоятельную культуру и отнес ее к первым векам нашей эры. В дальнейшем он счел это определение ошибочным и в монографии 1956 г. впервые выделил переходный этап верхнеобской культуры.

Погребения переходного этапа верхнеобской культуры встречены в пунктах Ближние Елбаны-III, VII и XII. В пункте Ближние Елбаны-III исследованы 12 погребений переходного этапа, в пункте Ближние Елбаны-XII – четыре, на Ближних Елбанах-VII – одно. Все они составляли однородную

¹Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. С. 110–111.

²Там же.

группу памятников, отличимых друг от друга по составу и формам вещей в погребении (Приложение 53).

В большинстве случаев могилы представлены в виде небольших ям (от 35 до 85 см глубиной), иногда погребения совершены на поверхности земли. Обычай погребать одних покойников в землю, а других на поверхности, появился еще в одинцовское время, а в переходный этап эта традиция сформировалась более отчетливо¹.

Поскольку по обряду погребения памятники переходного этапа во многом сходны с предшествующими, одинцовскими, установить их хронологическую принадлежность помог вещевой материал. Наиболее характерной являлась глиняная посуда высокой формы, иногда с прямыми стенками в верхней части либо со слабо выраженным незначительным изгибом у края венчика. Не менее характерны оказались медные гривы, которые по своей форме не находят аналогий с гривами Восточной Европы. Также из обнаруженных в погребении вещей внимание заслуживает серьга, схожая с парой серег, обнаруженных В.В. Радловым в Первом Катандинском кургане, и медная подвеска, представляющая миниатюрное изображение бронзового котла скифского типа².

Открытие в 1946 г. на Ближних Елбанах поселения и могильника со своеобразным обрядом погребения позволило говорить о существовании особого этапа в развитии культуры древних племен Верхней Оби. По ближайшей аналогии с памятниками, открытыми близ с. Фоминского, этап получил название *фоминский*. На Ближних Елбанах фоминский этап представлен могильником в пункте Ближние Елбаны-VII и поселением в пункте Ближние Елбаны-IV.

Могильник в пункте Ближние Елбаны-VII насчитывал 30 погребений фоминского этапа. Как и в могильниках предшествующего этапа, основная часть погребений была устроена в ямах глубиной 35–50 см, также встречены

¹Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. С. 117–120.

²Там же. С. 122–123.

погребения на поверхности земли. Основным обрядом погребения было трупосожжение. Из множества находимых в могилах вещей стоит выделить железные кельты, железные и костяные наконечники стрел, роговой гарпун, железные черенковые ножи, в двух случаях – в ножнах, от которых сохранились литые медные накладки, роговые обоймы и другие украшения с характерным своеобразным орнаментом. Почти в каждой могиле были найдены глиняные чашки полусферической формы¹ (Приложение 54).

Поселение в пункте Ближние Елбаны-IV находилось на сильно поврежденной ветрами дюне, на месте бывшего могильника карасукского времени. Жилых или хозяйственных сооружений выявить не удалось. Были обнаружены глиняные черепки сферической формы, железный нож, железная пряжка и еще серия неопределенных предметов из железа, крестовидная подвеска и др.²

Своеобразие памятников фоминского этапа проявлялось лишь во внешних формах, каких-либо существенных изменений в хозяйственном и бытовом укладе в то время не происходило. Хозяйство по-прежнему оставалось охотничье-скотоводческим при оседлом образе жизни. Датировка же фоминского этапа вызвала некоторые затруднения, в первую очередь потому, что отдельные категории вещей из могильника и поселения находят аналогии и в памятниках первых веков н.э., и в памятниках VI–IX вв. н.э. Это стало основой для разногласий относительно датировки фоминского этапа. М.П. Грязнов отнес ее к VII–VIII вв. н.э.³ В.Н. Чернецов и В.И. Мошинская с предложенной датировкой не согласились, предложив считать памятники фоминского этапа III–IV вв. н.э.⁴

¹Грязнов М.П. Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1949. Вып. XXVI. С. 113.

²Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. С. 132.

³Там же. С. 133.

⁴Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк, 2003. С. 9.

С 1960-х гг. проблема культурно-хронологической интерпретации фоминских памятников вновь становится актуальной. Это связано, в первую очередь, с выявлением керамики кулайской культуры в Приобье усилиями М.Ф. Косарева, Л.А. Чиндиной, Л.М. Плетневой. И хотя для этого типа керамики еще не предлагалось каких-то прочных хронологических границ, все же было выявлено сходство позднего типа кулайской керамики с фоминской¹. Позже Л.А. Чиндина предложила датировать фоминский этап верхнеобской культуры не позже V в.²

С накоплением нового материала стали появляться дискуссии относительно датировки верхнеобской культуры в целом. В 1960–1970-х гг. экспедициями под руководством Т.Н. Троицкой на территории Новосибирского Приобья был исследован ряд памятников. Опираясь на этот материал, она отнесла фоминский этап к кулайской культуре, а одинцовский этап выделила в самостоятельную культуру и датировала его V–VI вв. Л.М. Плетнева и О.Б. Беликова сочли целесообразным сохранить за всей культурой название, предложенное М.П. Грязновым – верхнеобская. В последующих работах Т.Н. Троицкая признала наличие не одинцовской, а верхнеобской культуры, которую предложила делить на три этапа: одинцовский (V–VI вв.), тимирязевский (VII–VIII вв.) и юрт-акбалыкский (IX–X вв.)³.

В настоящее время этнокультурная интерпретация рассмотренного периода и полученных материалов выглядит по-иному⁴. Однако, процесс изучения продолжается, и в ходе этого объекты, раскопанные М.П. Грязновым, имеют свое важное значение. Особо значимыми, как нам представляется, будут выводы, полученные в ходе междисциплинарных исследований.

¹Чиндина Л.А. О некоторых хронологических особенностях среднеобской керамики в I тыс. н.э. // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970. С. 195.

²Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк, 2003. С. 12.

³Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998. С. 3–4.

⁴История Алтая : в 3-х т. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье / под общ. ред. А.А. Тишкина. Барнаул; Белгород, 2019. С. 272–281, 312–322.

Характер памятников следующей *сросткинской* культуры свидетельствовал о смене коренного населения¹. Наименование этой культуре было дано по названию курганного могильника Сростки-I, расположенного на горе Пикет в Бийском районе Алтайского края, открытый и частично вскрытый М.Д. Копытовым в 1925 г.

На Ближних Елбанах памятники сросткинской культуры были зафиксированы в четырех пунктах: курганные могильники в пунктах Ближние Елбаны-VI и VIII, грунтовый могильник в пункте Ближние Елбаны-V и отдельные грунтовые могилы в пункте Ближние Елбаны-VII.

На памятнике Ближние Елбаны-VIII были зафиксированы четыре кургана, а исследованы два (№1 и 2), не имевшие следов прежних раскопок. Под насыпью кургана №1 обнаружено пять грунтовых могил, под насыпью кургана №2 – четыре (Приложение 55).

В пункте Ближние Елбаны-VI зафиксировано девять курганов. Ввиду наличия слабо выраженной насыпи, они были выявлены экспедицией только на третий год работы, т.е. в 1949 г. Исследованы три могилы под курганом №1, одна могила под курганом № 2 и две грунтовые могилы без насыпи.

Могильник в пункте Ближние Елбаны-V, предположительно, был исследован еще в первой половине XX в. Н.С. Гуляевым, а позднее В.П. Михайловым и М.Д. Копытовым. В 1925 г. М.П. Грязновым, в ходе разведочных работ в долине р. Оби раскопано одно частично раздутое погребение, которое упомянуто в первой главе. В 1946–1947, 1949 гг. там раскопано шесть могил и произведен сбор вещей из развееанных погребений.

В пункте Ближние Елбаны-VII зафиксированы две могилы сросткинского времени. Также встречены два отдельных погребения сросткинской культуры.

Все исследованные погребения сросткинской культуры сходны по обряду погребения и составу вещей и отличаются от погребений других этапов. В

¹Грязнов М.П. Из далекого прошлого Алтайского края (по работам Алтайской археологической экспедиции Института материальной культуры им. Н.Я. Марра Академии наук СССР и Ленинградского государственного Эрмитажа 1946–1949 гг.). Барнаул, 1950. С. 14.

мужских погребениях чаще встречались элементы вооружения: наконечники стрел, меч, кистень и др. Кроме оружия, в большинстве мужских погребений поверх погребенного были уложены уздечки или седла. Женские погребения оказались значительно беднее. Предметы представлены немногочисленными украшениями, практически во всех могилах был положен нож, в двух могилах было обнаружено каменное пряслице и костяной игольник с железной иглой¹ (Приложение 56).

Сросткинские племена принесли на территорию Верхней Оби новый обряд погребения, который отражал новый уклад хозяйственной деятельности. Так, находки при погребенном узды или седла свидетельствуют о первостепенной роли верхового коня в жизни «сросткинцев». Сведений о иных формах хозяйственной деятельности – земледелии или охоте выявлено не было².

При сопоставлении с другими известными памятниками сросткинской культуры в Верхней Оби М.П. Грязнов отнес ее к VIII–X вв., но отмечал, что на Ближних Елбанах присутствуют две группы курганов этого типа и две группы грунтовых могил, что свидетельствует об их одновременности в пределах трех обозначенных веков³. Позже он выделил четыре района сросткинской культуры, соответствующие четырем племенным территориям: бийский, барнаульско-каменский, новосибирский и кемеровский⁴.

С момента введения понятия «сросткинская культура» в научный оборот обсуждениям подвергались вопросы хронологии, территории распространения и этнической принадлежности носителей сросткинской культуры.

В 1965 г. А.А. Гаврилова, соглашаясь с предложенной М.П. Грязновым датировкой, выделила еще один локальный вариант сросткинской культуры –

¹Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. С. 145–146.

²Там же. С. 151.

³Там же. С. 150.

⁴Грязнов М.П. Археологические исследования на Оби в ложе водохранилища Новосибирской ГЭС // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1960. С.24.

горноалтайский. С его выводами относительно местного происхождения культуры она не согласилась, высказав предположение, что сrostкинская культура возникла вне Алтая¹.

Д.Г. Савинов датировал сrostкинскую культуру IX–X вв. Опираясь на локальные варианты культуры, предложенные М.П. Грязновым, он предложил наименовать их по другому территориальному признаку. Им были выделены североалтайский, западноалтайский, кемеровский и новосибирский варианты сrostкинской культуры². В вопросах этнической принадлежности сrostкинских племен, он отождествлял их с носителями кимакской культуры, предположив, что первоначально сrostкинская культура могла сложиться на территории Восточного Казахстана и уже в таком виде распространилась в среде подвластных кимакам племен³.

В.А. Могильниковым было высказано предположение о двухкомпонентности сrostкинских племен. При анализе сrostкинского материала им были выделены погребения с конем, аналогичные алтайским и кимакским, и одиночные захоронения, характерные для местных традиций. По его мнению, именно различия этих двух компонентов и определили появление локальных вариантов сrostкинской культуры. Он предложил делить сrostкинскую культуру на три хронологических этапа развития: VIII–IX вв., IX–X вв., XI – начало XIII в. Памятники сrostкинской культуры с Ближних Елбанов он отнес ко второму этапу⁴.

Т.Н. Троицкая, исследуя памятники 2-й половины I тыс. н.э. в Новосибирском Приобье, пришла к выводу, что сrostкинская культура там сложилась в результате взаимодействия местных племен верхнеобской этнокультурной общности с тюркскими племенами Горного Алтая. Она сочла

¹Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. С. 70–71.

²Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. С. 290.

³Илюшин А.М. К дискуссии вокруг понятия «Сrostкинская культура» // Древности Алтая. №8. Горно-Алтайск, 2002. С. 88–94.

⁴Могильников В.А. Кимаки – Сrostкинская культура – Карлуки // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981. С. 44.

ошибочным повсеместно удревнять сrostкинскую культуру до VII–VIII вв. и доводить ее окончание до XIV в.¹

Среди вариантов нижней даты сrostкинской культуры выделялось мнение С.В. Неверова². Он предположил, что изменения культурных черт, произошедшие в VII в. на территории Лесостепного Алтая связаны именно с возникновением сrostкинской культуры³. Дальнейшая работа по классификации инвентарных комплексов внесла коррективы, что позволило С.В. Неверову и В.В. Горбунову ограничить нижнюю дату VIII в., и таким образом датировать сrostкинскую культуру серединой VIII–XII вв. Также ими был ограничен ареал ее распространения. В этнокультурном плане были обозначены четыре составляющих компонента – тюркский (пришлый), самодийско-одинцовский (местный), самодийско-кулайский и кыпчакский⁴.

Наиболее высокая верхняя датировка сrostкинской культуры принадлежит А.А. Адамову. Он разделил памятники всей культуры на два этапа: первый – X–XII вв., второй – XIII–XIV вв. Длительное распространение сrostкинской культуры он объясняет отсутствием смены населения и культуры между этими этапами⁵.

Значительная работа по классификации и типологии инвентарных комплексов была проведена С.В. Неверовым и В.В. Горбуновым, что позволило внести коррективы в периодизацию сrostкинской культуры. Все памятники были разделены на четыре хронологические группы, соответствующие определенным этапам ее развития: инской (2-я половина VIII – 1-я половина IX вв.), грязновский (2-я половина IX – 1-я половина X вв.), шадринцевский (2-я

¹Троицкая Т.Н. К вопросу о сrostкинской культуре // Древности Алтая. №9. Горно-Алтайск, 2002. С. 104.

²Неверов С.В. Хронология и периодизация сrostкинской культуры // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 182.

³Троицкая Т.Н. К вопросу о сrostкинской культуре // Древности Алтая. № 9. Горно-Алтайск, 2002. С. 104–105.

⁴Неверов С.В., Горбунов В.В. Курганный могильник сrostкинской культуры Шадринцево-1 // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 187.

⁵Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск, 2000. С. 17.

половина X – 1-я половина XI вв.) и змеевский (2-я половина XI–XII вв.)¹. Отдельного внимания заслуживает недавно изданная монография В.В. Горбунова и А.А. Тишкина, в которой опубликованы известные на данный момент погребальные памятники сrostкинской культуры на территории Приобского плато, выявлены особенности погребального обряда, которые позволили выделить этнические и социальные группы населения, оставившего эти памятники².

Памятники 1-й половины II тысячелетия зафиксированы в нескольких пунктах: поселение и погребение в пункте Ближние Елбаны-II, курганный могильник Ближние Елбаны IX и несколько погребений в пунктах Ближние Елбаны-VII, XI и XIV. Все перечисленные пункты М.П. Грязнов отнес к разным историческим эпохам, однако ввиду слабой освещенности указанного периода, они не были распределены по конкретным историко-культурным периодам³.

Поселение в пункте Ближние Елбаны-II было частично вскрыто М.П. Грязновым еще в 1925 г., а в 1946 г. исследовалась оставшаяся часть. Датированной находкой является обломок накладки на лук, толстый на внешнем конце и клинообразно заостренный на внутреннем, схожий с находкой из погребения, исследованного М.П. Грязновым на памятнике Яконур. Эта находка позволила ему датировать поселение XII–XIII вв. (Приложение 57).

Курганный могильник Ближние Елбаны-IX благодаря аналогичной находке накладки лука также был отнесен к XII–XIII вв.

В пункте Ближние Елбаны-XIV вскрыто шесть могил указанного периода. Их датировка оказалась затруднительной, поскольку обряд погребения

¹Горбунов В.В. Сrostкинская археологическая культура: итоги и перспективы изучения // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб., 2012. Кн. 2. С. 551

²Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганы сrostкинской культуры на Приобском плато. Барнаул, 2022. 320 с.

³Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. С. 153.

сильно варьировался, но по каким-то характерным элементам отличался от обрядов, практиковавшихся до X в.¹ (Приложение 58).

Для полной характеристики культуры населения, оставившего эти памятники, полученного материала оказалось мало, но все же некоторые представления они дали. Находки в культурном слое поселения свидетельствовали о наличии скотоводческо-охотничьего хозяйства, где главная роль отводилась лошади. Вероятно, поселок принадлежал не оседлому населению, а был зимовкой кочевников².

Несмотря на то, полученных материалов оказалось недостаточно для более точных хронологических определений, М.П. Грязнов счел возможным разделить их на три последовательные хронологические группы. Наличие прямой связи их с предшествующей сrostкинской культурой он не прослеживал³.

Современный анализ перечисленных материалов был выполнен А.А. Тишкиным⁴, что также нашло отражение в более поздних обобщающих работах⁵.

В результате трехлетних работ на комплексе Ближние Елбаны были исследованы памятники, отражающие одиннадцать последовательных этапов развития культуры древних племен Верхней Оби на примере одного археологического комплекса разновременных объектов⁶.

¹Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. С. 153–156.

²Там же. С. 157.

³Грязнов М.П. Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1949. Вып. XXVI. С. 110–120

⁴Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул, 2009. С. 14–16, 57–62.

⁵Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас. Барнаул, 2011. С. 101–122; История Алтая: в 3-х т. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье / под общ. ред. А.А. Тишкина. Барнаул; Белгород, 2019. С. 366–374.

⁶Грязнов М.П. Некоторые итоги трехлетних археологических работ на Верхней Оби // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1952. Вып. 48. С. 93.

Результаты работ были опубликованы М.П. Грязновым сначала кратко, в виде нескольких статей (1947, 1949, 1950, 1951, 1952 и др.)¹. Полное издание материалов состоялось в 1956 г. в виде монографии².

Полученные материалы позволили М.П. Грязнову дополнить культурно-хронологическую схему, над созданием которой он целенаправленно работал долгие годы, и раскопки на Ближних Елбанах стали для этого одним из важных этапов.

Таким образом, исследованные памятники оказались чрезвычайно удобным для установления хронологической последовательности древних культур. Несомненно, Ближние Елбаны стали опорным пунктом для хронологии малоизученных памятников и способствовали изучению истории древних и средневековых племен Западной Сибири.

2.2. Археологические работы в зоне затопления водохранилища Новосибирской ГЭС

Долина р. Оби к югу от Новосибирска и до г. Камня-на-Оби до середины XX в. была практически не изучена с точки зрения археологии несмотря на то, что представляет большой интерес. Эта зона являлась пограничным районом между областями расселения лесных племен Западной Сибири и племен степной полосы Сибири и Казахстана и важна для понимания последовательности развития общества в пределах отдельных этнических групп, их передвижений и взаимоотношений друг с другом.

Свидетельством немногочисленных работ, предпринятых на данной территории, можно считать раскопки двух курганов, предпринятых учителем Ордынской школы. Результаты были освещены в 1925 г. в популярном журнале

¹Грязнов М.П. Работы Алтайской экспедиции // Краткие сообщения Института истории материальной культуры, 1947. Вып. 21. С. 77–78; Грязнов М.П. Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1949. Вып. XXVI. С. 110–120; Грязнов М.П. Некоторые итоги трехлетних археологических работ на Верхней Оби // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1952. Вып. 48. С. 93–102.

²Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. 160 с.

«Наука и техника» в виде небольшой заметки. В ней сообщалось, что учитель Ордынской школы раскопал около с. Ордынского на Оби два кургана и нашел в них кости человека, «разные амулеты», медные наконечники копий и стрел и посуду. Кроме того, Новосибирский музей располагал небольшой коллекцией керамики и некоторых вещей XVI–XVII вв. с городища чатских татар близ г. Бердска. Эти и некоторые другие немногочисленные сведения, имевшиеся в литературе и собраниях музеев по археологии района, послужили основой для начала работ Новосибирской экспедицией ИИМК в 1952 г.¹

Сооружение на р. Оби Новосибирской гидроэлектростанции стало причиной затопления больших площадей, которые могли служить ареалом расселения древних племен и оставивших после себя большое количество памятников культуры, которые после ввода станции в эксплуатацию станут недоступными².

Очевидно, что в имеющихся условиях экспедиция не могла иметь конкретного плана археологических раскопок. Однако, перед ней стояли конкретные задачи: произвести археологическое обследование района; выявить сохранившихся памятники археологии; произвести на некоторых из них разведочные раскопки и начать систематические раскопки наиболее ценных в историческом отношении памятников. Согласно современному административно-территориальному делению, зона Новосибирского водохранилища расположена на территории Новосибирской области, и частично – Алтайского края³ (Приложение 59).

Поскольку полной публикации результатов, за исключением небольшой статьи⁴, не произошло, важнейшим источником для понимания задач, поставленных перед экспедицией, а главное, ее результатов служит «Отчет об

¹Грязнов М.П. К вопросу о культурах поздней бронзы в Сибири // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1956. Вып. 64. С. 27.

²ИА ИА РАН. Ф–1. Р–1. № 728. Л. 3.

³Грязнов М.П., Троицкая Т.Н., Уманский А.П., Севастьянова Э.А. Археологическая карта побережья Новосибирского водохранилища // Вопросы археологии Сибири. 1973. Вып. 85. С. 4.

⁴Грязнов М.П. К вопросу о культурах поздней бронзы в Сибири // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1956. Вып. 64. С. 27–42.

археологических работах Новосибирской экспедиции ИИМК АН СССР за 1952 г.», хранящийся в Научно-отраслевом архиве Института археологии РАН¹.

Согласно нему, под руководством М.П. Грязнова в экспедиции приняли участие научные сотрудники Государственного Эрмитажа М.Н. Комарова, В.Н. Полторацкая, М.П. Нечаева, сотрудник Новосибирского музея Б.С. Семенов, преподаватель Барнаульского педагогического института А.П. Уманский, а также студенты МГУ, ЛГУ и БГПИ².

В 1952 были произведены археологические разведки вдоль левого берега р. Оби, в 40–100 км выше г. Новосибирска на протяжении около 70 км. Там было открыто 27 пунктов местонахождения археологических памятников, расположенных главным образом по рекам Ирмень, Шарап и Орда. Среди них: одна неолитическая стоянка, два поселения андроновской культуры, три поселения карасукского времени и два поселения фоминского этапа. Кроме того, было обнаружено два грунтовых могильника фоминского и большереченского этапов. Также были зарегистрированы 17 курганных групп, во всех случаях – со следами разграбления³.

К отчету прилагается следующий перечень археологических памятников, вскрытых и обследованных экспедицией в 1952 г., с указанием точного местонахождения и дана краткая характеристика каждого объекта:

1. Д. Елбань. Грунтовый могильник, предположительно большереченского этапа. На западной окраине деревни, в подмываемом протокой р. Оби яру обнаружено погребение. Погребение находилось в почвенном слое, на глубине 55-60 см от поверхности. Скелет мужчины, судя по степени стертости зубов 30-40 лет, на правом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад. Кости верхней части скелета, начиная с десятого грудного позвонка, в беспорядке и частично отсутствовали. Около колена, ступней ног, в 40 см от тазовых костей и там, где должна была находиться

¹НА ИА РАН. Ф–1. Р–1. № 728.

²Грязнов М.П. К вопросу о культурах поздней бронзы в Сибири // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1956. Вып. 64. С. 28.

³НА ИА РАН. Ф–1. Р–1. № 728. Л. 4–5.

голова, – незначительные остатки дерева. Вещей нет. Наиболее вероятная датировка могилы, судя по обряду погребения, – большереченский этап (VII–VI вв. до н.э.). Найденные в обнажении почвенного слоя на наиболее возвышенной части яра два черепка этой дате не противоречат.

2. Д. Новостройка. Два кургана зафиксированы в 3 км к западу от деревни и примерно на таком же расстоянии от г. Елбань, на краю надпойменной террасы. Один курган диаметром 10 м, высотой 70 см, другой значительно меньше и с едва заметной насыпью. Оба со следами грабительских раскопок.

3. Д. Новостройка. Остатки поселения карасукского времени находятся в 2,5 км к северо-западу от деревни, на краю надпойменной террасы, в 6 км от с. Ордынского и в 4,5 км от д. Елбань. В вершине оврага, в 50–100 м от его устья, в нижней части почвенного слоя найдено небольшое количество черепков и костей животных.

4. Д. Каменка. Остатки поселения карасукского времени зафиксированы на левом высоком берегу р. Каменки. В нижних горизонтах почвенного слоя попадались черепки глиняной посуды и кости животных. При разборке почвенного слоя на площади одного квадратного метра найдена небольшая серия черепков карасукского времени, глиняная «пуговица» и сланцевая плитка со следами использования ее в качестве скребка. В обнажении почвенного слоя вдоль дороги найден один фрагмент фоминского этапа.

5. С. Ордынское. Выявлены предположительно остатки поселения неустановленного времени, которое расположено на юго-восточной окраине села, на мысу, подмываемом р. Ордой. В осыпи берега найдены два черепка неопределенного времени.

6. С. Ордынское. Курганы на северо-западной окраине села, на краю высокого берега р. Орды. Несколько плоских расплывшихся курганов диаметром до 8 м и высотой до 50 см. Часть частично разрушена, часть имела

небольшое углубление в центре (следы грабительских раскопок), часть оказалась распахана.

7. С. Ордынское. Курган, находящийся направо от дороги в Новосибирск, приблизительно в 0,5 км от моста через р. Орду. Насыпь высотой около 3 м, сильно изрытая ямами.

8. Урочище Кордон, близ с. Ордынского. Курганы на краю надпойменной террасы, на левом берегу р. Орды, недалеко от ее устья. Вдоль края террасы узкой полосой располагались 39 небольших курганов, диаметром 6–10 м, высотой 20–50 см. Почти на всех курганах были видны небольшие углубления – следы грабительских раскопок. Вероятно, именно там производились раскопки двух курганов учителем Ордынской школы.

9. Увал между с. Ордынским и д. Старый Шарап, I. Три небольших кургана на краю надпойменной террасы, в 2,5 км к северо-востоку от предыдущей группы.

10. Увал между с. Ордынским и д. Старый Шарап, II. Небольшой курган в 200 м к северо-востоку от предыдущей группы по краю той же террасы.

11. Увал между с. Ордынским и д. Старый Шарап, III. Группа курганов в 500 м к северо-востоку от предыдущего кургана по краю той же террасы. 16 небольших курганов высотой от 20 до 80 см, расположенных преимущественно по самому краю террасы. Большая часть имела следы грабительских раскопок.

12. Увал между с. Ордынским и д. Старый Шарап, IV. Расположен в 40 м от края террасы. Небольшой курган в 100 м к северо-востоку от предыдущих по краю той же террасы. Высота насыпи около 1 м.

13. Увал между с. Ордынским и д. Старый Шарап, V. Три кургана в 200 м к северо-востоку от предыдущего по краю той же террасы. Высота насыпей от 20 до 50 см. На двух курганах следы грабительских раскопок.

14. Курган по дороге из с. Ордынского на Новосибирск, в 6,5 км от села. Насыпь высотой 1,5 м, диаметром около 20 м.

15. Д. Старый Шарап I. Три кургана и остатки поселения на краю надпойменной террасы левого берега р. Шарап. Насыпи высотой от 30 см до 1 м, диаметром от 8 до 14 м, со следами грабительских раскопок. Край террасы размывается, два кургана частично разрушены. Вдоль обрыва, по краю террасы находятся немногочисленные мелкие черепки и обломки костей животных. Экспедицией раскопан один курган сrostкинской культуры (IX–X вв. н.э.) и по обе стороны от него культурный слой (на площади 20 м) андроновской культуры и более позднего, точно не определенного времени.

16. Д. Старый Шарап II. Курган на левом берегу р. Шарап, на надпойменной террасе, в 350 м к северу-северо-востоку от предыдущих. Насыпь высотой 30 см, диаметр 8 м.

17. Д. Половинная. Остатки поселения в 3,5 км к северу–северо-востоку от деревни. В противопожарной канаве найдено небольшое количество черепков без орнамента.

18. Д. Шляпова I. Поселение андроновской культуры на правом берегу р. Ирмень. В обрыве подмываемого берега находилось большое количество черепков глиняной посуды и обломков костей животных. Экспедицией раскопан культурный слой поселения на площади 135 кв. м.

19. Д. Шляпова II. Два кургана в 5 км к западу от деревни. Насыпи высотой около 1 м. Большой по размерам курган раскопан в 1950 г. воспитанниками Тихоновского детдома.

20. Д. Еремина. Три кургана к северу от деревни. Один более метра высотой и около 25 м диаметром, остальные два – меньше.

21. Оз. Щучье IV. Небольшой курган со следами грабительских раскопок на краю увала, против северного конца озера Щучье.

22. Оз. Щучье III. Два кургана на краю того же увала, в 700 м к северо-востоку от предыдущего. На большем кургане поставлена триангуляционная вышка, в нескольких местах разрушившая его. В отвалах земли, выброшенной из ям для столбов вышки, найдены коленная чашечка человека и один черепок без орнамента. Второй курган меньший, со следами грабительских раскопок.

23. Оз. Щучье II. Пять курганов, на краю того же увала, в 200 м к северо-востоку от предыдущего пункта. Один из курганов высотой около 1 м, диаметром около 20 м. Остальные курганы меньше. Все со следами грабительских раскопок.

24. Оз. Щучье I. Дюны, развеваемые ветром, на краю того же увала, в 2,2 км к юго-западу от дер. Ирмень. В выдувах найдены три черепка от сосудов, предположительно неолитических, сланцевый отщеп и железный стерженек. Наличие культурного слоя или могильника установить не удалось.

25. Ирмень I. Поселение с культурными остатками трех периодов (андроновская и карасукская культуры, фоминского этапа) расположено около дер. Ирмень, на левом берегу одноименной реки, в 6 км к юго-востоку от предыдущего поселения. Площадь его составляла 250 x 70 м.

26. Ирмень II. Стоянка небольшой площади, располагалась на берегу р. Ирмень, на вершине высокого дюнного всхолмления, в 2,5 км к югу от одноименного села.

27. Усть-Ирмень. Поселение, расположено в устье р. Ирмень, на ее левом берегу¹.

Из 27 открытых археологических объектов в 1952 г. раскопки были произведены только на пяти памятниках: курган и культурный слой у д. Старый Шарап, поселение в д. Шляповой, поселение Ирмень-I, неолитическая стоянка Ирмень-II и поселение Усть-Ирмень. Остановимся подробнее на каждом.

Наиболее древним из исследованных памятников является неолитическая стоянка Ирмень-II. Стоянка небольшой площади, располагалась на берегу р. Ирмень, на вершине высокого дюнного всхолмления, в 2,5 км к югу от одноименного села. Стоянка была недолговременной, с бедным культурным слоем. Раскопками вскрыто около 25 кв. м., остатков жилых комплексов не обнаружено. В культурном слое встречены фрагменты глиняной посуды: от небольших плоскодонных и остродонных горшков с текстильным,

¹НГКМ. ОФ-22450/44. С. 20–26.

ложнотекстильным, мелкоямочным и мелкозубчатым орнаментом. Собрана небольшая серия каменных орудий, среди которых мелкие скребки, наконечники стрел, шлифованное долотцо, осколок от шлифованного топора.

Поскольку неолит лесостепной полосы Западной Сибири тогда практически не был исследован, то обнаружение стоянки Ирмень-II вызвало особый интерес и позволило говорить о своеобразии культуры неолитических племен. Керамика, близкая к той, что была обнаружена на стоянке Ирмень-II, была известна в нескольких неолитических погребениях лесостепных районов среднего и верхнего течения р. Оби: Томский могильник, Чудацкая гора, Екатерининская стоянке на р. Таре и по отдельным находкам в некоторых других пунктах. Очевидно, что племена, которым принадлежат эти находки были носителями культуры, отличной от культуры других этнических групп того времени. Таким образом, открытие стоянки Ирмень-II послужило основой для выявления еще одной новой области неолитических культур¹.

Поселение эпохи бронзы Ирмень-I располагалось около дер. Ирмень, на левом берегу одноименной реки, в 6 км к юго-востоку от предыдущего памятника. Площадь его составляла 250 x 70 м. Зачистка культурного слоя показала, что поселение устраивалось четыре раза в разные хронологические периоды. Первый относится к андроновской культуре, второй – к карасукской, третий – к фоминскому этапу (VII–VIII вв. н.э.), четвертый – русская деревня XVIII–XIX вв.² (Приложение 60).

Андроновская керамика попадалась только в восточной части – по правую сторону ложбины, карасукская – по обе стороны, но в западной части в незначительном количестве; керамика фоминского этапа встречалась главным образом по левую сторону ложбины. В полученном разрезе культурных наслоений можно было видеть, что ложбина была прежде на 1,5 м глубже, а затем, – вероятно, в результате естественной подпруды, – заполнялась отложениями. По левую сторону ложбины в разрезе были видны три

¹На ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 728. Л. 5–6.

²Там же. Л. 10.

небольшие землянки фоминского этапа, по правую – две обширные землянки эпохи бронзы.

Древний культурный слой в восточной части поселения содержал большое количество андроновской, карасукской и фоминской керамики, которая находилась в смешанном, стратиграфически не расчлененном состоянии. Однако, как отмечал М.П. Грязнов, это не может свидетельствовать о возможности единовременного их сосуществования. Совместное нахождение их в одном слое объясняется тем, что во всех случаях, когда на поверхности почвы не происходит накопления отложений, все отдельные предметы, в силу естественных процессов почвообразования, постепенно погружаются в грунт и со временем все оказываются в одном слое, в нижнем горизонте почвенного слоя¹.

Таким образом, исследование поселения Ирмень-I показало, что нахождение в культурном слое поселения керамики разного типа, залежавших совместно, но при этом хорошо хронологически расчленяемых по могильным памятникам, не может служить доказательством сосуществования этих типов и использовано для датировки таких поселений только периодом бытования позднего типа керамики. В связи с этим М.П. Грязновым был поставлен вопрос о необходимости пересмотра датировки некоторых памятников эпохи бронзы и ограничении времени распространения андроновской культуры в ее западных областях до времени ранних кочевников. Главное значение раскопок поселения Ирмень I заключалось в том, что это было первое поселение карасукского времени, давшее обильный материал для подробной характеристики хозяйства и быта племен, поскольку до этого все представления о карасукской культуре строились на изучении могильников и случайных находок бронзовых предметов².

Обнаруженная на поселении посуда, хотя и схожа по форме и орнаменту с карасукской посудой других районов, но все же весьма своеобразна

¹НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 728. Л. 10.

²Там же. Л. 15.

(Приложение 61). Сопоставление ее с совершенно аналогичной посудой в двух пунктах в 60 км вверх по Оби дало основание говорить о своеобразии этого населения и возможной принадлежности его к отдельной этнической группе.

Выявление нового района памятников карасукской культуры, со свойственными ему этнографическими отличиями населения, позволило М.П. Грязнову с большей определенностью составить этнографическую карту древних племен X–VIII вв. до н. э. в Сибири и Казахстана, выделив на основании известных памятников 10 районов:

1. Минусинский (степи Минусинской котловины).
2. Томский (по р. Томи, главным образом, около Томска).
3. Новосибирский (р. Обь между Новосибирском и Барнаулом).
4. Верхнеобский (р. Обь выше Барнаула и низовья рр. Бии и Катуня).
5. Восточно-Казахстанский (по р. Иртышу между Семипалатинском и оз. Зайсан).
6. Центрально-Казахстанский (по рр. Чурубай-Нуре и Талды-Нуре).
7. Северо-Казахстанский (в районе прииска Степняк).
8. Кустанайский (в районе г. Кустаная – землянки Алексеевского и Садчиковского поселений).
9. Челябинский (по рр. Исети и Миасу – замараевский этап).
10. Усть-Тобольский (по р. Иртышу близ устья Тобола)¹.

Раскопки в Ирмени-I показали, что население лесостепных районов около р. Оби отличалось от карасукских племен степных районов по этнографическим признакам (бытовая утварь, формы орудий и украшений и т.д.), но в хозяйстве и бытовом укладе отличий практически не наблюдалось. В этом отношении особенно интересны оказались раскопки землянок. Они представляли обширные полуподземные жилища, вырытые на глубину около 1 м.² (Приложение 62).

¹Грязнов М.П. К вопросу о культурах поздней бронзы в Сибири // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1956. Вып. 64. С. 32.

²НА ИА РАН. Ф.–1. Р.–1. № 728. Л. 17.

В хозяйственном отношении это были племена животноводов, о чем свидетельствовали многочисленные находки костей домашних животных – коровы, овцы, лошади. Еще одним занятием было земледелие, на что указывали находки зернотерок. Охота не играла значительной роли в хозяйстве, поскольку кости диких животных были обнаружены в минимальном количестве¹.

Раскопки разведочного характера, проведенные на небольшой площади двух поселений более позднего времени дали новый материал, восполнивший пробелы по этим периодам по раскопкам на Верхней Оби.

На берегу р. Шарап был выявлен курганный могильник Старый Шарап (Старый Шарап). Он состоял из трех насыпей средним диаметром 8–14 м и высотой 30–100 см. В рассматриваемый полевой сезон экспедиции удалось раскопать один курган около деревни Старый Шарап (позже памятнику было присвоено название Старый Шарап-II)². Он располагался на левом берегу р. Шарап в 350 м от предыдущего памятника. В разграбленной могиле обнаружены скелет в вытянутом положении головой на северо-восток. Остатки погребения указывали на принадлежность к сроткинской культуре. Курган (высотой около 15 см, диаметром около 6 м) оказался примечателен тем, что в нем удалось установить устройство надмогильного сооружения в виде бревенчатого сруба с покрытой землей кровлей.

Поселение андроновской культуры у д. Шляповой, располагавшееся на надпойменной террасе р. Ирмени, представляет отдельный интерес. На площади в 135 кв. м был вскрыт культурный слой, достаточно богатый находками. Но особое значение имела керамика андроновского, или как ее предложил называть К.В. Сальников, федоровского типа. Впервые на поселении андроновской культуры керамика представлена только одним

¹НА ИА РАН. Ф.–1. Р–1. № 728. Л. 18.

²Грязнов М.П., Троицкая Т.Н., Уманский А.П., Севастьянова Э.А. Археологическая карта побережья Новосибирского водохранилища // Вопросы археологии Сибири. 1973. Вып. 85. С. 12.

хронологическим типом. Во всех других известных случаях керамика встречалась двух или трех типов¹.

На поселении Усть-Ирмень (Усть-Ирмень-I) была вскрыта площадь 30 кв. м. Жилища не выявлены. По мнению М.П. Грязнова, памятник относится к фоминской культуре.

Таким образом, за первый год работы экспедиция произвела археологические разведки и первые раскопки, которые хотя и не дали полного представления об истории развития культуры древних племен в районе р. Оби югу от Новосибирска, но позволили поставить вопрос о своеобразии исторического процесса данного региона в отдельные периоды.

В 1953 г., согласно отчету М.П. Грязнова, хранящемуся также в Научно-отраслевом архиве ИА РАН, экспедиция в период с 23 июля по 27 сентября в составе научных сотрудников Государственного Эрмитажа В.Н. Полторацкой, М.П. Нечаевой, П.И. Засецкой, аспиранта ИИМК А.М. Оразбаева и девяти студентов московских и ленинградских ВУЗов продолжила работу в зоне затопления Новосибирской ГЭС². Как и в предыдущем году, в экспедиции планировал принять участие А.П. Уманский с группой студентов. В своем письме от 8 июля 1953 г. М.П. Грязнов сообщает ему: «...буду очень рад Вашему участию и даже рассчитываю на него... Нынче объем работ будет несколько шире». Однако, вынужденное увольнение А.П. Уманского из Барнаульского пединститута не позволили осуществить запланированные работы³. Важно отметить, что в том году экспедиция имела два отряда. Новосибирский отряд работал под руководством М.П. Грязнова, а М.Н. Комарова руководила Каменским отрядом. В результате работ второго отряда на территории Алтайского края были зафиксированы следующие объекты: курганные могильники Масляха, Масляха-1, 2; Крутиха-I, III, IV,

¹НА ИА РАН. Ф.-1. Р-1. № 728. Л. 8.

²НА ИА РАН. Ф.-1. Р-1. № 920.

³Демин М.А. Алексей Павлович Уманский: путь в науку. Барнаул, 2018. С. 32, 324.

Заковряжино, Тальменка, одиночный курган Социализм и поселение Крутиха-II¹.

Задача экспедиции состояла в полном учете имевшихся в зоне будущего водохранилища Новосибирской ГЭС памятников археологии и исследовании наиболее перспективных из них².

Для реализации поставленной задачи был, во-первых, произведен более тщательный осмотр некоторых районов, на которых производились обследования в предшествующем году, во-вторых, произведена археологическая разведка новых территорий. В результате были открыты памятники разного времени еще в 27 пунктах. Как и ранее, основные работы экспедиции были сосредоточены на раскопках поселений, в том числе были продолжены раскопки многослойного поселения Ирмень-I (Приложение 63). Стоит отметить, что раскопки многослойного поселения Ирмень-I производились главным образом с целью исследования поселения карасукского времени. Были закончены начатые ранее раскопки землянки, а также раскопаны еще две (одна полностью, другая частично) (Приложение 64). Исследован культурный слой поселения около землянок и зольник в восточной части поселения, а также раскопана землянка фоминского времени в западной части. Исследование обнаруженной в прошлом году ложбинки с западной части поселения показало, что это ров глубиной около 2 м, опоясывавший наиболее возвышенную часть поселения, где находились землянки фоминского этапа. Следовательно, поселение фоминского этапа представляло собой укрепленное городище, хотя на поверхности его следов не было обнаружено.

Наибольший интерес на многослойном памятнике Ирмень-I представляло исследование поселка карасукского времени, состоявшего из нескольких больших землянок. Из четырех исследованных землянок три были расположены тесной группой, с промежутками всего в 2–3 м. Четвертая находилась несколько дальше. Это были просторные землянки площадью около

¹Паршикова Т.С. Результаты изучения археологических памятников Алтая: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2016. С. 33.

²НА ИА РАН. Ф.–1. Р.–1. № 920. Л. 3.

150–200 кв. м., углубленные в землю до 1,5 м. И хотя входов и конструктивных особенностей установить не удалось, исследование их оказалось чрезвычайно продуктивным¹.

Раскопки зольника, среди прочих и типовых вещей (Приложение 65), дало одну удивительную находку – это лошадиная бабка, на головке которой просверлена пара отверстий, куда были вставлены бусы-глазки. Вероятно, эта антропоморфная фигурка представляла собой нечто подобное так называемым эменгедерам, какие еще недавно делались телеутами, шорцами и кумандинцами Северного Алтая (Приложение 66). Детальной публикации этой находки М.П. Грязновым была посвящена отдельная статья².

Материалы, а именно керамика, совершенно идентичная по форме и орнаменту, что и на поселении Ирмень-I, была обнаружена по меньшей мере в шести пунктах по берегу р. Оби между Барнаулом и Новосибирском. К северу и югу от этого района известна керамика другого типа, близкая к ирменской. Это позволило М.П. Грязнову предположить о существовании особой этнической группы, проживавшей в долине р. Оби между Барнаулом и Новосибирском, отличавшейся от томского на севере и барнаульско-бийского на юге. Эта группа условно обозначена им как «ирменское племя».

Наиболее древние поселения относились к неолиту. Экспедицией были продолжены раскопки неолитической стоянки Ирмень-II, начатые в предыдущем году. Остатков жилых сооружений выявлено не было, но был получен существенный вещевой материал (керамика, каменные наконечники стрел, скребки и др.)³ (Приложение 67).

¹НА ИА РАН. Ф–1. Р–1. № 920. Л. 5–8.

²Грязнов М.П. Антропоморфная фигурка бронзового века с реки Оби // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. XXII. 1962. С. 26–27.

³НА ИА РАН. Ф–1. Р–1. № 920. Л. 3–4.

Кроме того, на площади стоянки Ирмень-II исследован грунтовый могильник, который состоял из шести разграбленных могил, содержавших остатки трупосожжения и обломки сосудов фоминского этапа¹.

Также были открыты две новые неолитические стоянки. Первая располагалась на узком мысу надпойменной террасы, при впадении р. Чемки в Обь (поселение Верхние Чемы) (Приложение 68). Несмотря на то, что ненарушенных участков культурного слоя обнаружить не удалось, была собрана внушительная коллекция керамики неолитического типа, характерной для Верхней Оби, а также серия каменных орудий: шлифованный нож, отщепы, сколотые от изношенных шлифованных орудий, камни для заточки костяных острий, наконечники стрел, ретушированные пластинки и т.д.² (Приложение 69).

Вторая неолитическая стоянка, расположенная на левом берегу р. Орды, неподалеку от ее устья, была открыта случайно при раскопках кургана V–III вв. до н.э. В результате обнаружен хорошо сохранившийся культурный слой, богатый материалом более позднего типа, чем на первых двух. В одном месте там обнаружены каменные орудия (пест-куронт и три терки) и заготовки для костяных орудий, а в другом – большой плоскодонный сосуд, орнаментированный по всей поверхности, включая дно, который сохранился почти полностью³.

Среди памятников других периодов, исследованных экспедицией, стоит выделить серию поселений в районе дер. Ирмень. На протяжении 4-5 км было обнаружено 19 поселений разных периодов, давших новый материал для освещения истории лесостепных племен Приобья. При раскопках некоторых из этих памятников экспедиция столкнулась с неожиданностями.

¹Грязнов М.П., Троицкая Т.Н., Уманский А.П., Севастьянова Э.А. Археологическая карта побережья Новосибирского водохранилища // Вопросы археологии Сибири. 1973. Вып. 85. С. 12.

²ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 920. Л. 4.

³Там же. Л. 4–5.

В частности, было принято решение исследовать группы курганов на местности под названием Малыгинский лужок¹. В результате раскопок оказалось, что это не могильные курганы, а остатки наземных жилищ типа балаганов северных алтайцев, стены и крыша которых обкладывалась землей (Приложение 70). В результате зафиксировано поселение Малыгинский лужок II, на котором раскопаны три землянки и три балагана с керамикой II тыс. н.э. В 100 м от него было обнаружено еще одно поселение – Малыгинский лужок I, где была собрана керамика карасукского типа².

Обратная ситуация произошла на курганном могильнике Ирмень-IV. Изначально эти объекты были определены по внешнему виду как остатки жилищ, и только при более подробном изучении оказалось, что это могильные сооружения. Вероятно, в свое время над могилами были устроены сооружения, подобные жилищам-балаганам. Два из них, квадратные в плане, были раскопаны. Как и предполагалось, могилы оказались разграблены. Обнаруженная керамика позволила отнести их к курганам одинцовского этапа (II–IV вв.). Раскопки двух этих объектов оказались чрезвычайно полезны с той точки зрения, что позволили в будущем отличать по внешнему виду остатки таких жилищ от могильных курганов³.

В 150 м к северо-западу от стоянки Ирмень-II было выявлено городище Ирмень-III (Приложение 71). Как показало его изучение, городище имело в плане овальную форму и было окружено рвом. На поверхности прослеживалось 16 землянок. Одна землянка квадратной формы площадью около 35 кв. м и

¹НА ИА РАН. Ф–1. Р–1. № 920. Л. 15.

²Грязнов М.П., Троицкая Т.Н., Уманский А.П., Севастьянова Э.А. Археологическая карта побережья Новосибирского водохранилища // Вопросы археологии Сибири. 1973. Вып. 85. С. 11.

³НА ИА РАН. Ф–1. Р–1. № 920. Л. 15; Грязнов М.П., Троицкая Т.Н., Уманский А.П., Севастьянова Э.А. Археологическая карта побережья Новосибирского водохранилища // Вопросы археологии Сибири. 1973. Вып. 85. С. 9.

глубиной около 1 м была раскопана. Культурные остатки представлены керамикой одинцовского этапа (II–IV вв.)¹.

Поселение Ирмень-V состояло из двух десятков жилищ двух типов – землянок и балаганов. В результате предпринятых работ были раскопаны четыре землянки и один балаган (Приложение 72). Керамика, найденная в сравнительно небольшом количестве, принадлежала двум хронологическим типам – одна имеет много аналогий с таштыкской керамикой на Енисее, а другая – одинцовского типа² (Приложение 73).

Несмотря на то, что работы экспедиции в 1953 г. велись только на некоторых, имевших наибольшее значение памятниках, разведочными обследованиям оказался охвачен и ряд других объектов. Это позволило получить сведения о памятниках разного времени, от неолита до XVII в., принадлежащим двенадцати разным хронологическим периодам³.

Полученные материалы, хотя и в общих чертах, позволили представить историю древнего населения долины р. Обь между городами Новосибирск и Камень-на-Оби, которые в развитии своей культуры прошли те же этапы, что и население Верхней Оби.

В 1954 г. работы Новосибирской экспедиции были продолжены. В ней, кроме самого М.П. Грязнова, приняли участие научные сотрудники Государственного Эрмитажа М.Н. Комарова, В.Н. Полторацкая, М.П. Нечаева и пять студентов-практикантов ленинградских ВУЗов. Также в работе приняли участие преподаватель Барнаульского педагогического института А.П. Уманский и учитель истории Повалихинской школы А.Д. Сергеев с группой школьников. Как и в случае с раскопками предыдущих лет, главным

¹НА ИА РАН. Ф–1. Р–1. № 920. Л. 14; Грязнов М.П., Троицкая Т.Н., Уманский А.П., Севастьянова Э.А. Археологическая карта побережья Новосибирского водохранилища // Вопросы археологии Сибири. 1973. Вып. 85. С. 9.

²НА ИА РАН. Ф–1. Р–1. № 920. Л. 14; Грязнов М.П., Троицкая Т.Н., Уманский А.П., Севастьянова Э.А. Археологическая карта побережья Новосибирского водохранилища // Вопросы археологии Сибири. 1973. Вып. 85. С. 10.

³НА ИА РАН. Ф–1. Р–1. № 920. Л. 16.

источником сведений о проведенной работе служит отчет руководителя экспедиции М.П. Грязнова, хранящийся в Научно-отраслевом архиве ИА РАН¹.

С 13 августа по 19 сентября были произведены две небольшие разведки – вверх по левому берегу Оби до с. Кирзы и вниз по правому берегу до г. Бердска. Но основные работы были сосредоточены у с. Ордынского, в устье р. Орды. На участке протяженностью около 650 м обнаружено не менее 50 курганов, расположенных небольшими группами, которые условно были поделены на западную и восточную. В 1953 г. экспедиция раскопала курган №1 и начала раскопки кургана №2 в западной группе. В 1954 г. работы были продолжены: доисследован курган №2, а также раскопаны еще пять курганов в западной группе (№5, 7, 11–13) и шесть в восточной (№3, 4, 6, 8–10). При раскопках курганов в западной группе были открыты неолитическая стоянка и грунтовые могильники трех периодов – неолитический, энеолитический и андроновский, а при раскопках в восточной – неолитический могильник и стоянка².

Доисследование юго-западной половины кургана №2 и раскопки средней части его северо-восточной половины выявили несколько могил. Могила-1 (основная), была перерыта грабителями, кости погребенного (женщины пожилого возраста) лежали на разных глубинах в полном беспорядке. Вещей при не обнаружено. Могила-2 примыкала с запада к предыдущей. Погребенный мальчик (12–13 лет) лежал на глубине 45 см, в яме овальной формы, на левом боку, головой на юго-запад. Около головы стоял горшок баночной формы, украшенный фестонами из поперечных вдавлений, датируемый андроновским временем. Могила-3 находилась в северо-восточной половине кургана. Зафиксировано погребение ребенка в возрасте одного года в небольшой яме (глубиной около 90 см). Он лежал скорченно, на левом боку. В голове стоял

¹ИА ИА РАН. Ф–1. Р–1. № 1059. Л. 18.

²Там же.

глиняный горшок баночной формы с типичным для андроновской культуры орнаментом¹.

Курган №5, расположенный также в западной группе, оказался диаметром 14–15 м и высотой около 70 см. Кости погребенных людей (мужчина 18–20 лет и мужчина пожилого возраста) находились в беспорядочном состоянии, а отдельные кости оказались вне могильной ямы (Приложение 74). На самом дне могилы лежал маленький кувшинчик и роговой предмет в виде полуцилиндра с тремя сквозными поперечными отверстиями, принадлежавшие первому погребенному²(Приложение 75).

Курган №7 был диаметром около 8 м. Высота насыпи достигала 40 см. Могила практически полностью опустошена грабителями. На ее дне сохранились остатки челюсти человека, каменная ступка и обломок железного ножа. В заполнении могильной ямы была найдена стеклянная буса шестигранной призматической формы. Каменная ступка, по мнению М.П. Грязнова, позволяет отнести погребение к эпохе ранних кочевников (2-я половина I тыс. до н.э.)³

Курган №11. Диаметр насыпи около 6 м, высота 20 см. На дне могильной ямы обнаружены в беспорядке кости ребенка и небольшой горшок⁴.

Курган №12. Диаметр насыпи около 9 м, высота 70 см. В центре кургана, на глубине 20-30 см от грабительской воронки, лежали разбросанные кости лошади. Возле южной стороны могильной ямы сохранились бревна, когда-то покрывавшие могилу. Сама могила полностью опустошена грабителями, сохранился только обломок тазовой кости человека⁵.

Особый интерес в этой группе курганов вызывает курган №13 (Приложение 76). Он же демонстрирует, насколько сложны оказались раскопки этих памятников, и вместе с тем, какой интерес они представляли. После снятия плоской насыпи, высотой не больше 40 см, на поверхности почвы

¹НГКМ. ОФ-22450/46. Л. 19–21.

²Там же. Л. 38–39.

³НГКМ. ОФ-22450/46. Л. 41.

⁴Там же. Л. 46.

⁵Там же. Л. 47.

открылись остатки деревянных сооружений. В центре находился разграбленный могильный сруб, не сохранивший остатки погребенного. Рядом с ним обнаружены выброшенные из могилы грабителями несколько костей человека и железный топор-тесло. Именно эта находка, а также форма надмогильного сооружения позволили установить, что могила относится к концу I тыс. н.э., а именно к сросткинской культуре¹ (Приложение 77).

Под курганом, в нижней части почвенного слоя оказалось восемь ямок. В первых пяти находились кучки костей ног лося, в шестой – кучка костяных орудий и заготовки для их изготовления, в седьмой – кости лося и черепки от одного горшка. В восьмой ямке были обнаружены 18 клыков и шесть шейных позвонка, принадлежавших медведям. Ниже, в материке, находилось еще семь ямок. В одной из них лежали три орудия из тазовой кости лося, а в другой – много костей лося. В остальных ямках обнаружено по несколько неолитических черепков и обломки костей. Таким образом, под курганом открылся целый комплекс различных остатков неолитической стоянки.

Глубже, в юго-западном поле кургана находилось детское погребение андроновской культуры, а в северо-восточном – энеолитическое погребение.²

Культурный слой западной стоянки был исследован на площади около 630 кв. м, в том числе под насыпью курганов при их раскопке (Приложение 78). На ее площади обнаружено кладбище андроновского времени, состоявшее из восьми могил (одна из них с трупосожжением). Все могилы оказались грунтовыми и не содержали каких-либо остатков надмогильных сооружений, чем отличались от общераспространенных типов могил андроновской культуры. В остальном они были совершенно подобны обычным андроновским погребениям федоровского этапа. И хотя этот могильник не представлял ничего оригинального в смысле находок или наблюдений, исследование его имело большое значение для освещения андроновской культуры на Оби, поскольку в

¹НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1059. Л. 4-5.

²НГКМ. ОФ-22450/46. Л. 2-3.

районе от Новосибирска до Барнаула до этого памятники андроновской культуры были представлены лишь поселениями¹.

При исследовании восточной группы курганов (№3, 4, 6, 8-10) также была обнаружена неолитическая стоянка и три неолитических погребения (Приложение 79). Культурный слой стоянки содержал сравнительно немного остатков типичных для неолита каменных орудий, но керамика оказалась интересна. Были обнаружены два практически целых сосуда шаровидной формы с острым дном, которые представляли новый, ранее неизвестный на территории Верхней Оби тип керамики² (Приложение 80).

Погребения располагались на северной окраине стоянки. Они находились в неглубоких ямах (40–50 см). Умершие люди лежали на спине, головой на северо-восток. Интерес представляет одно погребение, где в правую руку погребенного была положена голова лебедя. Сопоставление с известными этнонимами и обрядами с лебедем современных народов Саяно-Алтая может свидетельствовать о преемственной связи некоторых явлений культуры современного населения предгорий Алтая с неолитическим населением³.

Из этой группы курганов наибольший интерес представляет курган №3 (Приложение 81). Стоит отметить, что внешне он ничем не отличался от прочих курганов – такая же плоская насыпь с грабительской ямой в центре. Однако, под насыпью, прямо на поверхности погребенной почвы находилось 12 скелетов, расположенных в длинный ряд (Приложение 82). При погребенных людях находились вещи, подобные обнаруженным ранее при раскопках поселений карасукского времени (Ирмень-I и др.). Однако, при всей схожести эти предметы по своим деталям отличались и от минусинских, и от верхнеобских. Данные находки позволили М.П. Грязнову не только четко определить территорию новосибирского варианта культуры карасукского типа,

¹НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1059. Л. 11.

²Там же. Л. 9.

³Грязнов М.П. Археологические исследования на Оби в ложе водохранилища Новосибирской ГЭС // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1960. С.22.

но и утвердиться в ранее высказанном предположении о существовании единого на этой территории племени – ирменского¹.

Таким образом, силами Новосибирской экспедиции в 1954 г. были не просто открыты новые группы памятников, ранее неизвестные для района приобской лесостепи, но и сами результаты, по словам М.П. Грязнова «...превзошли все ожидания, поскольку на небольшой площади были обнаружены памятники сразу семи исторических периодов»².

В результате трехлетних работ были открыты 74 археологических памятника, расположенных главным образом по берегам притоков Оби: рек Ирмень, Шарап и Орда. На 11 памятниках проводились полноценные археологические раскопки. С заполнением водохранилища почти все памятники оказались затопленными, частично сохранилось лишь пять курганных групп.³

Открытые памятники позволяют детально проследить историю населения района долины р. Обь между Новосибирском и Камнем-на-Оби от неолита до прихода на эту территорию русского населения. Указанный регион прошел в своем развитии следующие исторические периоды:

1. Неолит представлен поселениями Ирмень-II, Верхние Чемы, стоянкой Ордынское-I и случайными находками в пункте Щучье-I. Раскопки неолитических поселений и могильников дали разнообразный материал, характеризующий охотничье-рыболовецкое хозяйство трех последовательных периодов неолита западносибирского типа. Наиболее древним из исследованных памятников является стоянка Ирмень-II, раскопки которой позволили сделать предположение о своеобразии культуры неолитических племен лесостепной полосы Сибири⁴.

¹НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1059. Л. 12.

²Там же. Л. 3.

³Грязнов М.П., Троицкая Т.Н., Уманский А.П., Севастьянова Э.А. Археологическая карта побережья Новосибирского водохранилища // Вопросы археологии Сибири. 1973. Вып. 85. С.3.

⁴Грязнов М.П. К вопросу о культурах поздней бронзы в Сибири // Краткие сообщения института истории материальной культуры. 1956. Вып.64. С. 29.

2. Андроновская культура (XV–X вв. до н.э.) представлена двумя поселениями (Шляпово-I и Ордынское-I), содержавших типичную для федоровского этапа керамику.

3. Материалы карасукского времени (X–VIII до н.э.) даны раскопками поселения Ирмень-I и могильника у с. Ордынского, которые помогли установить, что этот район был областью обитания особого племени, условно названного «ирменским».

4. Бийский этап (V–III вв. до н.э.) представлен курганами у с. Ордынского и «литейной мастерской» на стоянке Ирмень-II. Исследование этих памятников установило, что там проживало оседлое население, этнографически близкое к верхнеобскому.

5. Памятники одинцовского этапа (II–IV вв. н.э.), как и памятники на Верхней Оби, резко отличались от предшествующих. Материалы поселения Ирмень-III и могильника Ирмень-IV свидетельствуют о непрочной оседлости населения, в хозяйстве которого помимо скотоводства большое значение имели охота и рыболовство. В целом, население с его хозяйством и культурой было характерным для скотоводческих племен лесной полосы Сибири.

6. Фоминский этап (VII–VIII вв.) исследован по материалам могильника Ирмень-II, поселений Ирмень-I и Усть-Ирмень. Хозяйство и быт в целом имели прежние черты, видоизменились лишь некоторые формы бытового инвентаря.

7. Сросткинская культура (IX–X вв.) представлена курганами у с. Ордынского и курганным могильником Старый Шарап-I, принадлежавшие новому, пришедшему с юга кочевому населению.¹

8. Памятники чатских татар (XVII в.), расположенные на Бердском городище, в целом отражают сохранение прежних традиций хозяйства и быта скотоводческих племен лесной полосы Сибири.

¹Грязнов М.П. Археологические исследования на Оби в ложе водохранилища Новосибирской ГЭС // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1960. С. 24.

Следует уточнить, что материалы, полученные в результате раскопок 1952–1954 гг. изначально были переданы в Новосибирский областной краеведческий музей (ныне Новосибирский государственный краеведческий музей). Более того, они составили основу выставки «Исследование экспедиции профессора Грязнова и работа местных краеведов». Однако, позже практически все материалы были переданы в Государственный Эрмитаж, и в настоящий момент Новосибирский государственный краеведческий музей располагает лишь небольшой коллекцией керамики (ОФ. Кол. №9563): 31 фрагмент и один реставрированный, склеенный из фрагментов сосуд¹.

Таким образом, работы Новосибирской экспедиции стали началом систематического археологического изучения этого района. С конца 1950-х гг., уже после разлива Обского моря, работы были продолжены. Особый вклад принадлежит Т.Н. Троицкой, под руководством которой с 1959 г. по 1971 г. почти ежегодно на берегах водохранилища работала Новосибирская археологическая экспедиция, организованная Новосибирским областным краеведческим музеем, Новосибирским государственным педагогическим институтом и Всероссийским обществом по охране памятников истории и культуры. В результате было открыто еще 49 новых памятников и доисследовано пять памятников, открытых в 1952–1954 гг.²

В частности, в 1959–1960 гг., уже после разлива Обского моря, Т.Н. Троицкая провела охранные раскопки размываемых двух курганных групп Новый Шарап-I и II. В первой группе были раскопаны семь курганов с 15 могилами, во второй – два кургана с 22 могилами. Эти раскопки дополнили ордынские материалы предметами изобразительного искусства, конского убора

¹Автушкова А.Л. Еще раз об экспедиции М.П. Грязнова в зоне будущего затопления Новосибирской ГЭС// VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 2008. С. 23.

²Грязнов М.П., Троицкая Т.Н., Уманский А.П., Севастьянова Э.А. Археологическая карта побережья Новосибирского водохранилища // Вопросы археологии Сибири, 1973. Вып. 85. С. 4.

и подтвердили предположение об особенностях культуры лесостепных племен новосибирского Приобья в скифское время¹.

С 1963 г. под руководством Т.Н. Троицкой была исследована серия поселений у с. Ордынского: Ордынское-5, 9, 10–14. В результате был получен разнообразный материал от эпохи бронзы до XII–XIV вв. Материалы переданы в Новосибирский областной краеведческий музей и археологический музей НГПИ².

В том же году были проведены работы на группе островов в Обском море, в результате которых были выявлены такие объекты, как городище Завьялово-1 и поселение Завьялово-2. Собранные материалы, от неолита до I тыс. н.э. были переданы в Новосибирский областной краеведческий музей и археологический музей НГПИ. В 1968 г. работы в том же месте были возобновлены Т.Н. Троицкой, а в 1969 г. продолжены В.И. Молодиным³.

В течение трех лет (1966, 1968 и 1970 гг.) исследовалась восточная часть курганного могильника Ордынское-I. В результате раскопано 12 курганов с 38 погребениями разных периодов. Материалы хранятся в Новосибирском областном краеведческом музее и полностью опубликованы⁴.

В 1967 г. в результате работ в окрестностях с. Чингис, а в 1970 г. в устье рр. Чингис и Каменушка был выявлен и исследован ряд памятников: поселение, городище и курганные могильники разных периодов⁵.

В.А. Дремов, ученик Т.Н. Троицкой, еще будучи студентом историко-филологического факультета НГПИ получил Открытый лист на проведение археологических работ, и, как говорила сама Татьяна Николаевна, «... стал

¹Завитухина М.П. Ордынские курганы V–IV вв. до н.э. (о культуре скифского времени в новосибирской лесостепи) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа, 1968. Вып. 10. С. 28.

²Грязнов М.П., Троицкая Т.Н., Уманский А.П., Севастьянова Э.А. Археологическая карта побережья Новосибирского водохранилища // Вопросы археологии Сибири, 1973. Вып. 85. С. 14–18.

³Там же. С. 30–31.

⁴Троицкая Т.Н. Курганный могильник Ордынское-I // Вопросы археологии Сибири. 1973. Вып. 85. С. 84–100.

⁵Грязнов М.П., Троицкая Т.Н., Уманский А.П., Севастьянова Э.А. Археологическая карта побережья Новосибирского водохранилища // Вопросы археологии Сибири. 1973. Вып. 85. С. 27–29.

первым археологом после М.П. Грязнова, который занимался разведками в Новосибирской области»¹. В 1960–1962 гг. им были продолжены работы на памятниках Новый Шарап-II, Ордынское-I и др.²

В 1966 г. учитель Кыштовской средней школы В.Я. Есин и сотрудник Новосибирского краеведческого музея Л.И. Копытова произвели разведочные работы на берегах Обского моря³. В результате были открыты поселения Ордынское-7, 8; Усть-Алеус-2, 5, Абрашино-2; курганный могильник Усть-Алеус-3, Милованово-I, II, Чингис-2, городище Абрашино-11, а также дано описание уже выявленных поселений Ордынское-2, 3, 8⁴. Результаты кратко опубликованы в небольшой статье⁵.

С конца 1960-х и в 1970-е гг. работы на Обском водохранилище были продолжены Э.А. Севастьяновой, В.П. Момотом, Э.Д. Бергманом, В.И. Молодиным и др.⁶

Стоит отметить, что в пределах Алтайского края работы на берегах водохранилища также были осуществлялись. С 1959 г. регулярно проводились охранные разведки и раскопки усилиями Барнаульского педагогического института, Алтайского краевого краеведческого музея и Каменского краеведческого музея под руководством А.П. Уманского⁷. В результате работ

¹Троицкая Т.Н. Он был одним из первых археологов Новосибирского Приобья // Вестник Томского государственного университета. 2009. Вып. 1(5). С. 26.

²Грязнов М.П., Троицкая Т.Н., Уманский А.П., Севастьянова Э.А. Археологическая карта побережья Новосибирского водохранилища // Вопросы археологии Сибири. 1973. Вып. 85. С. 13, 17.

³Есин В.Я. Разведочные работы на берегах Обского моря // Вопросы археологии Сибири. Вып. 38. Новосибирск: 1972. С. 72.

⁴Грязнов М.П., Троицкая Т.Н., Уманский А.П., Севастьянова Э.А. Археологическая карта побережья Новосибирского водохранилища // Вопросы археологии Сибири. 1973. Вып. 85. С.18-20.

⁵Есин В.Я. Разведочные работы на берегах Обского моря // Вопросы археологии Сибири. Вып. 38. Новосибирск, 1972. С. 72.

⁶Севастьянова Э.А., Сидоров Е.А., Антонова Л.М. Разведки в Новосибирской области. АО 1972 года. М., 1973, С. 237–238; Момот В. П., Бергман Э. Д. Два новых памятника эпохи поздней бронзы на берегу Новосибирского водохранилища // Вопросы археологии Сибири. Новосибирск, 1973. Вып. 85. С. 114–117.

⁷Грязнов М.П., Троицкая Т.Н., Уманский А.П., Севастьянова Э.А. Археологическая карта побережья Новосибирского водохранилища // Вопросы археологии Сибири. 1973. Вып. 85. С. 4.

был открыт ряд новых объектов и исследовано несколько ранее обнаруженных памятников¹.

Важным результатом стало то, что на основании всех открытых памятников в 1973 г. усилиями нескольких ученых (М.П. Грязнова, Т.Н. Троицкой, А.П. Уманского и Э.А. Севастьяновой) была составлена археологическая карта побережья Новосибирского водохранилища. Ее основу составили известные на 1971 г. археологические памятники Новосибирского водохранилища².

Таким образом, в период со 2-й половины 1940-х и в 1-й половине 1950-х гг. М.П. Грязнов работал на территории юга Западной Сибири в двух направлениях. Первое было связано с исследованиями на комплексе Ближние Елбаны (1946–1947, 1949 гг.). Результаты трехлетних работ дали значительный информативный материал, позволивший существенно дополнить культурно-хронологическую концепцию, над которой он работал. Второе направление деятельности было направлено на проведение охранных работ в зоне будущего затопления водохранилища Новосибирской ГЭС (1952–1954 гг.). Важно, что эти работы стали первыми полноценными археологическими исследованиями данной территории, и заложили основу для ее дальнейшего исследования другими специалистами.

¹Грязнов М.П., Троицкая Т.Н., Уманский А.П., Севастьянова Э.А. Археологическая карта побережья Новосибирского водохранилища // Вопросы археологии Сибири. 1973. Вып. 85. С. 4.

²Там же.

ГЛАВА III

**КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ М.П. ГРЯЗНОВА
И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЛУЧЕННЫХ ИМ МАТЕРИАЛОВ****3.1. Культурно-хронологические схемы изучения древней и средневековой
истории населения Алтая и Верхнего Приобья**

Периодизация древних культур Сибири – важнейшая составляющая научного наследия М.П. Грязнова. Открытые им памятники и введенные в науку понятия прочно вошли в теорию и практику археологических исследований. Но, как известно, основная часть научной деятельности М.П. Грязнова протекала в то время, когда еще не использовались методы абсолютного датирования, а преобладали естественно-географические и типологические методы, а также стратиграфические наблюдения¹.

Методологические принципы ученого, с одной стороны, базировались на основе наследия русской палеоэтнологической школы, а, с другой стороны, – под влиянием марксистского материалистического понимания истории². Влияние палеоэтнологической школы выразилось в признании детерминирующего фактора географической среды и в целом эволюционного характера культурогенеза³.

Для правильной оценки системы хронологии М.П. Грязнова необходимо привести определение ее исходных теоретических оснований, которые ученый

¹Савинов Д.Г. Система хронологии сибирских древностей в трудах М.П. Грязнова // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. Кн. I. С. 74.

²Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. С. 52.

³Савинов Д.Г. Система хронологии сибирских древностей в трудах М.П. Грязнова // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. Кн. I. С. 75.

сформулировал в одной из своих работ¹. Классификация археологических объектов, по его мнению, служит двум целям: первичному упорядочению массового материала по классам для удобства его изучения (формальная классификация) и распределению его по группам (типам), для его использования в исторических построениях (типологическая классификация). Это нашло отражение в следующие рассуждениями М.П. Грязнова. Поскольку все явления общественной жизни, в том числе вещи и явления, изучаемые в археологии, развиваются путем последовательного перехода из одного состояния, качества или формы к другой, независимо от того, происходил ли переход от эволюционным путем или путем скачка, наблюдается наличие последовательного ряда отличных одна от другой групп вещей и явлений, называемых типами. Тип – это основная классификационная единица, которая определяется не по одному признаку, а по совокупности всех доступных особенностей изучаемого объекта. Культура, по М.П. Грязнову, как термин археологической классификации, «это – период в истории конкретного общества со свойственным ему своеобразным характером культуры (т.е. совокупности достижений общества во всех областях его хозяйственной, социальной и идеологической деятельности), отличный от культуры других смежных с ним периодов и от культуры других современных ему обществ»².

Систематические полевые исследования в бассейнах рек Бии и Катуня, а также в районе верхнего течения р. Обь, в результате которых был получен богатый и обширный материал, легли в основу созданной им периодизации.

Впервые она была приведена в его работе «Древние культуры Алтая», опубликованной в 1930 г.³ Опираясь на периодизацию, разработанную ранее С.А. Теплоуховым для Минусинского края⁴, он представил сводку

¹Грязнов М.П. Классификация, тип, культура // Теоретические основы советской археологии (тезисы докладов на теоретическом семинаре ЛОИА АН СССР. I–IV 1970 г.). Л., 1969. С. 18–22.

²Там же. С.19.

³Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Новосибирск, 1930. Вып. 2. С. 1–12.

⁴Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Т. 4. Вып. 2. Л., 1929. С. 41–62.

обнаруженных памятников и находок, разделив их на семь последовательных этапов:

- дометаллическая культура (неолит);
- ранняя бронза (андроновская культура);
- средняя бронза (карасукская культура);
- поздняя бронза;
- первая стадия железной культуры;
- вторая стадия железной культуры;
- третья стадия железной культуры¹.

В основе деления памятников лежала смена материала основных орудий труда². К дометаллической культуре он отнес погребение на Чудацкой горе, исследованное им в 1927 г., два земляных кургана на р. Ян-Улаган, исследованных в С.И. Руденко в 1925 г. и многочисленные находки керамики, встреченные им в ходе разведки по берегам Оби и Бии в 1925 г. Несмотря на то, что материал по указанной культуре был немногочисленный, он позволил проследить ряд аналогий с культурами других областей Сибири³.

Андроновская культура, по сравнению с предыдущей, представлена более полнее. К ней он отнес находки, сделанные в предгорной части Алтая, в Усть-Каменогорском и Бийском округах, а именно, погребения близ Малого Койтаса, с. Клепиково и ряд случайных находок⁴. Обряд погребения, а также вещевой материал позволил М.П. Грязнову сделать вывод о том, что предгорья Алтая были частью андроновской культурной области, которая

¹Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. С. 53.

²Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб., 1996. С. 20.

³Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Новосибирск, 1930. Вып. 2. С. 5.

⁴Там же. С. 11.

распространялась на всю степную и прилегающую к ней лесостепные полосы Западной и Центральной Сибири¹.

Немногочисленные случайные находки и четыре погребения у с. Большереченского были отнесены к карасукской культуре. Собранный материал позволил сделать М.П. Грязнову вывод о том, что именно в карасукскую «эпоху» Алтай являлся центром распространения своеобразных форм ножей и кинжалов, которые указывают на существование особого казахстанского очага бронзовой культуры².

Последний этап бронзовой культуры представлен многочисленными случайными находками, а также большой коллекцией керамики, собранной в результате обследования долины Оби и Бии в 1925 г.³

Следующий этап, первая стадия железной культуры, тесно связан с предшествующим, поскольку точно копирует его формы орудий, но они уже изготовлялись преимущественно из железа. К этому этапу отнесены курганы в Катанде и Берели (раскопки В.В. Радлова), в Майэмирской степи и под Солонечным Белком (раскопки А.В. Адрианова), курганы, исследованные Алтайской экспедицией в с. Сростки, на р. Катанде и р. Урсуле, а также вещи из клада, найденного на р. Чулышман и ряд случайных находок⁴. Культура населения, оставившего эти курганы, представляла кочевые племена с развитой социальной дифференциацией, поскольку наряду со сравнительно бедными погребениями встречались «богатые» могилы представителей власти.

Вторая стадия железной культуры представлена курганами из урочища Кудыргэ, исследованными Алтайской экспедицией в 1924–1925 гг. и в районе с. Большереченского, раскопанными Н.С. Гуляевым. Нахождение в кудыргинских

¹Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Новосибирск, 1930. Вып. 2. С. 5.

²Там же. С. 6.

³Там же.

⁴Там же. С. 7, 11.

погребениях импортных предметов свидетельствует о налаженном торговом и культурном взаимодействии местного населения¹.

Последняя третья стадия железной культуры также представлена только курганными раскопками, а именно, раскопками в 1910 г. В.Н. Каменского в Усть-Каменогорском уезде и А.Т. Кузнецовой в двух пунктах на р. Инге в 1927 г. Но большую часть материала дали раскопки М.Д. Копытова и Алтайской экспедиции курганов в окрестностях с. Сростки².

Следует указать, что в этой работе М.П. Грязновым были обозначены различия в развитии носителей культур горного и лесостепного Алтая³.

В предложенном М.П. Грязновым делении была представлена схематичная последовательность смены культур, но без конкретных хронологических привязок, поскольку в отдельных случаях памятники, принадлежащие к разным культурным стадиям, могли относиться к одному времени и наоборот – в зависимости от их местонахождения⁴. Стоит отметить, что несмотря на схематичность предложенной периодизации, в целом она остается почти неизменной до настоящего времени.

Дальнейшее интенсивное изучение археологических памятников Алтая, а также осмысление материала позволили перейти к разработке более сложных периодизационных схем, а также к социально-экономической и исторической интерпретации полученных источников. Так, введя в 1939 г. понятие «ранние кочевники» М.П. Грязновым была предложена новая периодизация культуры Алтая с выделением трех хронологических групп, соответствующих трем последовательным этапам исторического развития: майэмирского,

¹Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Новосибирск, 1930. Вып. 2. С. 8.

²Там же. С. 9.

³Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. Барнаул, 2008. С. 24.

⁴Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Новосибирск, 1930. Вып. 2. С. 4.

пазырыкского и шибинского¹. Основой для указанной периодизации послужили материалы, полученные в результате исследования памятников археологии на территории Горного Алтая².

Работы на археологическом комплексе Ближние Елбаны во 2-й половине 1940-х гг. стали важным этапом работы над культурно-хронологической концепцией истории Алтая. Основной задачей М.П. Грязнов ставил выявление и исследование на Ближних Елбанах периодов, отражающих все этапы культурного развития племен, когда-либо населявших эту территорию³. В результате работ, проведенных на должном методическом уровне, была предложена периодизация древних и средневековых культур на территории Верхней Оби, которая стала основой для всей западносибирской археологии. Стоит уточнить, что при раскопках Ближних Елбанов Михаил Петрович использовал методику изучения локального района, предложенную ранее С.А. Теплоуховым. Благодаря произведенным работам слабо неисследованная ранее территория Верхней Оби стала вторым по степени археологической и исторической изученности районом после Минусинской котловины⁴.

В первой публикации, посвященной результатам работ на комплексе Ближние Елбаны в 1946 г., весь полученный материал М.П. Грязнов разделил на шесть этапов, от «карасукской эпохи до монгольского времени»⁵: майэмирский этап (VII–V вв. до н.э.), шибинский этап (II в. до н.э. – I в. н.э.), памятники первых веков нашей эры, предтюркское или раннетюркское время (V–VII вв.), тюркское время (VII–X вв.) и монгольское время⁶. Полученный материал не только подтвердил предположение М.П. Грязнова о

¹Грязнов М.П. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства (макет издания АН СССР). М.; Л., 1939.

²Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. Барнаул, 2008. С 24.

³Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956.С. 7.

⁴Китова Л.Ю. Концепции и направления археологических исследований в Сибири конца XIX – середины XX вв.: автореф. дис. ... док. ист. наук. 2011. С. 33–34.

⁵Грязнов М.П. Работы Алтайской экспедиции // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1947. Вып. 21. С. 78.

⁶Там же. С. 77–78.

существовании на территории Верхнего Приобья земледельческо-скотоводческих племен, отличающихся от племен степных кочевников, но и позволил судить о постоянстве этнической принадлежности этого населения в течение очень длительного времени¹.

В следующей работе, освещающей результаты исследований на комплексе Ближние Елбаны в 1947 г., предложенное деление было доработано. Поскольку исследованные памятники принадлежали ранее неизвестным культурам Минусинских степей и Горного Алтая, в работе были введены новые наименования. Так, М.П. Грязнов указывает, что за два года работы Северо-Алтайской экспедиции были открыты и исследованы памятники уже восьми последовательных этапов, и, культурно-хронологическая последовательность выглядела следующим образом: карасукская культура (X–VIII вв. до н.э.), большереченская культура (VII–VI вв. до н.э.), бийская культура (V–III вв. до н.э.), березовская культура (II в. до н.э. – I в. н.э.), первые века нашей эры, фоминская культура (V–VII вв. н.э.), сросткинская культура (VIII–X вв. н.э.) и памятники позднего периода².

Более развернуто предложенная ранее схема была представлена в лекции, представленной М.П. Грязновым в 1949 г. в г. Барнауле на семинаре лекторов, организованном Отделом культурно-просветительной работы Алтайского крайисполкома³. Впоследствии она стала основой для статьи, опубликованной в 1951 г.⁴ Предложенная концепция отражена в виде таблицы, где представлены 11 последовательных этапов от эпохи бронзы до телеутов XVI–XVII вв.⁵,

¹Грязнов М.П. Работы Алтайской экспедиции // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1947. Вып. 21. С. 78.

²Грязнов М.П. Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах // Краткие сообщения института истории материальной культуры. 1949. Вып. XXVI. С. 112–119.

³Грязнов М.П. Из далекого прошлого Алтайского края (по работам Алтайской археологической экспедиции Института материальной культуры им. Н.Я. Марра Академии наук СССР и Ленинградского государственного Эрмитажа 1946–1949 гг.). Барнаул, 1950. 20 с.

⁴Грязнов М.П. Археологическое исследование территории одного древнего поселка (раскопки Северо-алтайской экспедиции в 1949 г.) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры, 1951. Вып. 40. С. 105–113.

⁵Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. С. 55.

последовательно сменявшие друг друга. Каждый из этапов сопровождается иллюстрацией обряда погребения и наиболее характерных материалов. Данная культурно-хронологическая схема выглядела следующим образом:

1. Андроновская культура (XV–XI вв. до н.э.)
2. Карасукская культура (X–III вв. до н.э.)
3. Большереченский этап большереченской культуры (VII–VI вв. до н.э.)
4. Бийский этап большереченской культуры (V–III вв. до н.э.)
5. Березовский этап большереченской культуры (II в. до н.э. – I в. н.э.)
6. Одинцовский этап верхнеобской культуры (II–IV вв.)
7. Переходный этап верхнеобской культуры (V–VI вв.)
8. Фоминский этап верхнеобской культуры (VII–VIII вв.)
9. Сросткинская культура (IX–XI вв.)
10. XII–XV вв.
11. Телеуты (XVI–XVII вв.)¹.

Важным представляется тот факт, что помимо характеристики обозначенных культур, в работе приведены конкретные хронологические рамки и их предполагаемая этническая принадлежность.

В сравнении с работой 1930 г. данная публикация стала существенным прогрессом в обосновании культурно-хронологической концепции². В последующей обширной монографии 1956 года некоторые из ранее выдвинутых положений были пересмотрены, и окончательно общая схема выглядела так:

1. Андроновская культура.
2. Карасукская эпоха.

¹Грязнов М.П. Археологическое исследование территории одного древнего поселка (раскопки Северо-алтайской экспедиции в 1949 г.) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1951. Вып. 40. С. 108–109.

²Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. С. 55.

3. Большереченская культура с тремя этапами (большереченский, бийский, березовский).
4. Верхнеобская культура с тремя этапами (одинцовский, переходный, фоминский).
5. Сросткинская культура
6. Второе тысячелетие нашей эры (первая половина)¹.

Важно указать, что каждый этап демонстрировался наличием соответствующих памятников, с конкретной хронологической привязкой. Отдельно стоит выделить период развитого средневековья, который претерпел существенные изменения. Ввиду того, что сам М.П. Грязнов, хоть и не отрицал их принадлежность к разным историческим периодам, но затруднялся определить их хронологическую последовательность, поэтому археологические памятники развитого средневековья рассматривались все вместе².

Таким образом, на основе исследования одного археологического микрорайона и с привлечением других известных материалов была представлена история культуры древних и средневековых племен Верхней Оби³. Сформулированная концепция М.П. Грязнова стала базовой для многих археологов при интерпретации получаемых материалов.

Параллельно с М.П. Грязновым вопросами периодизации древней истории Южной Сибири занимался С.В. Киселев. В 1928 г. он предложил несколько иную (отличную от предложенной С.А. Теплоуховым) периодизацию для бронзового и железного века Минусинской котловины⁴. Вместо «минусинской курганной группы» он использовал обозначение «тагарская культура», обозначив три стадии ее развития: X–VII вв. до н. э., VII–IV вв. до н. э. и III в.

¹Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. 163 с.

²Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. С. 55–56.

³Там же. С. 56.

⁴Там же. С. 45.

до н.э. – рубеж нашей эры¹. В последующих работах С.В. Киселев пересмотрел свою точку зрения относительно хронологии тагарской культуры и определил ее рамки следующим образом: VII в. до н.э. – рубеж нашей эры. Однако, использование современных радиоуглеродных методов датирования снова позволило «удревнить» начальную фазу тагарской культуры до X–IX вв. до н.э.²

Предположение М.П. Грязнова о существовании майэмирского этапа как особого периода в древней истории алтайских племен С.В. Киселев поддержал, однако, предложил отдельно выделить майэмирскую культуру, состоящую из двух стадий: VII–VI вв. до н.э. и V–V вв. до н.э.³

Особого внимания заслуживает предложенная С.В. Киселевым концепция древней и средневековой истории Южной Сибири. Опираясь на предшествующий опыт систематизации археологических материалов Сибири, а также материал, полученный в результате собственных исследований, он разделил историю Южной Сибири на три больших периода: древность, гунно-сарматское время и сложение государств. Каждый из периодов был разделен на несколько эпох: древность – южносибирский неолит, афанасьевская эпоха, андроновская эпоха, карасукская эпоха, тагарская эпоха; гунно-сарматское время – пазырыкская эпоха Алтая и таштыкская эпоха на Енисее; сложение государств – Алтай в V–X вв. н. э. и енисейские кыргызы (хакасы)⁴. Несмотря на общую положительную оценку, данная схема имела погрешности и вызвала справедливые критические замечания⁵.

После М.П. Грязнова и С.В. Киселева целостная концепция этнокультурного развития кочевых племен Алтая была предложена

¹Киселев С.В. Тагарская культура // Труды секции археологии Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. 1928. Т. 4. С. 257–267.

²Китова Л. Ю. Методологические проблемы археологии и понятие «археологическая культура» в трудах исследователей Сибири 1920–1960-х гг. (часть 2) // Вестник КемГУ. 2015. №1 (61). С. 38.

³Там же. С. 39.

⁴Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 13 и далее.

⁵Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. С. 59.

В.А. Могильниковым¹. Он полагал, что в рамках раннескифского времени следует рассматривать особую майэмирскую культуру, прошедшую в своем развитии два этапа: куртуский (VIII–VII вв. до н.э.) и майэмирский (VII–VI вв. до н.э.)². Территорию распространения памятников майэмирской культуры он ограничил рамками ее локальных вариантов: южный (куртуско-катонский) и северный (усть-куюмский). Развивая свои идеи, он предположил, что на основе усть-куюмского локального варианта майэмирской культуры сформировалась кара-кобинская культура (V–III вв. до н.э.), а пазырыкская культура с конца VI в. до н.э. представляла собой результат взаимодействия местного населения и племен, пришедших из степей Казахстана³.

Значительный вклад в проблему изучения культурно-хронологического развития кочевников Алтая внес Д.Г. Савинов. При изучении проблем периодизации этнокультурной истории народов Южной Сибири он распределял археологический материал не отвлеченно, а в пределах выделенных археологических культур, имеющих определенное этническое содержание, что позволило связать такие исторические категории, как археологический памятник и свидетельства письменных источников⁴. Позже ученый провел работу по синхронизации культуры скифо-сарматского времени Южной Сибири с исторически засвидетельствованными событиями древней истории народов Азии⁵, что впоследствии нашло поддержку у ряда исследователей⁶.

¹Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. С. 63.

²Могильников В.А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 37-39.

³Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. С. 87–90.

⁴Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984. С. 4.

⁵Савинов Д.Г. Возможности синхронизации письменных и археологических дат в изучении культуры Южной Сибири скифо-сарматского времени // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 93.

⁶Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. С. 64.

А.А. Тишкин предложил детальную культурно-хронологическую схему истории развития древних и средневековых народов Алтая от раннескифского до монгольского времени, которая была представлена в докторской диссертации¹, и впоследствии в общем виде отражена в одной из монографий². Основанная на исследовательском опыте предшественников и материалах собственных исследований, она выглядит следующим образом: *поздняя древность* (*ранний железный век; конец IX в. до н.э. – V в. н.э.*): аржано-майэмирское время: **бийкенская культура** и ее этапы: куртуский (конец IX – 1-я половина VIII вв. до н.э.); семисартский (2-я половина VIII – 1-я половина VII вв. до н.э.); бойтыгемский (2-я половина VII – 2–3-я четверть VI вв. до н.э.); пазырыкское время: **пазырыкская культура** и ее этапы: башадарский (2-я половина VI – 1-я половина V вв. до н.э.); кызыл-джарский (2-я половина V – 3-я четверть IV вв. до н.э.); шибинский (последняя четверть IV – III вв. до н.э.); хуннуско-сяньбийско-жужанское время: **булан-кобинская культура** и ее этапы: усть-эдиганский (II в. до н.э. – I в. н.э.); бело-бомский (II – 1-я половина IV в. н.э.); верх-уймонский (2-я половина IV – 1-я половина V вв. н.э.); *раннее и развитое средневековье* (*поздний железный век; VI–XIV вв. н.э.*): тюркское время: **тюркская культура** и ее этапы: кызыл-ташский (2-половина V – 1-я половина VI вв. н.э.); кудыргинский (2-половина VI – 1-я половина VII вв. н.э.); катандинский (2-половина VII – 1-я половина VIII вв. н.э.); туэктинский (2-половина VIII – 1-я половина IX вв. н.э.); курайский (2-половина IX – 1-я половина X вв. н.э.); балтарганский (2-я половина X – XI вв. н.э.); кыргызское время: **кыргызская культура** и ее этапы: яконурский (2-я половина IX – 1-я половина X вв. н.э.); ак-ташский (2-я половина X – XI вв. н.э.); монгольское

¹Тишкин А.А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная история): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2006. 54 с.

²Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. 356 с.

время: **культура монгольского времени** и ее этапы: верх-еландинский (XII в. н.э.); усть-бийкенский (XII–XIV вв. н.э.)¹.

Несмотря на то, что в настоящее время культурно-хронологическая последовательность древних культур Алтая, предложенная М.П. Грязновым претерпела изменения, что вполне естественно, так как наряду с накоплением материалов изменилась и сама парадигма научного исследования, все же им была заложены прочные основы периодизации древних культур Алтая, а появление новых, отличных от его взглядов, точек зрения, особенно с развитием точных методов датирования, вполне корректных по отношению к предшествующим разработкам М.П. Грязнова, лишь отражают естественное развитие науки².

Культурно-хронологическая концепция М.П. Грязнова в целом соответствовала стадийному подходу, установившемуся в отечественной науке еще в 20–30 гг. XX в. Поэтому зачастую возникали некоторые методологические и культурно-исторические противоречия при попытке «вписать» новые археологические материалы в устаревшие теоретические принципы исследования. Но, несмотря на это, концепция не потеряла своего значения и частично используется исследователями при интерпретации археологических материалов по сей день.

3.2. Концепция «ранних кочевников» и проблема возникновения кочевого скотоводства

Рубеж 1920–1930-х гг. отразился на развитии отечественной археологии не лучшим образом. Массовым репрессиям и разоблачительным кампаниям в той или иной степени подверглись С.И. Руденко, С.А. Теплоухов, Ю.В. Готье, Г.И. Боровка, В.В. Бартольд, С.А. Городцов, Б.Н. Граков, Б.Э. Петри, М.П. Грязнов и многие другие. Объем исследований сокращался, а полученные

¹Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. С. 94–234.

²Савинов Д.Г. Система хронологии сибирских древностей в трудах М.П. Грязнова // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. Кн. I. С. 76.

результаты практически не публиковались¹. В тот период Государственная Академия истории материальной культуры (ГАИМК) являлась одним из ведущих центров советской исторической науки. По словам А.А. Формозова, именно в стенах ГАИМК в начале 1930-х гг. были созданы те концептуальные положения, которые на много десятилетий определили развитие советской исторической науки². В 1930 г. академия подверглась реорганизации. Вместо существовавших ранее отделений были созданы секторы, в рамках которых создавались группы (или бригады), объединенные общей проблематикой исследования. Одна из таких групп, образованных в секторе архаического (доклассового) общества, получила название ИКС – история кочевого скотоводства. В нее вошли сотрудники ГАИМК Вера Владимировна Гольмстен, которая была руководителем группы, Михаил Илларионович Артамонов, Георгий Петрович Сосновский и Михаил Петрович Грязнов³. Михаил Петрович, будучи молодым, но уже опытным археологом, со свойственным ему энтузиазмом включился в работу группы, тематика которой определила круг его профессиональных интересов на долгие годы вперед. Важно отметить, что академию коснулись не только структурные изменения. Начались процессы, связанные с трансформацией взглядов на собственно историческое знание. Многие ученые были уволены как классово чуждые или вовсе репрессированы, а пришедшие на их место сотрудники с партийным «стажем» стремились внедрить марксистский метод в процесс исторических исследований⁴. Работа по темам должна была выполняться в рамках группы (бригады). Именно таким образом предполагался отказ от индивидуальных

¹Васютин С.А. Проблемы социальной и потестарной организации ранних кочевников в трудах Михаила Петровича Грязнова // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. Кн. I. С. 31.

²Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. 2-е изд., доп. М., 2006. С. 162.

³Артамонов М.И. Возникновение кочевого скотоводства // Проблемы археологии и этнографии. 1977. Вып. I. С. 4.

⁴Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. 2-е изд., доп. М., 2006. С. 55.

исследований, что вполне соответствовало главному принципу советского мировоззрения – коллективизму.

Стоит отметить, что работа указанной группы имела непосредственно практическую значимость. Так, в сжатые сроки, ее участники смогли предложить одну из первых в советской археологии программ по изучению истории ранних кочевников. В научном архиве ИИМК, в фонде М.П. Грязнова, хранится документ под названием «План программы краеведческого изучения кочевнического скотоводства». На документе стоит дата: 7 февраля 1931 г., а также пометка, сделанная рукой Михаила Петровича Грязнова «Помни, что мы – ударники, и что осенью надо уже эту программу закончить!»¹. Обращаясь к данному документу, мы видим, что главной целью программы являлась оценка реального состояния кочевого скотоводства в СССР с целью его государственного регулирования при переходе к высшим формам хозяйства – скотоводческим совхозам. Очевидно, большие надежды группа возлагала на собирателей-краеведов, которые по их замыслу должны были оказать помощь в сборе материалов, каким-либо образом свидетельствующих о формах хозяйства (в частности, скотоводстве).

Для более рационального использования исторических источников в работе ИКС был установлен следующий порядок: коллектив разбивался на группы по два, а в некоторых случаях по три человека, которые объединялись одними и теми же литературными источниками. Каждая группа составляла список необходимых для нее источников, и эти списки соединялись в один общий, где каждый источник из этого списка получал свой шифр в виде номера. В каждой группе источники распределялись между ее участниками для разнесения на карточки всех необходимых в работе данных. Для этого употреблялись стандартные библиотечные карточки, которые заполнялись следующим образом: в левом верхнем углу проставлялся шифр источника, рядом с ним в следующей графе номер страницы, в следующей графе название темы, к которой относилась помещенная в карточке выписка. Остальная часть

¹НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 117. Л. 1.

занималась собственно выпиской, если она могла поместиться полностью, в противном случае из текста делается выжимка. Если одна и та же выписка касалась разных тем, то она дублировалась на всех карточках¹.

История ИКСа оказалась недолгой. В документах М.П. Грязнова не встречаются записи позже весны 1931 г.². В 1931 г. сектор подвергся очередной организационной перестройке, и проблемные подразделения были упразднены. Об этом же свидетельствуют архивные документы ГАИМКа: в отчетах сектора за 1932 год бригада ИКС не фигурирует³. Но даже за столь непродолжительный период группа сумела заложить основы для нового направления в советской науке – кочевниковедения.

Наиболее существенными результатами работы ученых было признание исторического факта, что до господства в степях Евразии кочевого скотоводческого хозяйства в них процветало комплексное земледельческо-скотоводческое оседлое хозяйство. Также было установлено, что кочевое хозяйство возникло лишь в конце эпохи бронзы и окончательно утвердилось в период распространения железа в скифо-сарматских культурах⁴.

В дальнейшем эти идеи неоднократно находили отражение в трудах М.П. Грязнова. Обратимся к некоторым из них. Несмотря на то, что в архивных записях ИКСа термин «ранние кочевники» не встречается, именно работа в рамках группы заложила у М.П. Грязнова основу для дальнейшей разработки данной проблемы.

Так, в 1939 г. для коллективного труда «История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства» М.П. Грязновым был

¹НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 117. 4.

²Жук А.В. Дебют ИКСа // Третьи исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 1995. Ч. II. С. 56.

³Свешников А.В., Свешникова О.С. Группа архаического земледелия: забытая страница истории советской науки 1930-х годов // Диалог со временем, 2009. Вып. 30. С. 256.

⁴Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003. С. 22.

написан параграф «Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана»¹. Опираясь на археологические данные территории Алтая и восточного Казахстана, он впервые употребил термин «ранние кочевники», а также представил концепцию развития этой эпохи, которая охватывала восемь столетий (VII в. до н.э. – I в. н.э.) и подразделялась на три этапа, названные по наиболее ярким и выразительным для каждого из них памятникам: 1) майэмирский (VII–V вв. до н.э.; 2) пазырыкский (V–III вв. до н.э.); 3) шибинский (II в. до н.э. – I в. н.э.)². Характеризуя эпоху ранних кочевников, М.П. Грязнов выделил два основных процесса: овладение железом для изготовления орудий и разложение первобытнообщинного строя³.

Как впоследствии отмечал сам М.П. Грязнов, представленное в данной работе деление было изложено «...в популярной форме, без достаточной аргументации»⁴, а сама концепция нуждалась в детальном обосновании. Значительно ее проработав, в 1945 г. на заседании сектора бронзы и раннего железа ИИМК АН СССР Михаил Петрович представил доклад «Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае», опубликовав его в 1947 г. в виде одноименной статьи. Характерные признаки самой ранней группы памятников (майэмирской), были определены следующим образом: конструкция узды, форма бронзовых зеркал и полное отсутствие железных орудий. Опираясь на эти признаки, к майэмирскому этапу им были отнесены следующие памятники населения Горного Алтая: курганы и клад в Майэмирской степи и в верховьях р. Нарыма; курганы под Солонечным Белком на р. Бухтарме, исследованные в 1911 г. А.В. Адриановым; погребение в Усть-Куюме на р. Катунь, раскопанное Г.П. Сосновским в 1936 г., а также несколько случайных находок, хранящихся в разных музеях⁵. К памятникам оседлых

¹Грязнов М.П. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства (макет издания АН СССР). М.; Л., 1939. С. 399–413.

²Там же. С. 400.

³Там же. С. 410–411.

⁴Грязнов М.П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1947. Вып. 18. С. 9.

⁵Там же. С. 10–11.

групп населения майэмирского этапа М.П. Грязнов отнес поселение Большереченское-I на Оби и поселение на дюне около Быстрианского кордона, обнаруженные им в 1925 г., а также курганы на памятнике Березовка-I на р. Катуни, раскопанные С.М. Сергеевым в 1930 г.¹

Несмотря на то, что указанные памятники, как отмечал М.П. Грязнов, немногочисленные, все же они достаточно выразительны и дают представление об основных особенностях культуры ранних кочевников Алтая VII–V вв. до н.э. А поскольку памятники майэмирского этапа резко отличаются от памятников предшествующей карасукской эпохи, то они обладают всеми основными чертами, характерными для эпохи ранних кочевников и открывают новую страницу в истории древних племен Алтая².

После трехлетних работ Северо-Алтайской экспедиции Ближние Елбаны были определены М.П. Грязновым как «...основной памятник эпохи ранних кочевников на Верхней Оби»³. Кроме того, результаты раскопок этого археологического комплекса, представленные в итоговой монографии, позволили ему сузить хронологические рамки майэмирского этапа, определив их VII–VI вв. до н.э. Так же им была выделена большереченская культура и разграничены майэмирские памятники Горного Алтая и большереченские в Верхней Оби, относимые им ранее к одной культуре ранних кочевников Алтая⁴.

Работа «Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников», вышедшая в КСИИМК в 1956 г., стала важным этапом в истории изучения ранних кочевников Казахстана. Все дело в том, долгое время ввиду отсутствия в специализированной литературе сведений об эпохе ранних кочевников на территории Северного Казахстана, культура народов, населявших обозначенную территорию в скифское время, ошибочно считалась

¹Грязнов М.П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1947. Вып. 18. С. 14–15.

²Там же. С. 12.

³НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 184. Л. 14.

⁴Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003. С. 23.

несамостоятельной. На основе имеющегося, пусть и немногочисленного материала Михаил Петрович сделал ряд важных выводов:

1. В эпоху ранних кочевников на территории Северного Казахстана были распространены курганы своеобразного устройства, что обычно связано с распространением своеобразной культуры, и следовательно, особой этнической группы.

2. Анализ серии бронзовых кинжалов скифского времени, обнаруженных в Северном Казахстане, позволил установить, что, несмотря на кажущееся разнообразие форм, они объединяются рядом общих признаков, не свойственных бронзовым кинжалам из других районов.

3. Немногочисленные памятники изобразительного искусства, выполненные в «зверином» стиле, свидетельствуют о наличии местного художественного творчества древних казахстанских племен и наличии у них развитой художественной культуры, а также о значительном имущественном неравенстве общества, вызвавшем появление массивных золотых украшений и изысканных художественных литых предметов вооружения.

Вышеуказанные выводы позволили установить, что Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников был заселен племенами с культурой скифского типа, которые по культуре были ближе к алтайско-енисейским, чем скифским. Таким образом, М.П. Грязнов опроверг утвердившееся в науке мнение о несамостоятельности культуры племен, или вовсе незаселенности Северного Казахстана в скифское время¹.

Открытие «царского» кургана Аржан в Туве поставило перед археологами новые вопросы по хронологии памятников ранних кочевников. Раскопки Аржана показали, что широко распространенный метод датирования отдельных курганов путем поиска аналогий находкам среди других датированных памятников может привести к ошибочным хронологическим определениям. В этой связи М.П. Грязнов пришел к выводу, что при сопоставлении памятников

¹Грязнов М.П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1956. Вып. 61. С. 8.

разных этапов одной культуры или хронологически близких культур надо сопоставлять не отдельные категории вещей, а их комплексы¹. Результаты раскопок привели к необходимости внесения корректив в принятую хронологию скифских памятников, а проблемы его датировки породили множество дискуссий в научных кругах². Так, ряд ученых поддержал идею о том, что курганы Центральной Азии скифского типа древнее европейских аналогичных курганов (Курочкин Г.Н., Шер Я.А., Марсадолов Л.С. и др.), другие по-прежнему считали Северное Причерноморье и Северный Кавказ с прилегающими к ним территориями центром сложения скифской культуры (Членова Н.Л., Яблонский Л.Т. и др.). Сам М.П. Грязнов полагал, что с VIII в. до н.э. на просторах степной полосы Евразии синхронно возникают и развиваются сходные в общих чертах, но вполне самобытные в связи с историческим прошлым, культуры скифо-сибирского типа, отдельные культурные приобретения которых в условиях широкого межплеменного обмена получают всеобщее распространение³. В дальнейшем им был сделан вывод о том, что и в Центральной Азии, и в Причерноморье раннескифскому периоду (VII–VI вв. до н.э.) предшествует еще один, более ранний период культуры скифского типа. В Причерноморье это так называемый доскифский период (VIII–VII вв. до н.э.) а в Туве – аржанский этап культуры ранних кочевников⁴.

Отдельного внимания заслуживает многотомное коллективное издание «Археология СССР», для которого М.П. Грязновым была подготовлена глава «Алтай и приалтайская степь»⁵. Он отмечал, что культуру ранних кочевников по типам вещей и деталям погребального обряда можно разделить на четыре

¹Грязнов М.П. Некоторые вопросы хронологии ранних кочевников в связи с материалами кургана Аржан // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л., 1975. С. 6.

²Шер Я.А. М.П. Грязнов и некоторые вопросы археологии ранних кочевников// Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. Кн. I. С. 78-82.

³Грязнов М.П. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // Краткие сообщения института археологии. 1978. Вып. 154. С. 18.

⁴Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л., 1980. С. 56.

⁵Грязнов М.П. Алтай и приалтайская степь // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 161–178.

последовательных хронологических этапа: куртуский (VIII–VII вв. до н.э.), майэмирский (VII–VI вв. до н.э.), пазырыкский (V–III вв. до н.э.) и шибинский (II в. до н.э. – I в. н.э.). Однако, поскольку работа вышла уже после смерти М.П. Грязнова, его ученик, Н.А. Боковенко, занимавшийся подготовкой к печати указанной главы, счел правильным объединить первые два этапа, поскольку «...М.П. Грязнов сам понимал, насколько искусственно это деление, не отражающее реальных исторических событий. Именно поэтому в его последних работах выделение начальной фазы культуры ранних кочевников носит гипотетичный характер. Учитывая все это, было решено соединить два выделенных М.П. Грязновым этапа — куртуский и майэмирский, тем более что собственно майэмирские комплексы отошли к куртускому этапу». Таким образом, эпоха ранних кочевников была разделена на три этапа: ранний (куртуско-майэмирский) этап (VIII–VI вв. до н.э.), средний (пазырыкский) этап (V–III вв. до н.э.), поздний (шибинский) этап (II в. до н.э. – I в. н.э.).

Как уже было сказано, окончательная подготовка работы к изданию завершалась после смерти М.П. Грязнова, который не успел собрать, обработать и осмыслить новый обширный археологический материал. Анализ же всей совокупности источников, проведенный в том числе другими исследователями, помог сделать вывод об «удревнении» памятников шибинского этапа, т.е. все памятники, относимые М.П. Грязновым к шибинскому этапу были отнесены ко времени не позднее начала II в. до н.э. и составляют единую культурную группу с предшествующими курганами пазырыкского типа.

В целом, предложенная М.П. Грязновым концепция «вписалась» в стадиальную теорию развития обществ, однако попытки ученого наполнить новым археологическим материалом устоявшиеся теоретические принципы приводили к определенным противоречиям¹. Впоследствии термин «ранние кочевники» использовался исследователями древней истории Сибири,

¹Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003. С. 24.

Казахстана и Центральной Азии, что, несомненно, свидетельствует о его жизнеспособности.

Следует отметить, что этот термин встретил как поддержку, так и критику со стороны коллег, породив острую дискуссию. В современной археологии наряду с понятием «ранние кочевники» используются термины: «древние кочевники», «древние скотоводы», «культуры скифского облика», «раннескифские культуры», «ранняя степная цивилизация» и др., а у самого термина «ранние кочевники» существует множество определений¹.

С.И. Руденко не был согласен ни с предложенным термином, ни с его хронологическим обоснованием. Он полагал, что скифский период следует датировать VII–IV вв. до н.э., не разделяя его на отдельные этапы², а, характеризуя скифскую культуру Алтая, он использовал термин «древние горноалтайцы»³.

С.С. Черников термин «ранние кочевники» не отвергал, считая, что он «...характеризует продолжительную историческую эпоху развития племенных и этнических образований, с основой хозяйства, — кочевым скотоводством и определенный круг памятников материальной культуры»⁴. Однако, широкое использование этого понятия в территориальном и хронологическом смыслах он считал неоправданным.

А.Д. Грач под термином «ранние кочевники» подразумевал население, оставившее памятники скифского времени в Южной Сибири и Казахстане. Допуская распространение этого населения на территории Центральной Азии, он полагал, что понятие «ранние кочевники» не может иметь всеобщего

¹Бедельбаева М.В. «Ранние кочевники» М. П. Грязнова: проблема терминологии или терминология проблемы? // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб., 2012. Кн. 1. С. 41.

²Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.;Л., 1960. С. 164.

³Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. М.;Л., 1952. С. 248–259.

⁴Черников С.С. О термине «ранние кочевники» // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1960. Вып. 80. С. 17.

применения, так как в рассматриваемый период на территории ряда этнокультурных зон образ жизни населения был оседлым¹.

Д.Г. Савинов, обращаясь к понятию «ранние кочевники», полагает, что его следует соотносить только с древним населением степных и горно-степных районов, где на протяжении многих веков доминирующую роль играло кочевое и полукочевое скотоводство. Также он считал, что по уровню социальной организации все племена «ранних кочевников», несмотря на достаточно сложные социально-экономические структуры, существовали в период до возникновения государственных образований. Понятие «поздние кочевники» он счел ничем не мотивированным и предлагал вовсе от него отказаться².

М.Ф. Косарев, напротив, высказался в поддержку деления кочевников на ранних и поздних³. Причем, если ранние кочевники вследствие хозяйственного освоения ими незаселенных территорий заслуживают положительной исторической оценки, то поздние кочевники разрушали достижения предшествующих племен⁴.

С.И. Вайнштейн также делил кочевников на ранних и поздних. К ранним кочевниками он относил древние племена евразийских степей – скифы, сарматы, гунны, усунь и др., у которых формировалось кочевничество, а поздними кочевниками – раннесредневековые скотоводческие народы с особыми формами материальной культуры⁵.

А.М. Хазанов, в свою очередь, в соответствии с общеисторической периодизацией предложил ввести вместо термина «ранние кочевники» понятие

¹Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. С. 5–6.

²Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея // Археологические культуры и культуругенез. СПб., 2002. С. 5–6.

³Косарев М.Ф. Экологические аспекты археологического исследования (по западно-сибирским материалам) // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск, 1986. С. 3–17.

⁴Бедельбаева М.В. «Ранние кочевники» М. П. Грязнова: проблема терминологии или терминология проблемы? // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб., 2012. Кн. 1. С. 42–43.

⁵Вайнштейн С.И. Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии. М., 1973. С. 9; Вайнштейн С.И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // Советская этнография. 1976. №4. С. 42.

«древние кочевники»¹. Высказанное предложение нашло как поддержку у некоторых исследователей (Б.А. Литвинский, А.Д. Грач, Г.Е. Марков), так и вызвало критику. В частности, Д.Г. Савинов заявил о том, что понятие «ранние кочевники» по своему значению и содержанию глубже, чем просто раздел исторической периодизации².

В.М. Массон поддержал определение эпохи «ранних кочевников», обозначив это время как решающий рубеж в развитии обществ, практикующих степной образ жизни и полагая, что именно в это время сложились предпосылки формирования устойчивых образований – кочевых империй³.

Из всего вышеизложенного следует вывод, что на сегодняшний день в историографии не существует единого мнения относительно термина «ранние кочевники». Каждый исследователь вкладывает в это понятие свое определение, а появление нового археологического материала и методологических подходов постоянно вносят коррективы в хронологические и территориальные границы эпохи «ранних кочевников».

С разработкой и обоснованием концепции «ранних кочевников» тесно связана еще одна тема – проблема возникновения и развития кочевого скотоводства. В значительной мере этому способствовало утверждение в начале 1930-х гг. марксизма в качестве основ методологии в советской науке, что вызвало усиление интереса к изучению хозяйственных форм прошлого⁴. Стоит отметить, что именно работа в составе группы ИКС определила одно из главных научных направлений деятельности М.П. Грязнова – возникновение и развитие кочевого скотоводства.

Важнейшим результатом работы группы должна была стать коллективная монография «Возникновение кочевого скотоводства», посвященная эволюции

¹Хазанов А.М. Социальная история скифов: Основные проблемы развития древних кочевников Евразийских степей. М., 1975. С. 48–56.

²Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея // Археологические культуры и культурогенез. СПб., 2002. С. 4.

³Массон В.М. О трех эпохах в древней истории евразийских степей // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. Кн. I. С. 74.

⁴Свешникова О.С. Забытая работа группы ИКС // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 2004. С. 20.

форм хозяйственной деятельности. Монография не была опубликована, ее рукопись находится в Научном архиве ИИМК РАН, в фонде М.П. Грязнова. Краткие тезисы этой монографии, также хранящиеся в архиве ИИМК, дают некоторое представление о результатах работы группы. Опираясь на схему эволюции форм хозяйственного развития, предложенную немецким географом и этнологом Эдуардом Ганом, авторы отмечали, что она нуждается с некоторых дополнениях. В частности, Э. Ган опровергал господствующее до этого представление о следующем порядке в смене хозяйственных систем: охотничье-собирательское хозяйство – кочевое скотоводство – земледелие. Он утверждал, что земледелие не является высшей ступенью в развитии хозяйства, выделяя примитивное мотыжное и плужное земледелие, обусловленное наличием тяглого скота. Его представление основывалось, во-первых, на невозможности приручения животных вне оседлости, во-вторых, на необходимости продолжительного сожительства с человеком для превращения дикого зверя в одомашненное животное. Одомашненные в благоприятных условиях животные в дальнейшем распространялись из «центров» приручения при помощи заимствований и миграции народов¹. Соглашаясь с Э. Ганом в его утверждении о том, что условием возникновения скотоводства была оседлость, исследователи утверждали, что оседлость не может являться следствием лишь земледелия. Они приходят к выводу, что скотоводство на начальных этапах своего развития существовало в слитой форме с другими производствами. Опираясь на археологические данные, сделан вывод о том, в разных районах, в связи с различными физико-географическими условиями, складывались разные типы хозяйств с преобладанием одного из видов производства. Так, наряду с охотничье-рыболовческими и земледельческими, возникали хозяйства с преобладающим значением скотоводства. Эти хозяйства оформляются позже других и находятся в связи с оседлым образом жизни, который мог возникнуть на основе охоты, рыболовства и примитивного земледелия, а чаще всего их

¹НА ИИМК. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 116. Л. 1–2.

сочетания с преобладанием какого-либо производства¹. Ввиду того, что скот первоначально имел значение живого запаса мяса, скотоводство приобрело важное значение только с падением исключительной роли охоты. В дальнейшем роль скотоводства стала возрастать по отношению к земледелию, так как привязанный к месту земледелец не мог безгранично увеличивать свое стадо, его размеры ограничивались кормовыми условиями².

Как отмечалось выше, этот труд не был опубликован, впоследствии лишь некоторые сведения нашли отражение в небольшой статье М.И. Артамонова с одноименным названием³.

В «Истории СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства», М.П. Грязнов представляет последовательность изменения хозяйственной жизни племен Алтая с VII в. до н.э. по I в. н.э. Он отмечал, что памятники майэмирского этапа в значительной степени отличаются от памятников предшествующего периода, что свидетельствует о существенных изменениях в хозяйственной жизни племен. Наличие погребений кочевников в сопровождении коня, а также собственно расположение курганов в богатых пастбищами районах являлось, по его мнению, следствием перехода к кочевому образу жизни и связанному с ним накоплению стад скота, что нашло отражение в этих памятниках. Однако, как отмечал М.П. Грязнов, не все население полностью перешло к кочевому образу жизни. Находки по меньшей мере в двух пунктах (Быстрианский Кордон и нижний слой поселения Большереческого-I) свидетельствовали о длительном пребывании там оседлого населения, которое вело комплексное хозяйство⁴. Памятники пазырыкского этапа в основном повторяют характерные особенности памятников предшествующего, майэмирского этапа. Курганы кочевников без конского

¹НА ИИМК. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 116. Л. 5–10.

²Там же. Л. 13.

³Артамонов М.И. Возникновение кочевого скотоводства // Проблемы археологии и этнографии, 1977. Вып. I. С. 4–13.

⁴Грязнов М.П. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства (макет издания АН СССР). М-Л., 1939. С. 401.

захоронения практически не встречаются. Наоборот, погребенный часто сопровождается не одним, а двумя конями, что может свидетельствовать о еще более развитом скотоводстве и важной роли верхового коня в жизни кочевников¹.

По мнению М.П. Грязнова, раскопки Первого Пазырыкского кургана наиболее полно освятили особенности не только хозяйственной, но и социальной жизни населения этого периода. Так, весь облик находок из кургана свидетельствует о кочевом образе жизни его строителей, основным занятием для которых было скотоводство. Неравенство семей в обеспеченности в первую очередь скотом привело к сложной структуре в обществе. Появились богатые семьи, эксплуатирующие труд рабов, а также семьи, ведущие хозяйство собственными силами. Но в большем количестве были обедневшие семьи, экономически зависящие от богатых семей². Детальное освещение хозяйства и быта кочевников Алтая по результатам раскопок Первого Пазырыкского кургана нашло отражение в серии работ М.П. Грязнова (1929, 1937, 1950 и др.). Особенно подробно эти аспекты освещены в монографии «Первый Пазырыкский курган»³. В ней он отмечал, что скотоводство, являясь ведущей отраслью хозяйства кочевников, нашло отражение во всех находках из Пазырыкского кургана. Безусловно, исключительную роль в жизни общества играли лошади. Погребенного сопровождали лучшие верховые кони, сохранившие следы тщательного ухода за ними. Еще одним важнейшим животным в хозяйстве была овца, но, в отличие от лошади, их разведение носило чисто утилитарный характер – овцы служили основным источником мяса и шерсти. Крупный рогатый скот, судя по находкам из Пазырыкского кургана, использовался в основном в качестве транспортного средства, а также для получения мясных и молочных продуктов⁴.

¹Грязнов М.П. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства (макет издания АН СССР). М-Л., 1939. С. 404.

²Там же. С. 406.

³Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950. 113 с.

⁴Там же. С. 52–53.

М.П. Грязнов пришел к выводу, что останки животных и предметы, предназначенные для их использования, а также сам облик находок Пазырыкского кургана свидетельствуют о том, что «пазырыкцы» были исключительно скотоводами, и никаких указаний на наличие у них земледелия не встречено¹.

Следующий за пазырыкским шибинский этап в целом сохранил прежний характер развития племен. Отличие заключалось в наличии большего по сравнению с предыдущим периодом богатых погребений, что было связано с дальнейшим значительным развитием экономического неравенства патриархальных семей, вызванного накоплением скота и других богатств в отдельных семьях².

Несмотря на тот факт, что в продажу «История СССР» не поступила, а была напечатана как «макет» в количестве 500 экз. и в целом была признана неудавшейся попыткой составления монументальной работы по истории СССР³, все же выводы, сформулированные М.П. Грязновым в этом труде прочно легли в основу специальной литературы по обозначенной проблематике.

С 1939 г. М.П. Грязнов совместно с Г.П. Сосновским, С.В. Киселевым и Л.П. Потаповым работал над созданием труда «Очерки по истории тюркских племен и народов Алтая» под редакцией А.Н. Бернштама. Хронологически очерки должны были охватить историю от древнейшего населения Алтая периода палеолита до «...расцвета культуры народов Алтая в эпоху социализма»⁴. Для этой работы М.П. Грязновым была подготовлена глава «Сложение кочевой культуры у древних племен Алтая». В фонде ученого в Научном архиве ИИМК РАН хранится рукопись этой главы, датированная

¹Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950. С. 52.

²Грязнов М.П. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства (макет издания АН СССР). М.; Л., 1939. С. 408.

³Миллер М.А. Археология в СССР // Институт по изучению истории и культуры СССР. Исследования и материалы, 1954. Серия 1. №12. С. 100.

⁴НА ИИМК. РО. Ф.91. Оп. 1. Д. 125. Л. 2.

М.П. Грязновым 1939–1940 гг. В ней он формулирует причины перехода племен Алтая к кочевой системе хозяйства и связанные с этим коренные изменения в их хозяйственной и социальной жизни. Опираясь на уже известную периодизацию, предложенную им ранее в «Истории СССР», Михаил Петрович не только дает подробную характеристику культуры племен Алтая по таким категориям, как техника, хозяйство, быт, социальный строй и идеологические надстройки, но и демонстрирует примеры бытования того или иного явления культуры в жизни современного ему населения Алтая¹.

Данная работа в имеющемся варианте не была опубликована. Исходя из графика подготовки «Очерков»², они их надо было сдать в дирекцию ИИМК не позднее 15 декабря 1941 года, но начавшаяся война не позволила реализоваться задуманному. Лишь в 1948 г. Л.П. Потапов, опираясь на ранее подготовленную часть, выпустил в свет «Очерки по истории алтайцев»³.

После войны, вернувшись в Ленинград, М.П. Грязнов продолжил изучать проблему возникновения кочевого скотоводства, и свои многочисленные наработки он изложил в нескольких статьях.

Как уже было отмечено, в 1945 г. на заседании сектора бронзы и раннего железа ИИМК М.П. Грязнов представляет доклад «Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае», опубликованный в одноименной статье в 1947 г., в которой было дано обоснование майэмирского этапа как начального периода формирования культуры ранних кочевников. Кроме важных дополнений относительно периодизации, предложенной им ранее, он дал характеристику немногочисленных известных памятников майэмирского этапа, которые достаточно выразительны и «... открывают новую страницу в истории древних племен Алтая», поскольку резко отличаются от памятников предшествующей эпохи⁴. Различие это связывалось в первую очередь с появлением в погребении верхового коня. Отмечалось также отсутствие

¹На ИИМК. РО. Ф.91. Оп. 1. Д. 125. Л. 4.

²Там же. Л. 1.

³Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948. 506 с.

⁴Грязнов М.П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1947. Вып. XVIII. С. 14.

глиняной посуды. М.П. Грязнов сделал вывод, что, вероятно, в самом начале перехода к кочевому образу жизни глиняная посуда вообще не использовалась в быту кочевников, и только позднее, начиная с пазырыкского этапа, они стали применять в небольшом количестве глиняные кувшины¹.

В 1955 г. вышла статья М.П. Грязнова «Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири», подготовленная на основе доклада, представленного им в 1954 г. на заседании сектора Сибири в Институте этнографии АН СССР в Ленинграде. В своем понимании вопросов сложения и развития ранних кочевых обществ он опирался на два основных положения, сформулированные им следующим образом:

1. Начальные формы степного кочевого хозяйства и быта значительно отличались от известных современных форм в силу исторических условий, при которых они формировались. Поэтому при их изучении следует учитывать конкретно-исторический процесс развития хозяйства, опираясь на сведения о предшествующих племенах и анализ имеющихся археологических и исторических источников, используя этнографические параллели для объяснения каких-то частных сторон хозяйства и быта.

2. Развитие степного скотоводческого хозяйства заключалось не только в медленных, непрерывных и эволюционных изменениях, но и переходе от одной формы хозяйства к другой, при чередовании периодов относительно быстрого развития производительных сил общества с периодами относительного покоя в развитии. Так, он отрицает устоявшуюся гипотезу о том, что развитие скотоводческого хозяйства и переход к кочевому образу жизни является длительным процессом непрерывного роста стад и как следствие постепенный,

¹Грязнов М.П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1947. Вып. XVIII. С. 15.

длительный и непрерывный процесс развития подвижного образа жизни, который в конечном счете приводит к сложению кочевого хозяйства и быта¹.

По мнению М.П. Грязнова, это противоречит археологическим данным, пусть немногим и непрямым. Ученый утверждал, что если бы процесс развития древних скотоводческих племен действительно протекал в форме длительных, эволюционных изменений, то и развитие их культурного облика также протекало бы путем медленных изменений. Однако, четко выраженная в археологических памятниках смена культур и культурных этапов и практически полное отсутствие памятников переходного периода дает основание полагать, что смена хозяйственных форм могла происходить в короткие сроки².

Эти заключения получили детальное развитие в статье 1957 г. «Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы». В ней он приходит к выводу, что приблизительно в XV в. до н.э. в степных и лесостепных районах Казахстана и Южной Сибири сложилась ярко выраженная культура, принципиально отличавшаяся от предшествующих ей энеолитических культур. Процесс перехода от охотничье-рыболовного к пастушеско-земледельческому хозяйству, вероятно, выглядел следующим образом: как известно, охота и скотоводство в одном хозяйстве совместимы до некоторого предела, соответственно, увеличение количества скота до размеров, полностью обеспечивающих хозяйство продуктами скотоводства, было возможно при полном отказе от охоты. Вероятно, какая-то группа родов, или отдельно взятый род полностью перешел к пастушеско-земледельческому хозяйству, и этот опыт оказался настолько удачным, что быстро

¹Грязнов М.П. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири // Краткие сообщения института этнографии. 1955. Вып. 24. С. 19.

²Грязнов М.П. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири // Краткие сообщения института этнографии. 1955. Вып. 24. С. 22.

распространился везде, где позволяли условия. Изменение это повлекло изменения в бытовом укладе, экономике и социальных отношениях¹.

М.П. Грязнов с особым вниманием разрабатывал вопросы хозяйственной и бытовой истории древних племен Сибири. Это нашло отражение в его многочисленных трудах, некоторые из которых еще не опубликованы и требуют более детального анализа. Материал, полученный в результате многолетних экспедиций, дал возможность подробно восстановить некоторые аспекты хозяйственной деятельности древнего населения.

Сформировавшиеся в начале 1930-х гг. идеи на годы вперед определили подход М.П. Грязнова к характеристике форм кочевничества. Многие сделанные им выводы оказались настолько перспективными, что М.П. Грязнов по праву может быть назван одним из основателей кочевниковедения как особого научного направления в советской археологии.

¹Там же. С. 24.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Алтайская экспедиция Государственного Русского музея под руководством С.И. Руденко, работавшая на Алтае с 1924 г., не только положила начало систематическим археологическим исследованиям на Алтае, но и оказала благотворное влияние на деятельность местных краеведческих организаций¹. В 1925 г. М.П. Грязнов присоединился к Алтайской экспедиции и осуществил самостоятельные разведки долины р. Оби между Бийском и Барнаулом, что в дальнейшем определило круг его научных интересов. Полученные тогда материалы еще не в полной мере изучены и имеют научно-исследовательский потенциал.

В 1925 г. М.П. Грязнов вновь прибывает на Алтай в составе Алтайской экспедиции Государственного Русского музея и производит обследование ранее известного ему памятника Чудацкая гора. Сведения о нем, а также коллекции, находящиеся в Государственном Эрмитаже, оказались широко востребованы в исследовательской практике. Раскопки в 1927 г. кургана Шибе, а также в 1929 г. Первого Пазырыкского кургана дали уникальный, хорошо сохранившийся материал благодаря условиям мерзлоты и принесли ученому мировую известность. За исключением небольшой статьи, публикации М.П. Грязновым материалов из Шибинского кургана не последовало.

На рубеже 1920–1930-х гг. М.П. Грязнов подвел промежуточные итоги исследованиям на Алтае и на основе периодизации культур С.А. Теплоухова для Минусинского края разработал свою первую культурно-хронологическую схему смены археологических культур Алтая, выделив семь этапов последовательно сменявших друг друга культур: дометаллическая культура, андроновская культура (ранняя бронза), карасукская культура (средняя бронза),

¹Тишкина Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.). Барнаул, 2010. С. 194.

поздняя бронза, первый этап железной культуры, второй этап железной культуры и третий этап железной культуры¹.

После войны М.П. Грязнов возобновил исследования археологических памятников на Алтае. Так, в 1946–1947 и 1949 гг. под его руководством проводились исследования на археологическом комплексе Ближние Елбаны. Главной задачей экспедиция видела выявление памятников всех периодов, которые бы отражали все этапы культурного развития народов, когда-либо населявших данную территорию². В течение трех лет экспедицией были выявлены погребальные и поселенческие комплексы от эпохи бронзы до первой половины II тыс. н. э., а лесостепь Верхней Оби из неизученного района превратилась во второй по степени археологической и исторической информативности после Минусинской котловины³. В результате произведенных работ М.П. Грязнов сформировал концепцию, опирающуюся на материалы раскопок у с. Большая Речка на Верхней Оби, которая актуальна в настоящее время, и еще используется при интерпретации новых материалов. Она охватывает период от бронзы (андроновская культура) до первой половины II тыс. н.э.

Важно отметить, что в результате работ на Ближних Елбанах М.П. Грязнов выделил и обосновал три новых археологических культуры в Верхней Оби: большереченская с делением на три этапа – (большереченский, бийский и березовский), верхнеобская, также разделенная на три этапа (одинцовский, переходный и фоминский) и сросткинская (IX–XI вв.)⁴. Кроме того, он пришел к выводу, что для карасукского этапа не характерно единство культуры у племен Казахстана и Южной Сибири, поэтому целесообразно

¹Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Новосибирск, 1930. Вып. 2. 11 с.

²Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.;Л., 1956. 160 с.

³Китова Л.Ю. Концепции и направления археологических исследований в Сибири конца XIX – середины XX вв.: автореф. дис. ... док. ист. наук. Кемерово, 2011. С. 33–34.

⁴Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.;Л., 1956. 160 с.

говорить о томском, новосибирском и верхнеобском вариантах карасукской культуры¹.

Комплексное изучение архивных источников и литературы позволило оценить вклад М.П. Грязнова в создание культурно-хронологической концепции древнего и средневекового населения Алтая, проследить, как она менялась и дополнялась по мере открытия новых памятников.

Параллельно с работой над культурно-хронологической концепцией, М.П. Грязнов занимался разработкой и обоснованием концепции «ранних кочевников». С 1930 г. он вместе с Г.П. Сосновским, М.И. Артамоновым и В.В. Гольмстен работал в составе группы ИКС (история кочевого скотоводства), возникшей в секторе архаической формации ГАИМК для комплексного изучения наследия скотоводческих племен. Вскоре группа, как и многие другие подразделения была упразднена, однако М.П. Грязнов продолжил заниматься данной проблемой. В 1939 г. в коллективном труде «История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства» он впервые ввел понятие «ранние кочевники», предложив следующие хронологические рамки: 1) майэмирский этап (VII–V вв. до н. э.), 2) пазырыкский этап (V–III вв. до н. э.), 3) шибинский этап (II в. до н.э. – I в. н.э.)². Это понятие получило довольно широкое распространение и использовалось в трудах советских археологов применительно к территории Южной Сибири, Алтая и Казахстана. С.С. Черников отмечал, что «термин “ранние кочевники” употребляется потому, что в письменных источниках (китайских, античных и иранских) нет общего названия, которое могло бы с достаточной полнотой характеризовать всю эту эпоху на упомянутых территориях»³. Однако, данное понятие встретило как поддержку, так и

¹Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.-Л., 1956. С. 26.

²Грязнов М.П. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства (макет издания АН СССР). М.-Л., 1939. С. 400.

³Черников С.С. О термине «ранние кочевники» // Краткие сообщения института истории материальной культуры. 1960. Вып. 80. С. 17.

критику со стороны коллег, вызвав много дискуссий, не прекращающихся в наше время. Анализ литературы и архивных источников позволил рассмотреть трансформацию взглядов самого ученого на предложенный им термин, а также оценить его роль в отечественной историографии.

Нельзя не отметить, что кроме обоснования культурно-хронологических схем, М.П. Грязнов уделял внимание другим аспектам культуры кочевников Алтая. Еще в 1939 г. М.П. Грязнов отмечал, что для «эпохи ранних кочевников» Алтая характерно «разложение» первобытнообщинного строя, появление социальной дифференциации и рабства в позднескифский период. Учитывая особенности их погребального обряда, он разграничил погребения согласно их социальному статусу¹. Позже он указал, что в эпоху ранних кочевников наблюдалась не только развитая социальная дифференциация, но и сложная политическая структура общества, что выражалось, в частности, в господстве кочевников-скотоводов над оседлыми скотоводческо-земледельческими группами населения². Как справедливо отметил В.В. Бобров, тема социального развития древних обществ не была центральной в творчестве М.П. Грязнова, однако была им «органично введена в анализ древних культур»³.

Стоит еще раз отметить вклад М.П. Грязнова в изыскания, осуществленные в рамках охранных работ в зоне Новосибирского водохранилища. В 1952–1954 гг. Новосибирской археологической экспедицией ЛО ИИМК АН СССР под руководством М.П. Грязнова производились исследования на указанной территории⁴. Фактически это были первые археологические работы в зоне Новосибирского водохранилища, что

¹Грязнов М.П. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства (макет издания АН СССР). М.-Л., 1939. С. 407–411.

²Грязнов М.П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // Краткие сообщения института истории материальной культуры. М.-Л., Вып. 18. С. 14-15.

³Бобров В.В. Проблема социальных реконструкций в научном наследии М.П. Грязнова // Четвертые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. ТД Всеросс. науч. конф. Омск, 1997. С. 7–9.

⁴Грязнов М.П. Археологические исследования на Оби в ложе водохранилища Новосибирской ГЭС // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1960. С. 22–24.

осложняло задачу, поставленную перед экспедицией, – в короткие сроки обследовать берега р. Оби от г. Новосибирска до г. Камня-на-Оби и провести фиксацию и изучение археологических памятников. Всего за время работы экспедиции в 1952–1954 гг. было открыто в общей сложности 74 памятника, на 11 из которых раскапывались. Стоит отметить, что при исследованиях в ложе Новосибирского водохранилища, М.П. Грязнов опирался на ту же идею, что и при раскопках Ближних Елбанов: исследование разновременных памятников одного микрорайона, что, по его мнению, позволяло детально изучить историю населения этой территории «от неолита до прихода русских»¹.

Раскопки, предпринятые экспедициями М.П. Грязнова, стали первыми работами подобного масштаба на Алтае и юге Западной Сибири, а систематические исследования позволили выявить закономерности, присущие данной территории в древности и средневековье. Планомерное изучение археологических памятников целого микрорайона позволило по-новому взглянуть на процессы, происходившие на данной территории в древности и средневековье.

Кроме этого, М.П. Грязнов внес существенный вклад в изучение культуры кочевников Горного Алтая в скифское время, ставшее одной из центральных тем в его научном творчестве.

Таким образом, научные достижения М.П. Грязнова в области изучения археологических памятников Алтая и юга Западной Сибири весьма значительны. Результаты предпринятых работ, а также теоретические разработки не потеряли актуальности и в настоящее время.

Анализ имеющейся на сегодняшний день литературы показал, что интерес профессионального сообщества к жизненному пути и научному наследию М.П. Грязнова не угасает. Однако, несмотря на большое количество работ, посвященных рассмотрению различных аспектов научной деятельности М.П. Грязнова, в том числе по рассматриваемому нами вопросу, полноценный

¹Грязнов М.П. Археологические исследования на Оби в ложе водохранилища Новосибирской ГЭС // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1960. С.22.

анализ возможен лишь с привлечением широкого круга архивных и музейных источников. Использование полевой документации, источников личного происхождения и документов делопроизводства различных архивных учреждений России (Архив ИИМК РАН, Личный архив М.П. Грязнова в Музее археологии и этнографии ОмГУ, архив ИА РАН, архив РЭМ, архив НГКМ, архив БКМ, ГААК), с привлечением музейных коллекций названных учреждений, позволили на новом уровне рассмотреть вклад М.П. Грязнова в изучение рассматриваемого вопроса.

В результате работы с архивными источниками были выявлены и опубликованы материалы, полученные М.П. Грязновым в 1925 г., находящиеся в Личном архиве ученого в Музее археологии и этнографии ОмГУ. Важность публикации сведений о произведенных работах обусловлена тем, что эти материалы не только легли в основу создания первой культурно-хронологической концепции Алтая, но также проведенные исследования наметили перспективы для дальнейшего изучения района Верхней Оби, в частности, на памятнике Ближние Елбаны, которые были продолжены уже после войны.

Основываясь на архивных материалах, были введены в научный оборот сохранившиеся сведения о результатах работ, произведенных в 1927 г. у с. Шибе. Несмотря на то, что результаты исследования Первого Пазырыкского кургана нашли отражение в нескольких работах М.П. Грязнова, в том числе монографическом издании, некоторые моменты были освещены слабо. В результате работы с полевым дневником и неопубликованными заметками, хранящимися в Научном архиве ИИМК РАН и Личном архиве М.П. Грязнова в Музее археологии и этнографии ОмГУ, были выявлены организационные и бытовые особенности работы экспедиции.

Опираясь на отчеты М.П. Грязнова о раскопках Северо-Алтайской экспедиции за 1946–1947 и 1949 гг., хранящиеся в архиве ИА РАН и НА ИИМК РАН, представлена характеристика осуществленных работ, а также дано

современное осмысление полученных в результате предпринятых работ материала.

Поскольку результаты работ, осуществленных Новосибирской экспедицией в 1952–1954 гг. отражены в литературе фрагментарно, а значительная часть добытых материалов до сих пор не издана, была проведена работа с отчетами М.П. Грязнова, находящимися в архиве ИА РАН и архиве Новосибирского государственного краеведческого музея, а также коллекцией находок, хранящейся в том же музее.

На сегодняшний день можно выделить два основных центра, в которых сосредоточено научное наследие М.П. Грязнова – Санкт-Петербург и Омск. В данных учреждениях нами был обработан большой массив данных, относящихся непосредственно к теме нашего диссертационного исследования.

Необходимо указать, что эти центры не только хранят научное наследие М.П. Грязнова, но и являются площадками для проведения конференций, посвященных ученому. Так, на базе ИИМК РАН каждые десять лет проводятся крупные международные конференции, приуроченные к круглым датам со дня рождения М.П. Грязнова. С другой периодичностью на базе ОмГУ проводятся «Исторические чтения» памяти М.П. Грязнова. Стоит отметить, что география ученых на указанных конференциях постоянно расширяется, как растет и число участников. Так, конференция 2022 г., организованная Институтом истории материальной культуры РАН и Государственным Эрмитажем, объединила более двухсот ученых из 14 стран.

В последние годы архив М.П. Грязнова стал пополняться новыми материалами, которым еще предстоит обработка и осмысление, что, безусловно, позволит создать более полную картину научных изысканий ученого. Кроме того, происходит постоянное уточнение ранее неизвестных сведений из биографии ученого, которые в настоящее время находятся в разрозненных публикациях, поэтому требуется их дальнейшая систематизация и качественная монографическая публикация.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**Коллекции****Государственный Эрмитаж**

1. ГЭ, оф. кол. № 4400 – сс. Солдатово, Чеканиха и Усть-Чарышское, раск. М.П. Грязнова.
2. ГЭ, оф. кол. № 4401 – д. Клепиково, раск. М.П. Грязнова.
3. ГЭ, оф. кол. № 4402 – с. Енисейское, раск. М.П. Грязнова.
4. ГЭ, оф. кол. № 4415 – Ближние Елбаны, стоянка I, раск. М.П. Грязнова.
5. ГЭ, оф. кол. № 4416 – Ближние Елбаны, стоянка II, раск. М.П. Грязнова.
6. ГЭ, оф. кол. № 4417 – д. Камышенка, раск. М.П. Грязнова.
7. ГЭ, оф. кол. № 1618 – поселение Ближние Елбаны II, раск. М.П. Грязнова.
8. ГЭ, оф. кол. № 1619 – могильник Ближние Елбаны III, раск. М.П. Грязнова.
9. ГЭ, оф. кол. № 1620 – могильник и поселение Ближние Елбаны IV, раск. М.П. Грязнова.
10. ГЭ, оф. кол. № 1621 – могильник Ближние Елбаны V, раск. М.П. Грязнова.
11. ГЭ, оф. кол. № 1622 – могильник Ближние Елбаны VI, раск. М.П. Грязнова.
12. ГЭ, оф. кол. № 1623 – могильник Ближние Елбаны VII, раск. М.П. Грязнова.
13. ГЭ, оф. кол. № 1624-1632 – Ближние Елбаны, раск. М.П. Грязнова.
14. ГЭ, оф. кол. № 1633-1636 – Дальние Елбаны, раск. М.П. Грязнова.

15. ГЭ, оф. кол. № 1637-1638 – Круглое озеро, раск. М.П. Грязнова.

Российский этнографический музей. Фонд отдела Сибири и Дальнего Востока/2

16. РЭМ. Фонд отдела Сибири и Дальнего Востока/2. Коллекция № 1127. Шибе. Остатки археологических куч.

17. РЭМ. Фонд отдела Сибири и Дальнего Востока/2. Коллекция № 4615. «Ближние Елбаны». Ст. I, с. Большереченское, Алтайская губ. Подъемный материал. М.П. Грязнов, 1925 г.

18. РЭМ. Фонд отдела Сибири и Дальнего Востока/2. Коллекция № 4616. Алтай, «Большие Елбаны», с. Большереченское, Барнаульский округ, П. М.П. Грязнов, 1925 г.

Новосибирский государственный краеведческий музей

19. НГКМ. оф. кол. № 9563, раск. М.П. Грязнова.

Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина

20. Коллекция Гуляева Н.С. 1912 г. 492/222.

Бийский краеведческий музей им. В.В. Бианки

21. БКМ, оф. кол. № 22 – Бийск, раск. М.П. Грязнова.
22. БКМ, оф. кол. № 33 – Бийск, раск. М.П. Грязнова.

Источники

1. Отчет о проведении аварийно-спасательных работ на разрушающихся памятниках археологии (поселение «Чудацкая гора») за 2007 г. (личный архив Н. Ю. Кунгуровой).

**Научный архив Института истории материальной культуры РАН.
Рукописный отдел (НА ИИМК РАН. РО)**

2. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Д. 127. На 6 л.
3. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 42. Д. 348. Материалы об организации Алтайской экспедиции Русского музея. На 13 л.
4. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 53. «Эпоха бронзы в районе Верхней Оби». Статья. Автограф, машинопись (черновик с правкой автора) — 2 варианта. На 138 л.
5. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 54. «Отчет об археологических раскопках Верхнеобской экспедиции 1949 г. в урочище Ближние Елбаны». Автограф (черновик с правкой автора). На 55 л.
6. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 86. «Поздний неолит и вопрос о возникновении скотоводства». Статья. Машинопись (черновик с правкой автора). На 19 л.
7. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп.1. Д. 89. «Пазырык. Раскопки Русского музея на Алтае». Статья. Автограф (черновик с правкой автора). Приложение: полевые чертежи, карта региона на кальке, полевые дневники М. П. Грязнова 1929 г. На 29 л.
8. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп.1. Д. 90. «Пазырык. Замерзший курган на Алтае». Монография. Автограф (черновик с правкой автора), машинопись. Приложение: рисунки, таблицы и пояснения к ним. На 198 л.
9. НА ИИМК РАН. РО. Ф.91. Оп. 1. Д. 93. «Пазырыкский курган: (Археологические раскопки на Алтае в 1929 г.)». Сообщение. Автограф (черновик с правкой автора). Примечание: на документе помета — «Для Парижской выставки 23 апреля 1937. На 23 л.
10. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 96. «Замерзшие погребения скифской эпохи на Алтае». Статья. Машинопись (черновик с правкой автора). Приложение: записка И. А. Лурье в Отдел доклассового общества Эрмитажа. На 8 л.
11. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 99. «Пазырык. Погребение племенного вождя на Алтае». Тезисы докторской диссертации. Автограф. Приложение: резюме тезисов диссертации и список ил. на англ. языке.

Примечание: защита докторской диссертации состоялась 3 июля 1945 г. На 207 л.

12. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 115. «Первые кочевники Алтая по раскопкам кургана Шибэ». ТД на заседании 5-го Разряда ГАИМК. Автограф (черновик с правкой автора). Примечание: на документе помета «11.III.1930» На 16 л.

13. НА ИИМК РАН. РО. Ф.91. Оп. 1. Д. 116. «Техника кочевого скотоводства»: Гл. IV очерков «Возникновение кочевого скотоводства». Автограф (черновик с правкой автора). Приложение: краткие тезисы коллективной работы с указанием авторов разделов, план программы краеведческого изучения кочевнического скотоводства. На 169 л.

14. НА ИИМК РАН. РО. Ф.91. Оп. 1. Д. 117. «План программы краеведческого изучения кочевнического скотоводства». Машинопись (черновик с правкой автора). Примечание: на документе помета «7.II.1931 г.». На 4 л.

15. НА ИИМК. РО. Ф.91. Оп. 1. Д. 125. 1. «Культура и искусство ранних кочевников Алтая (VII в. до н.э.— I в. н. э.)». 2. «Сложение кочевой культуры у древних племен Алтая (VII в. до н. э. — I в. н. э.)». Очерки к главе 3 в книге «Очерки по истории тюркских племен и народов Алтая» (отв. ред. Бернштам А. Н.). Автограф (черновик с правкой автора), машинопись. Приложение: план темы «Очерки по истории тюркских племен и народов Алтая». На 217 л.

16. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп.1. Д. 168. «Случай археологических раскопок в условиях вечной мерзлоты (методика раскопок в мерзлоте)». Статья. Автограф, машинопись (черновики с правкой автора). На 81 л.

17. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 184. Ранние кочевники Алтая и Сибири. Конспекты лекций. Автограф (черновики с правкой автора). На 24 л.

18. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 192. А. В. Адрианов, М. П. Грязнов, С. В. Киселев, А. Г. Кузнецов, Л. П. Потапов, В. В. Радлов, С. И.

Руденко, Г. П. Сергеев, Г. П. Сосновский. Памятники: Онгудай, Арагол, Туэкта, Усть-Куюм, Курота II, с. Улаган. На 100 л.

19. НА ИИМК РАН. Ф. 91. Оп. 2. Д. 20. Уведомление Правления «Общества изучения Сибири и ее производительных сил» об избрании М. П. Грязнова действительным членом Общества, членский билет. Подлинники. Приложение: Устав Общества. Типогр. экз. На 10 л.

20. НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 3. Д. 162. Письма Руденко Сергея Ивановича, археолога, этнографа, антрополога. Из Ленинграда в Москву. На 2 л.

Научно-отраслевой архив Института археологии РАН

21. НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 83. Отчет об археологических раскопках и разведках в районе Верхней Оби, произведенных в 1946 г. Алтайской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа и ИИМК АН СССР. На 49 л.

22. НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 261. Отчет М.П. Грязнова о раскопках Алтайской экспедиции в 1947 г. На 129 л.

23. НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 728. Отчет об археологических работах Новосибирской экспедиции Института истории материальной культуры Академии наук СССР за 1952 г. На 68 л.

24. НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 920. Отчет Новосибирской экспедиции об археологических работах в 1953 г. в зоне затопления Новосибирской ГЭС. На 69 л.

25. НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1059. Отчет Новосибирской экспедиции об археологических работах в 1954 г. в зоне затопления Новосибирской ГЭС. На 60 л.

Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им Ф.М. Достоевского. Личный архив

23. МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф. III. Д. 7. Алтай. Майэмир-Пазырык. На 80 с.

24. МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф. III. Д. 9. Алтай. На 94 л.

25. МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф. III. Д. 10. Верхняя Обь. На 30 л.
26. МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф. III. Д. 11. Верхняя Обь. Бронза. На 147 л.
27. МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф. III. Д. 12. Верхняя Обь. Случайные находки. На 25 л.
28. МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф. III. Д. 16. Обь Новосибирская. На 72 л.
29. МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф. III. Д. 37. [Б.н.] На 156 л.
30. МАЭ ОмГУ. ЛА. Ф. III. Д. 42. [Б.н.] На 104 л.

Новосибирский государственный краеведческий музей

31. НГКМ. ОФ-22450/44. Отчет археологический Грязнова М.П. о работе Новосибирской экспедиции в 1952 г. на месте будущего затопления Новосибирской ГЭС.
32. НГКМ. ОФ-22450/45. Альбом фотографий и чертежей к отчету Грязнова М.П. о работе Новосибирской экспедиции за 1953 г.
33. НГКМ. ОФ-22450/46. Отчет археологический Грязнова М.П., начальника Новосибирской экспедиции об археологических работах в 1954 г. в зоне затопления Новосибирской ГЭС.

Бийский краеведческий музей им. В.В. Бианки

34. БКМ им. В.В. Бианки. Ф. 2. Д. 3.

Государственный архив Алтайского края

35. Р1820. Уманский А.П. Документы археологической экспедиции на Ближних Елбанах Усть-Пристанского района (дневниковые записи, зарисовки находок, планы могил и другие). Рукопись. На 107 л.
36. Р1820. Уманский А.П. Доклад-отчет о работе учебно-археологической экспедиции БГПИ в составе Алтайской археологической экспедиции профессора М.П. Грязнова. Рукопись. На 35 л.

Периодические издания

1. Ойротский край. 1927. № 36, 14 мая.

Литература

1. Абдулганеев, М.Т. Поселение Чудацкая гора / М.Т. Абдулганеев, А.А. Казаков // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье / отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1994. – С. 111–115.
2. Аванесова, Н.А. Памяти М.П. Грязнова / Н.А. Аванесова, Л.Р. Кызласов // Советская археология. – 1985. – № 4. – С. 277–283.
3. Авдусин, Д.А. Археология СССР / Д.А. Авдусин. – М.: Высшая школа, 1977. – 272 с.
4. Автушкова, А.Л. Еще раз об экспедиции М.П. Грязнова в зоне будущего затопления Новосибирской ГЭС / А.Л. Автушкова // VII Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. – С. 22-24.
5. Адамов, А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. / А.А. Адамов. – Тобольск; Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. – 256 с.
6. Артамонов, М.И. Возникновение кочевого скотоводства / М.И. Артамонов // Проблемы археологии и этнографии. – 1977. – Вып. I. – С. 4–13.
7. Баркова, Л.Л. Курган Шибе и вопросы его датировки / Л.Л. Баркова // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – 1978. – Вып. – 19. – С. 37–44.
8. Баркова, Л.Л. Курган Шибе. Предметы материальной культуры из погребальной камеры / Л.Л. Баркова // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – 1980. – Вып. 21. – С. 48–58.
9. Баркова, Л.Л. Погребение коней в кургане Шибе / Л.Л. Баркова // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – 1979. – Вып. 20. – С. 55–65.

10. Бедельбаева, М.В. «Ранние кочевники» М.П. Грязнова: проблема терминологии или терминология проблемы? / М.В. Бедельбаева // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: мат. междунауч. конф. / ред. В.А. Алекшин, Е.В. Бобровская, Г.В. Длужневская и др. – СПб: Периферия, 2012. – Кн. 1. – С. 41–47.
11. Бобров, В.В. Проблема социальных реконструкций в научном наследии М.П. Грязнова / В.В. Бобров // Четвертые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: материалы науч. конф. / отв. ред. В.И. Матющенко. – Омск: ОмГУ, 1997. – С. 7-9.
12. Вадецкая, Э.Б. Свод памятников афанасьевской культуры / Э.Б. Вадецкая, А.В. Поляков, Н.Ф. Степанова. – Барнаул: Азбука, 2014. – 380 с.
13. Вайнштейн, С. И. Проблема происхождения и формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии / С.И. Вайнштейн // Доклады Советской делегации IX Междунар. конгресс антропол. и этногр. наук. – М.: Наука, 1973. – 12 с.
14. Вайнштейн, С.И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии / С.И. Вайнштейн // Советская этнография. – 1976. – № 4. – С. 42–62.
15. Васютин, С.А. Проблемы социальной и потестарной организации ранних кочевников в трудах Михаила Петровича Грязнова / С.А. Васютин // Степи Евразии в древности и средневековье: Мат. междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова / отв. науч. ред. Ю.Ю. Пиотровский. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. – Кн. I. – С. 31.
16. Гаврилова, А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен / А.А. Гаврилова. – М.; Л.: Наука, 1965. – 144 с.
17. Генинг, В.Ф. Очерки по истории советской археологии. (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е — первая половина 30-х гг.) / В.Ф. Генинг. – Киев: Наукова думка, 1982. – 228 с.

18. Горбунов, В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие) / В.В. Горбунов. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – 232 с.
19. Горбунов, В.В. Курганы сrostкинской культуры на Приобском плато / В.В. Горбунов, А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. – 320 с.
20. Горбунов, В.В. Сrostкинская археологическая культура: итоги и перспективы изучения / В.В. Горбунов // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Мат. междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П. Грязнова. – СПб.: Периферия, 2012. – Кн.2. – С. 549–554.
21. Грач, А.Д. Древние кочевники в центре Азии / А.Д. Грач. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
22. Грязнов, М.П. Алтай и приалтайская степь / М.П. Грязнов // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / отв. ред. М.Г. Мошкова. – М.: Наука, 1992. – С. 161–178.
23. Грязнов, М.П. Антропоморфная фигурка бронзового века с реки Оби / М.П. Грязнов // Сообщения Государственного Эрмитажа. – 1962. – Вып. XXII. – С. 26–27.
24. Грязнов, М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени / М.П. Грязнов. – Л.: Наука, 1980. – 62 с.
25. Грязнов, М.П. Археологическая карта побережья Новосибирского водохранилища / М.П. Грязнов, Т.Н. Троицкая, А.П. Уманский и др. // Вопросы археологии Сибири. – 1973. – Вып. 85. – С. 3–43.
26. Грязнов, М.П. Археологические исследования на Оби в ложе водохранилища Новосибирской ГЭС / М.П. Грязнов // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока : Тез. докл. и сообщ. – Иркутск: [Б.и.], 1960. – С. 22–24.
27. Грязнов, М.П. Археологическое исследование территории одного древнего поселка (Раскопки Северо-Алтайской экспедиции в 1949 г.) /

- М.П. Грязнов // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 1951. – Вып. XL. – С. 105–113.
28. Грязнов, М.П. Доисторическое прошлое Алтая. (Работа Алтайской экспедиции Госуд. Русского Музея в 1924/25 гг.) / М.П. Грязнов // Природа. – 1926. – №9–10. – С. 97–98.
29. Грязнов, М.П. Древние культуры Алтая / М.П. Грязнов // Материалы по изучению Сибири. – Новосибирск: Общество изучения Сибири, 1930. – Вып. 2. – 12 с.
30. Грязнов, М.П. Из далекого прошлого Алтайского края (по работам Алтайской археологической экспедиции Института материальной культуры им. Н.Я. Марра Академии наук СССР и Ленинградского государственного Эрмитажа 1946–1949 гг.) / М.П. Грязнов. – Барнаул: Алтайская правда, 1950. – 20 с.
31. Грязнов, М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка / М.П. Грязнов. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – 160 с.
32. Грязнов, М.П. К вопросу о культурах поздней бронзы в Сибири / М.П. Грязнов // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 1956. – Вып. 64. – С. 27–42.
33. Грязнов, М.П. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан / М.П. Грязнов // Краткие сообщения института археологии. Ранние кочевники. – 1978. – Вып. 154. – С. 9–19.
34. Грязнов, М.П. Классификация, тип, культура / М.П. Грязнов // Теоретические основы советской археологии (тезисы докладов на теоретическом семинаре ЛОИА АН СССР. I–IV 1970 г.). – Л.: Академия Наук СССР, 1969. – С. 18–22.
35. Грязнов, М.П. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири / М.П. Грязнов // Краткие сообщения института этнографии. – 1955. – Вып. 24. – С. 19–29.

36. Грязнов, М.П. Некоторые вопросы хронологии ранних кочевников в связи с материалами кургана Аржан / М.П. Грязнов // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана: краткие тезисы докладов на конф. – Л.: Академия Наук СССР, 1975. С. 6–10.
37. Грязнов, М.П. Некоторые итоги трехлетних археологических работ на Верхней Оби / М.П. Грязнов // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 1952. – Вып. 48. – С. 93–102.
38. Грязнов, М.П. Пазырык. Разговор, услышанный 20 лет спустя (магнитофонная запись рассказа Михаила Петровича Грязнова и Марии Николаевны Комаровой от 12 марта 1982 г.) / М.П. Грязнов, М.Н. Комарова // Степи Евразии в древности и средневековье: мат. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова / отв. науч. ред. Ю.Ю. Пиотровский. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. – Кн. I. – С. 91–96.
39. Грязнов, М.П. Пазырыкский курган / М.П. Грязнов. – М.; Л.: Академия наук СССР, Гос. Эрмитаж, 1937. – 44 с.
40. Грязнов, М.П. Пазырыкское княжеское погребение на Алтае / М.П. Грязнов // Природа. – 1929. – № 11. – С. 973–984.
41. Грязнов, М.П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае / М.П. Грязнов // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 1947. – Вып. 18. – С. 9–17.
42. Грязнов, М.П. Первый Пазырыкский курган / М.П. Грязнов. – Л.: Гос. Эрмитаж, 1950. – 92 с.
43. Грязнов, М.П. Работы Алтайской экспедиции / М.П. Грязнов // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 1947. – Вып. 21. – С. 77–78.
44. Грязнов, М.П. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана / М.П. Грязнов // История СССР с древнейших времен до образования

- древнерусского государства (макет издания АН СССР). – М; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1939. – С. 399–413.
45. Грязнов, М.П. Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах / М.П. Грязнов // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. – 1949. – Вып. 26. – С. 110–119.
46. Грязнов, М.П. Раскопки княжеской могилы на Алтае / М.П. Грязнов // Человек. – 1928. – № 2-4. – С. 217–219.
47. Грязнов, М.П. Раскопки на Алтае / М.П. Грязнов // Сообщения Государственного Эрмитажа. – 1940. – Вып. I. – С. 17–21.
48. Грязнов, М.П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников / М.П. Грязнов // Краткие сообщения Института археологии. – 1956. – Вып. 61. – С. 8–16.
49. Грязнов, М.П. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы / М.П. Грязнов // Краткие сообщения института этнографии. – 1957. – Вып. 26. – С. 21–28.
50. Дашковский, П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии / П.К. Дашковский. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. – 224 с.
51. Демин, М.А. Алексей Павлович Уманский: путь в науку / М.А. Демин. – Барнаул: АлтГПУ, 2018. – 404 с.
52. Демин, М.А. Первооткрыватели древностей / М.А. Демин. – Барнаул: Алт. кн. изд-во. 1989. – 120 с.
53. Есин, В.Я. Разведочные работы на берегах Обского моря / В.Я. Есин // Вопросы археологии Сибири. – 1972. – Вып. 38. – С. 72–78.
54. Жук, А.В. Дебют ИКСа / А.В. Жук // Третьи исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова / отв. ред. В.И. Матющенко. – Омск: ОмГУ, 1995. – Ч. II. – С. 53–56.
55. Жук, А.В. Материалы к биографии М.П. Грязнова. Отец Михаила Петровича – Петр Никандрович Грязнов (1865-1914) / А.В. Жук // Сибирские

- древности: Памятники археологии и худож. творчество: Матер. осен. коллоквиума. – Омск: [Б. и.], 2002. – С. 10–18.
56. Жук, А.В. Палеоэтнологи Санкт-Петербурга – Петрограда: Из предыстории становления М.П. Грязнова / А.В. Жук // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова / отв. ред. В.И. Матющенко. – Омск: ОмГУ, 1987. – Ч. 1. – С. 18–21.
57. Завитухина, М.П. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска / М.П. Завитухина // Археологический сборник. Вып. 3: Эпоха бронзы и раннего железа Сибири и Средней Азии. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. – С. 89–108.
58. Завитухина, М.П. Второй Бийский могильник / М.П. Завитухина // Сообщения Государственного Эрмитажа. – 1962. – Вып. XXII. – С. 28–30.
59. Завитухина, М.П. Ордынские курганы V-IV вв. до н.э. (о культуре скифского времени в новосибирской лесостепи) / М.П. Завитухина // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – 1968. – Вып. 10. – С. 28–34.
60. Илюшин, А.М. К дискуссии вокруг понятия «Сросткинская культура» / А.М. Илюшин // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 2002. – № 8. – С. 88–94.
61. История Алтая: в 3-х т. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье / под общ. ред. А.А. Тишкина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та; Белгород: Константа, 2019. – 392 с.
62. История Сибири: в 4 томах. Т. 2: Железный век и Средневековье / отв. ред. В.И. Молодин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – 643 с.
63. Казаневская, В.В. Философско-методологические основания системного подхода / В.В. Казаневская. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. – 232 с.
64. Кирюшин, Ю.Ф. Андроновская культура на Алтае (по материалам погребальных комплексов) / Ю.Ф. Кирюшин, Д.В. Папин, О.А. Федорук. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. – 108 с.
65. Кирюшин, Ю.Ф. Археологическое изучение Павловского района / Ю.Ф. Кирюшин, Я.В. Фролов, А.Б. Шамшин // Павловский район: Очерки

- истории и культуры / науч. ред. Т.К. Щеглова. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2000. – С. 17-20.
66. Кирюшин, Ю.Ф. Материалы эпохи ранней бронзы, полученные М.П. Грязновым с памятника Чудацкая гора в Верхнем Приобье / Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин, С.П. Грушин // Степи Евразии в древности и средневековье: Мат. научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова / отв. науч. ред. Ю.Ю. Пиотровский. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. – Кн. I. – С. 153-155.
67. Кирюшин, Ю.Ф. Памятники эпохи энеолита, ранней и развитой бронзы на территории Павловского района / Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин, С.П. Грушин // Павловский район: Очерки истории и культуры / науч. ред. Т.К. Щеглова. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2000. – С. 23–26.
68. Кирюшин, Ю.Ф. Погребение с Чудацкой горы (раскопки М.П. Грязнова, 1927 г.) / Ю.Ф. Кирюшин, С.П. Грушин, А.В. Шмидт // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края / отв. ред. Л.А. Никитина, В.П. Семибратов. – Барнаул: НПЦ «Наследие», 2009. – Вып. XVII. – С. 251–254.
69. Кирюшин, Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири / Ю.Ф. Кирюшин. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 294 с.
70. Киселев, С.В. Древняя история Южной Сибири / С.В. Киселев. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. – 364 с. – (МИА. №9).
71. Киселев, С.В. Древняя история Южной Сибири / С.В. Киселев. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 644 с.
72. Киселев, С.В. Тагарская культура / С.В. Киселев // Труды секции археологии. – М.: РАНИОН, 1928. – Т. IV: В. А. Городцову к сорокалетнему юбилею научной деятельности. – С. 257–267.
73. Китова, Л.Ю. Забытые архивные материалы о жизни и деятельности М.П. Грязнова / Л.Ю. Китова // VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова / отв. ред. О.С. Шерстобитова. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2008. – С. 15–18.

74. Китова, Л.Ю. История сибирской археологии (1920 – 1930-е годы) / Л.Ю. Китова. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭСО РАН, 2007. – 272 с.
75. Китова, Л.Ю. Концепции и направления археологических исследований в Сибири конца XIX – середины XX вв.: автореф. дис. ... док. ист. наук / Л.Ю. Китова. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2011. – 52 с.
76. Китова, Л.Ю. Методологические проблемы археологии и понятие «археологическая культура» в трудах исследователей Сибири 1920 – 1960-х гг. (часть 2) / Л.Ю. Китова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – №1 (61). – С. 38–45.
77. Китова, Л.Ю. Сергей Александрович Теплоухов / Л.Ю. Китова // Российская археология. – 2010. – № 2. – С. 166–173.
78. Клейн, Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2. Археологи советской эпохи / Л.С. Клейн. – СПб.: Евразия, 2014. – 640 с.
79. Кляшторный, С.Г. Степные империи древней Евразии / С.Г. Кляшторный, Д.Г. Савинов. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 346 с.
80. Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования. Отделение историко-филологических наук / И.Д. Ковальченко. – М.: Наука, 2003. – 486 с.
81. Косарев, М.Ф. Экологические аспекты археологического исследования (по западносибирским материалам) / М.Ф. Косарев // Палеоэкономика Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 3–17.
82. Кошелева, Е.А. М.П. Грязнов в Вятском краевом музее / Е.А. Кошелева // Степи Евразии в древности и средневековье : Мат. научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова / отв. науч. ред. Ю.Ю. Пиотровский. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – Кн. II. – С. 7–10.
83. Лебедев, Г.С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. / Г.С. Лебедев. – СПб: Изд-во СПбГУ, 1992. – 464 с.
84. Марсадолов, Л.С. Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талда) / Л.С. Марсадолов – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1997. – 56 с. (Саяно-Алтайская археологическая экспедиция Гос. Эрмитажа. Вып. 1).

85. Марсадолов, Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII-IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века) / Л.С. Марсадолов. – СПб: РАН, 1996. – 100 с.
86. Массон, В.М. О трех эпохах в древней истории евразийских степей / В.М. Массон // Степи Евразии в древности и средневековье : Мат. научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова / отв. науч. ред. Ю.Ю. Пиотровский. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. – Кн. I. – С. 54–56.
87. Матющенко, В.И. 300 лет истории сибирской археологии / В.И. Матющенко. – Омск: ОмГУ, 2001. – Т. I–II. – 179+173 с.
88. Матющенко, В.И. М.П. Грязнов – историк / В.И. Матющенко // Историк об истории / отв. ред. В.П. Корзун. – Омск: ОмГУ, 1989. – С. 26–31.
89. Матющенко, В.И. Михаил Петрович Грязнов и его место в советской археологии / В.И. Матющенко // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Тез. докл. / редкол.: Э. Б. Вадецкая и др. – Омск: ОмГУ, 1987. – Ч. 1. – С. 6–9.
90. Матющенко, В.И. Михаил Петрович Грязнов: Истоки научной школы / В.И. Матющенко, Н.П. Швыдка // История археологических исследований Сибири / отв. ред. В.И. Матющенко. – Омск: ОмГУ, 1990. – С. 77–90.
91. Миллер, А.А. Археологические разведки / А.А. Миллер // Известия Государственной академии истории материальной культуры. – Л.: Соцэкгиз, 1934. – Вып. 83. – 218 с.
92. Миллер, М.А. Археология в СССР. Серия 1: Исследования и материалы / М.А. Миллер // Институт по изучению истории и культуры СССР. Исследования и материалы. – Мюнхен: [Б. и.], 1954. – Вып. 12. – 155 с.
93. Михаил Петрович Грязнов: исследователь древних культур Сибири и Центральной Азии. Архивные материалы и список научных работ / сост.: Е.В. Бобровская, Р. В. Васильева, Л. М. Всевинов и др.; отв. ред. Д.Г. Савинов. – СПб.: ЭлекСис, 2012. – 80 с.

94. Могильников, В.А. Кимаки. – Сросткинская культура. – Карлуки / В.А. Могильников // Степи Евразии в эпоху Средневековья. Серия: Археология СССР / гл. ред. Б.А. Рыбаков. – М.: Наука, 1981. – С. 43–52.
95. Могильников, В.А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке / В.А. Могильников // Материалы по археологии Горного Алтая / отв. ред. А.С. Суразаков. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1986. – С. 35–67.
96. Молодин, В.И. Очерки истории сибирской археологии / В.И. Молодин. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015. – 312 с.
97. Момот, Б.П. Два новых памятника эпохи поздней бронзы на берегу Новосибирского водохранилища / Б.П. Момот, Э.Д. Бергман // Вопросы археологии Сибири. – 1973. – Вып. 85. – С. 114–117.
98. Неверов, С.В. Курганный могильник сросткинской культуры Шадринцево-1 / С.В. Неверов, В.В. Горбунов // Археология, антропология и этнография Сибири / отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1996. – С. 163–192.
99. Неверов, С.В. Хронология и периодизация сросткинской культуры / С.В. Неверов // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: тез. докл. к всесоюз. науч. конф. / отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. – Барнаул: [Б.и.], 1991. – С. 180–182.
100. Паршикова, Т.С. Результаты изучения археологических памятников Алтая: дис. ... канд. ист. наук / Т.С. Паршикова. Барнаул: Алт. гос. университет, 2016. – 264 с.
101. Платонова, Н.И. История археологической мысли в России (последняя треть XIX – первая треть XX вв.): автореф. дис. ... докт. ист. наук / Н.И. Платонова. – СПб.: ИИМК РАН, 2008. – 51 с.
102. Плетнева, Л.М. Большереченская культура / Л.М. Плетнева // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: Матер. к энциклопедии Томской области. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 34–36.

103. Потапов, Л.П. Очерки по истории алтайцев / Л.П. Потапов. – Новосибирск: ОГИЗ, 1948. – 506 с.
104. Пряхин, А.Д. История советской археологии (1917 – середина 30-х гг.) / А.Д. Пряхин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1986. – 284 с.
105. Пшеницына, М.Н. Вклад Михаила Петровича Грязнова в мировую археологическую науку / М.Н. Пшеницына, Н.А. Боковенко // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: мат. межд. науч. конф. / ред. В. А. Алекшин, Е. В. Бобровская, Г. В. Длужневская и др. – СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012. – Кн. 1. – С. 11–25.
106. Пшеницына, М.Н. Основные этапы жизни и творчества Михаила Петровича Грязнова (1902–1984) / М.Н. Пшеницына, Н.А. Боковенко // Степи Евразии в древности и средневековье: мат. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова / отв. науч. ред. Ю.Ю. Пиотровский. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. – Кн. I. – С. 19–24.
107. Раиткина, Ю.Ю. Роль Н. Л. Членовой в изучении памятников эпохи поздней бронзы юга Западной Сибири / Ю.Ю. Раиткина // Известия Алтайского госуниверситета. – 2014. – № 4 (84). – С. 178–181.
108. Раковская, Э.М. Физическая география России / Э.М. Раковская, М.И. Давыдова. – М.: Владос, 2001. – Ч. 2. – 304 с.
109. Руденко, С.И. «Скифское» погребение Восточного Алтая / С.И. Руденко // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. – 1931. – № 2. – С. 25–31.
110. Руденко, С.И. Горноалтайские находки и скифы / С.И. Руденко. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. – 268 с.
111. Руденко, С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время / С.И. Руденко. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. – 402 с.
112. Руденко, С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время / С.И. Руденко. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 360 с.
113. Руденко, С.И. Погребение человека каменного века в Восточном Алтае / С.И. Руденко // Природа. – 1926. – № 5-6. – С. 108–109.

114. Савинов, Д.Г. Возможности синхронизации письменных и археологических дат в изучении культуры Южной Сибири скифо-сарматского времени / Д.Г. Савинов // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тез. докл. к всесоюз. науч. конф. / отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. – Барнаул: [Б.и.], 1991. – С. 93–96.
115. Савинов, Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху / Д.Г. Савинов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 174 с.
116. Савинов, Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея / Д.Г. Савинов // Археологические культуры и культурогенез. – СПб: СПбГУ. 2002. – 204 с.
117. Савинов, Д.Г. Система хронологии сибирских древностей в трудах М.П. Грязнова / Д.Г. Савинов // Степи Евразии в древности и средневековье: мат. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова / отв. науч. ред. Ю.Ю. Пиотровский. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. – Кн. I. – С. 74–78.
118. Свешников, А.В. Группа архаического земледелия: забытая страница истории советской науки 1930-х годов / А.В. Свешников, О.С. Свешникова // Диалог со временем. – 2009. – Вып. 30. – С. 236–256.
119. Свешникова, О.С. Забытая работа группы ИКС / О.С. Свешникова // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова / отв. ред. В.И. Матющенко. – Омск, ОмГУ, 2004. – С. 20–23.
120. Севастьянова, Э.А. Разведки в Новосибирской области / Э.А. Севастьянова, Е.А. Сидоров, Л.М. Антонова // Археологические открытия 1972 года / отв. ред. Б.А. Рыбаков. – М.: Наука, 1973. – С. 237–238.
121. Степанова, Н.Ф. Арагольский и улитинский типы погребений эпохи бронзы (Горный Алтай) / Н.Ф. Степанова // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы / отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. – Барнаул: Слово, 2010. – 160 с.
122. Стяжкина, О.В. Первая культурно-хронологическая концепция древней и средневековой истории населения Верхнего Приобья (Россия) /

- О.В. Стяжкина // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – 2018. – Вып. XXIV. – С. 162–165.
123. Стяжкина, О.В. Экспедиция М.П. Грязнова на Алтай в 1939 г.: задачи и основные результаты / О.В. Стяжкина // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – 2019. – Вып. XXV. – С. 259–262.
124. Стяжкина, О.В. Личный архив М.П. Грязнова в Музее археологии и этнографии ОмГУ как источник для изучения его деятельности / О.В. Стяжкина // Актуальная археология 5: Матер. междунауч. конф. мол. ученых / отв. ред. К.В. Конончук. – СПб.: Изд-во ООО «Невская Типография», 2020. – С. 123–126.
125. Стяжкина, О.В. Открытие и история изучения Шибинского кургана / О.В. Стяжкина // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – 2020. – Вып. XXVI. – С. 165–169.
126. Стяжкина, О.В. Проблемы изучения и современное состояние памятника Чудацкая гора в устье Касмалы (Алтайский край) / О.В. Стяжкина // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2020. – Т. 7, № 1 (25). – С. 174–179.
127. Стяжкина, О.В. Первый Пазырыкский курган: история начального этапа изучения / О.В. Стяжкина // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. – 2021. – №3 (119). – С. 80–84.
128. Стяжкина, О.В. Концепция «ранних кочевников» в трудах М.П. Грязнова / О.В. Стяжкина // Новые материалы и методы археологического исследования. Материалы VI конференции молодых ученых / отв. ред. В.Е. Родинкова. – М.: ИА РАН, 2021. – С. 121–122.
129. Стяжкина, О.В. Письма М. П. Грязнову в Музее археологии и этнографии ОмГУ / О.В. Стяжкина // Актуальная археология 6: Матер. междунауч. конф. мол. ученых / отв. ред. К.В. Конончук. – СПб.: ИИМК РАН, 2022. – С. 334–337.

130. Стяжкина, О.В. Проблема возникновения кочевого скотоводства в работах М.П. Грязнова / О.В. Стяжкина // Теория и практика археологических исследований. – 2022. – Т. 34, № 4. – С. 252–261.
131. Стяжкина, О.В. Работа М. П. Грязнова в составе группы «История кочевого скотоводства» / О.В. Стяжкина // Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий): Мат. межд. науч. конф., посвященной 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии Михаила Петровича Грязнова (1902–1984) / отв. ред.: М.Т. Кашуба, Н.Ю. Смирнов, Е.О. Стоянов и др. – СПб.: ИИМК РАН, 2022. – С. 22–25.
132. Теплоухов, С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края / С.А. Теплоухов // Материалы по этнографии. – 1929. – Т. 4; Вып. 2. – С. 41–62.
133. Тишкин А. А. Археологические памятники у села Шибе в Центральном Алтае: история исследований / А. А. Тишкин, Ю. Т. Мамадаков, О. В. Стяжкина // Евразия в энеолите – раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий): Мат. межд. науч. конф., посвященной 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии Михаила Петровича Грязнова (1902–1984) / отв. ред.: М.Т. Кашуба, Н.Ю. Смирнов, Е.О. Стоянов и др. – СПб: ИИМК РАН, 2022. – С. 47–51.
134. Тишкин, А.А. Автобиографии М. П. Грязнова как отражение жизни и деятельности выдающегося исследователя / А. А. Тишкин // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: мат. межд. науч. конф. / ред. В.А. Алекшин, Е.В. Бобровская, Г.В. Длужневская и др. – СПб: Периферия, 2012. – Кн. 1. – С. 25–30.
135. Тишкин, А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников) / А.А. Тишкин. – Барнаул: Азбука, 2009. – 208 с.
136. Тишкин, А.А. Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная

- история): автореф. дис. ... док. ист. наук / А.А. Тишкин. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2006. – 54 с.
137. Тишкин, А.А. Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас / А.А. Тишкин, В.В. Горбунов, Т.Г. Горбунова. – Барнаул: ООО «Печатная компания АРТИКА», 2011. – 136 с.
138. Тишкин, А.А. Археологические разведочные работы М.П. Грязнова на территории Барнаульско-Бийского Приобья в 1920-е гг. / А.А. Тишкин, О.В. Стяжкина // Известия Алтайского государственного университета. – 2018. – №2 (100). – С. 188–193.
139. Тишкин, А.А. Годы репрессий в жизни С.И. Руденко / А.А. Тишкин, О.Г. Шмидт // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег / отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 21–30.
140. Тишкин, А.А. Лошади из курганов, раскопанных около г. Бийска в 1925 г. (Верхнее Приобье): историографический аспект и археозоологические определения / А.А. Тишкин, Н.А. Пластеева // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. – 2020. – №68. – С. 65–71.
141. Тишкин, А.А. Остеологические остатки лошадей, обнаруженные на Алтае при раскопках пазырыкских курганов на памятниках Катанда-II и Арагол (по материалам Зоологического института РАН) / А.А. Тишкин, Н.А. Пластеева, М.В. Саблин // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – 2021. – Вып. XXVII. – С. 316–321.
142. Тишкин, А.А. Раннетюркское погребение на могильнике Яконур (по материалам раскопок М.П. Грязнова) / А.А. Тишкин, В.В. Горбунов // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 2003. – №10. – С. 183–184.
143. Тишкин, А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая / А.А. Тишкин. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2007. – 356 с.

144. Тишкин, А.А. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи / А.А. Тишкин, П.К. Дашковский. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 430 с.
145. Тишкина, Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Т.В. Тишкина. – Барнаул: АлтГУ, 2009. – 24 с.
146. Тишкина, Т.В. Археологические исследования на Алтае (1860–1930-е гг.) / Т.В. Тишкина. – Барнаул: Азбука, 2010. – 288 с.
147. Тишкина, Т.В. Пополнение в 1920-е гг. археологических коллекций в музее Барнаула / Т.В. Тишкина // Известия Алтайского государственного университета. – 2014. – № 4-2. – С. 217–223.
148. Толпеко, И.В. Всероссийская научно-практическая конференция «IX исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова» / И.В. Толпеко // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2017. – №2 (14). – С. 127–133.
149. Троицкая, Т.Н. Большереченская культура лесостепного Приобья / Т.Н. Троицкая, А.П. Бородовский. – Новосибирск: Наука, 1994. – 183 с.
150. Троицкая, Т.Н. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье / Т.Н. Троицкая, А.В. Новиков. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. – 152 с.
151. Троицкая, Т.Н. К вопросу о сросткинской культуре / Т.Н. Троицкая // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 2002. – № 9. – С. 103–107.
152. Троицкая, Т.Н. Курганный могильник Ордынское – I / Т.Н. Троицкая // Вопросы археологии Сибири. – 1973. – Вып. 85. – С. 84–100.
153. Троицкая, Т.Н. Лесостепное Приобье в раннем железном веке: дис. ... д-ра ист. наук / Т.Н. Троицкая. – Новосибирск: Институт истории, филологии и философии СО РАН СССР, 1981. – 356 с.
154. Троицкая, Т.Н. Он был одним из первых археологов Новосибирского Приобья / Т.Н. Троицкая // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – Вып. 1(5). – С. 25–29.

155. Уманский, А.П. Археологические памятники Павловского района (материалы к археологической карте) / А.П. Уманский // Павловский район: Очерки истории и культуры / науч. ред. Т.К. Щеглова. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2000. – С. 5–12.
156. Федорук, А.С. Работы 2012, 2014, 2015 гг. по определению границ территорий археологического наследия / А.С. Федорук, Я.В. Фролов, А.А. Редников и др. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – 2016. – Вып. XXII. – С. 210–216.
157. Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 840 с.
158. Формозов, А.А. Очерки по истории русской археологии / А.А. Формозов. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 128 с.
159. Формозов, А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки / А.А. Формозов. – М.: Знак, 2006. – 344 с.
160. Фролов, Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. / Я.В. Фролов. – Барнаул: Азбука, 2008. – 479 с.
161. Хазанов, А.М. Социальная история скифов: Основные проблемы развития древних кочевников Евразийских степей / А.М. Хазанов. – М.: Наука, 1975. – 344 с.
162. Хлобыстина, М.Д. Древнейшие могильники Горного Алтая / М.Д. Хлобыстина // Советская археология. – 1975. – № 1. – С. 17–34.
163. Худяков, Ю.С. Вооружение древних тюрок Горного Алтая / Ю.С. Худяков // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах / отв. ред. А.С. Суразаков. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. – С. 3–27.
164. Худяков, Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху развитого средневековья / Ю.С. Худяков. – Новосибирск: Наука, 1991. – 336 с.

165. Черников, С.С. О термине «ранние кочевники» / С.С. Черников // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института археологии. – 1960. – Вып. 80. – С. 17-21.
166. Чиндина, Л.А. О некоторых хронологических особенностях среднеобской керамики в I тыс. н.э. / Л.А. Чиндина // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири / отв.ред. В.И. Матющенко. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1970. – С. 191-202.
167. Членова, Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи / Н.Л. Членова. – М.: Наука, 1972. – 248 с. (МИА. № 182).
168. Шамшин, А.Б. Этнокультурная ситуация на территории Барнаульского Приобья в конце III в до н. э. – I в. н. э. / АБ. Шамшин, А.Т. Сингаевский // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири / сост. В. И. Соенов. – Горно-Алтайск: Агентство по культурному-ист. наследию Респ. Алтай, 2007. – Вып. 5. – С. 51–79.
169. Шер, Я.А. М.П. Грязнов и некоторые вопросы археологии ранних кочевников / Я.А. Шер // Степи Евразии в древности и средневековье: мат. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова / отв. науч. ред. Ю.Ю. Пиотровский. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. – Кн. I. – С. 78–82.
170. Шер, Я.А. Я учился у М.П. Грязнова / Я.А. Шер // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова / отв. ред. В.И. Матющенко. – Омск: ОмГУ, 2000. – С. 132–141.
171. Ширин, Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. (погребальные памятники фоминской культуры) / Ю.В. Ширин. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. – 288 с.
172. Ширин, Ю.В. О ранних кулайских памятниках Верхнего Приобья / Ю.В. Ширин // Российская археология. – 2004. – № 2. – С. 51–60.
173. Шмидт, О.Г. Археологические исследования Сергея Ивановича Руденко / О.Г. Шмидт // Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея

Ивановича Руденко и деятельность его коллег / отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 61–84.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН – Академия наук

БГПИ – Барнаульский государственный педагогический институт

БЕ – Ближние Елбаны

БКМ – Бийский краеведческий музей

ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет

ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры

ГРМ – Государственный Русский музей

ГЭ – Государственный Эрмитаж

ГЭС – Гидроэлектростанция

Д. – дело

ИА – Институт археологии

ИАЭТ – Институт археологии и этнографии

ИИМК – Институт истории материальной культуры

ИКС – история кочевого скотоводства

КГКУ ГААК – Краевое государственное казенное учреждение
«Государственный архив Алтайского края»

КСИА – Краткие сообщения Институт археологии

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

Л. – лист

ЛГУ – Ленинградский государственный университет

ЛО – Ленинградское отделение

МАЭ – Музей археологии и этнографии

МГУ – Московский государственный университет

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НА – научный архив

НГКМ – Новосибирский государственный краеведческий музей

НГПИ – Новосибирский государственный педагогический институт

НПЦ – Научно-производственный центр

ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет

ОмГУ – Омский государственный университет

Оп. – опись

ОФ – основной фонд

РА – Российская археология

РАН – Российская академия наук

РО – рукописный отдел

РЭМ – Российский этнографический музей

СА – Советская археология

СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа

СО – Сибирское отделение

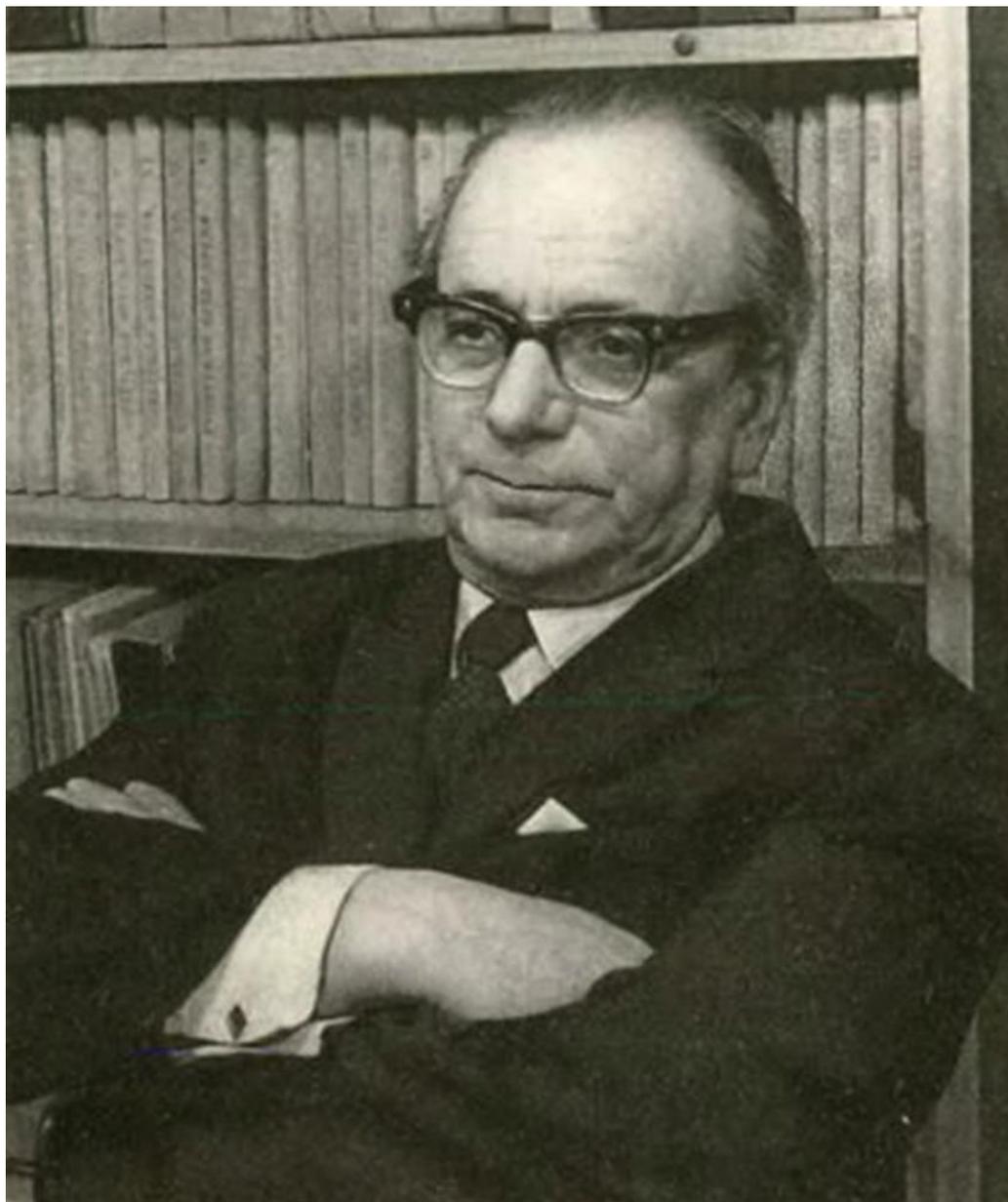
СЭ – Советская этнография

ТГУ – Томский государственный университет

Ф. – фонд

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1



Грязнов М.П. (1902–1984)

(по: Культуры степной Евразии..., 2012. Кн. I)

Приложение 2



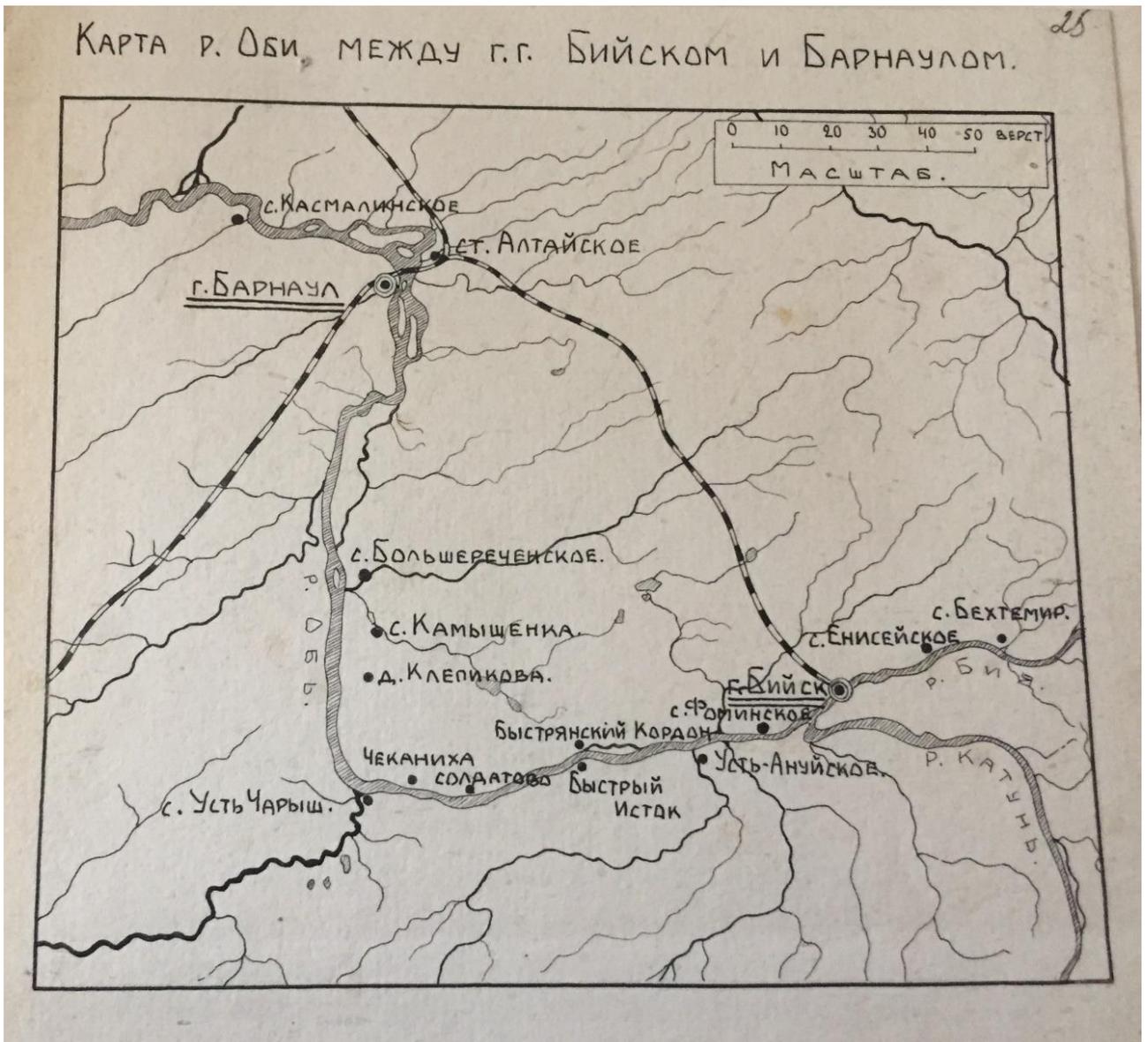
М.П. Грязнов (крайний справа) среди сотрудников антропологической экспедиции (1922 г.) (по: Культуры степной Евразии..., 2012. Кн. I)

Приложение 3



М.П. Грязнов и С.А. Теплоухов среди сотрудников Этнографического отдела
Русского музея (1922)

(по: Культуры степной Евразии..., 2012. Кн. I)



Карта р. Оби между Бийском и Барнаулом, составлена М.П. Грязновым
(МАЭ ОмГУ. Ф. III. Д. 12. Л. 25)

Приложение 6

Коллекция № 4617

Собрана по поручению Этнографического Отдела Государственного Русского Музея М.П. Грязновым в 1925 г.

Регистрировал М.П. Грязнов

Алтайская губерния, Бийский округ, д. Камышенка.

Черепки глиняных сосудов и каменные отщепы, собранные на поверхности дюн.

1) Дюнная стоянка на «Долгой Гриве». Материал собран на поверхности выдувов.

№ предмета в коллекции	Описание
4617-1	Отщепы каменные в виде широких пластинок неправильной формы. Длина 10-33 мм.
С 4617-2 по 4617-11	Черепки глиняных сосудов от венчика. Орнамент – оттиски гребенки и штрихи, заполняющие поверхность черепка и ряд выдавленных изнутри бугорков. Длина 25-45 мм.
4617-12	Черепок глиняного сосуда с частью плоского дна. Орнамент – оттиски гребенки, сплошь заполняющие поверхность черепка. Длина 60 мм.
4617-13	Черепки глиняного сосуда с прямыми стенками. Орнамент – горизонтальные ряды ямок, заполняющие поверхность сосуда. Длина 20-55 мм.
С 4617-14 по 4617-19	Черепки глиняных сосудов срединные. Орнамент – ряды ямок, заполняющие поверхность черепка. Длина 30-70 мм.
4617-20	Черепок глиняного сосуда от венчика. Орнамент – ряды оттисков лопаточки, заполняющие поверхность черепка. Длина 35 мм.
С 4617-21 по 4617-29	Черепки глиняных сосудов срединные. Орнамент – ряды оттисков лопаточки, заполняющие поверхность черепка. Длина 25-55 мм.
С 4617-30 по 4617-49	То же. Орнамент – ряды косых оттисков гребенки, образующие елочный орнамент. Длина 25-70 мм.
4617-50	То же. Орнамент – ряды косых линий, образующие елочный орнамент. Длина 40 мм.
С 4617-51 по 4617-55	То же. Орнамент – оттиски гребенки, заполняющие поверхность черепка. Длина 35-50 мм.
4617-56	То же. Орнамент – ряды параллельных линий, начерченных гребенкой. Длина 35 мм.
4617-57	То же. Орнамент – ряды параллельных мелковолнистых линий, начерченных гребенкой (ложноверевочный орнамент). Длина 40 мм.
С 4617-58 по 4617-82	Черепки глиняных сосудов от венчика. Орнамент – ряды горизонтальных линий и пояски из косых или пересекающихся линий, начерченных или оттиснутых гребенкой. Длина 20-70 мм.
С 4617-83 по 4617-153	То же. Орнамент – ряды выдавленных изнутри и чередующихся с ямками бугорков и ряды горизонтальных линий и косых или пересекающихся черточек, начерченных или оттянутых гребенкой. Длина 20-80 мм.

4617-154		То же. Орнамент – 2 ряда выдавленных изнутри и чередующихся с ямками бугорков и полоса орнамента, нанесенного гребенчатым штампом. Длина 45 мм.
С 4617-155 по 4617-160	по	То же. Орнамент – 2 ряда выдавленных изнутри и чередующихся с ямками бугорков. Длина 40-70 мм.
С 4617-161 по 4617-184	по	То же. Орнамент – ряд выдавленных изнутри и чередующихся с ямками бугорков. Длина 25-85 мм.
4617-185		То же. Орнамент – ряд выдавленных изнутри бугорков и штриховая сетка. Длина 45 мм.
4617-186		То же. Орнамент – ряд ямок и ряд выдавленных изнутри и чередующихся с ямками бугорков. Длина 45 мм.
4617-187		То же. Орнамент – 2 ряда круглых ямок, расположенных в шахматном порядке. Длина 35 мм.
4617-188		То же. Орнамент – ряд выдавленных изнутри и чередующихся с ямками бугорков. Длина 40 мм.
С 4617-189 по 4617-197	по	То же. Орнамент – ряд выдавленных изнутри бугорков. Длина 30-65 мм.
С 4617-198 по 4617-205	по	То же. Без орнамента. Длина 30-50 мм.
4617-206		То же. Орнамент – ряд выдавленных изнутри бугорков и валик с косыми насечками. Длина 70 мм.
С 4617-207 по 4617-250	по	Черепки глиняных сосудов срединные. Орнамент – ряды ямок, бугорков и ямок, чередующихся с бугорками; ряды горизонтальных, косых и пересекающихся линий, начерченных или оттиснутых гребенкой. Длина 25-70 мм.
4617-251		То же. Орнамент – горизонтальная линия и подвешенные к ней заштрихованные треугольники, выполненные резной линией. Длина 60 мм.
С 4617-252 по 4617-254	по	То же. Орнамент – ряд выдавленных изнутри и чередующихся с ямками бугорков. Длина 45-55 мм.
С 4617-255 по 4617-276	по	Черепки глиняных сосудов от венчика с утолщенным и отогнутым наружу краем. Орнамент – ряды оттисков гребенки, ногтя и ямок. Длина 25-75 мм.
С 4617-277 по 4617-280	по	Черепки глиняных сосудов срединные. Орнамент – ряды оттисков гребенки. Длина 25-55 мм.
4617-281		То же. Орнамент – ряды косых черточек. Длина 55 мм.
4617-282		То же. Длина 50 мм.
4617-283		Черепки глиняного сосуда от венчика. Орнамент – ряд выдавленных изнутри и чередующихся с линиями бугорков. Длина 30-60 мм.
С 4617-284 по 4617-285	по	Черепки глиняных сосудов с частью плоского дна. Без орнамента. Длина 40-45 мм.
4617-286		Черепок от донной части глиняного сосуда. Длина 25 мм.
2) Дюнная стоянка на «Мысах». Материал собран на поверхности дюн.		
4617-287		Отщепы каменные в виде широких пластинок неправильной формы. Длина 15-30 мм.
4617-288		Черепок глиняного сосуда от венчика. Орнамент – резной зигзаг и ряды плоских ямок. Длина 40 мм.
4617-289		Черепки глиняного сосуда со слабо оттянутым венчиком. Орнамент – ряды косых оттисков гребенки, расположенные елочкой. Длина 25-30 мм.

4617-290		Черепки глиняного сосуда срединные. Орнамент – ряды косых оттисков гребенки, расположенные елочкой. Длина 15-30 мм.
С 4617-291 по 4617-299	по	Черепки глиняных сосудов срединные. Орнамент – ряды штрихов и оттисков гребенки, заполняющие поверхность черепков. Длина 25-30 мм.
4617-300		То же. Орнамент – валик с двумя рядами оттисков гребенки и заштрихованные треугольники, оттиснутые гребенкой. Длина 55 мм.
4617-301		То же. Орнамент – ряд оттисков гребенки. Длина 20 мм.
С 4617-302 по 4617-306	по	Черепки глиняных сосудов от венчика. Край венчика отогнут наружу. Орнамент – оттиски гребенки по краю венчика и ряд ямок по шейке. Длина 30-60 мм.
4617-307		То же. Венчик прямой. Орнамент – ряд насечек по краю венчика и ряд ямок. Длина 60 мм.
С 4617-308 по 4617-311	по	Черепки глиняных сосудов срединные. Орнамент – ряд боковых оттисков гребенки. Длина 30-40 мм.

10 апреля 1929 г.

Приложение 7

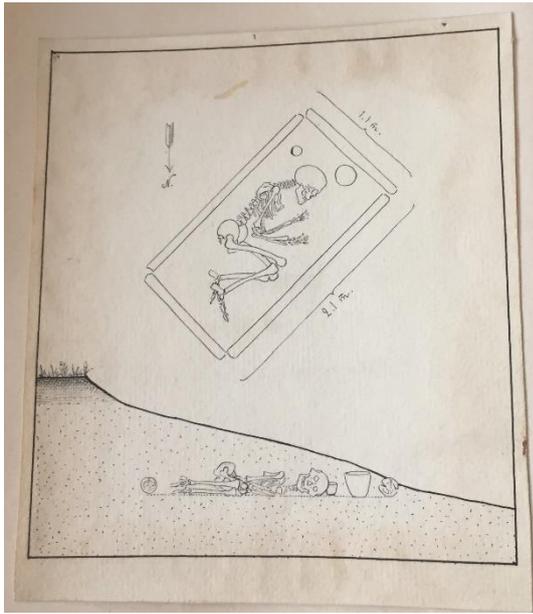


Рис. 2



Рис. 1

Рис. 1. Д. Клепиково, погребение. План

Рис. 2. Глиняный сосуд из погребения в д. Клепиково
(МАЭ ОмГУ. Ф.Ш. Д. 11. Л. 132)

Приложение 8

Коллекция № 4401

Собрана по поручению Этнографического Отдела Государственного Русского Музея М.П. Грязновым в 1925 г.

Алтайская губерния, Бийский округ, д. Клепиково.

Керамика, предметы из камня и кости, кости человека из разрушенных погребений и с поверхности раздутых дюн.

Выдувы песчаных дюн, расположенных на луговой террасе в урочище «Хомутинка» на пойме р. Оби.

Погребение 1.

По сторонам могильной ямы 4 бревна, образующих прямоугольник размером 2,1x1,1 м. На дне ямы скелет человека, лежащий головой на ЮЗ, на левом боку с подогнутыми ногами и согнутыми в локтях руками.

4401-1	Сосуд глиняный баночной формы. Верхняя часть сосуда покрыта елочным орнаментом из глубоких черточек. Высота 185 мм, диаметр отверстия 185 мм, диаметр дна 120 мм.
4401-2	То же. Сосуд без орнамента. Высота 70 мм, диаметр отверстия 90 мм, диаметр дна 50 мм.

Погребение 2. Границы могильной ямы плохо различимы. На дне могилы кости двух скелетов в беспорядке. Черепки глиняных сосудов найдены на границе между двумя скелетами.

4401-3	Сосуд глиняный баночной формы, со слабо изогнутым венчиком. Орнамент – на шейке три желобка и ряд косых фестонов над ними. Стенки сосуда покрыты горизонтальной «елочкой» (7 рядов). Фестоны и «елочка» нанесены гребенчатым чеканом. Высота 140 мм, диаметр отверстия 170 мм, диаметр дна 100 мм.
4401-4	Сосуд глиняный с выпуклым дном и узкой высокой шейкой. Орнамент шейки елочный, в виде четырех рядов косых насечек. Высота 175 мм, диаметр отверстия 100 мм, наибольший диаметр 150 мм.
4401-5	Полый цилиндр из рога. Длина 26 мм, диаметр 22 мм.
4401-6	Пластинка неправильной формы из кристаллического сланца с круглым просверленным отверстием. Длина 45 мм, ширина 32 мм.

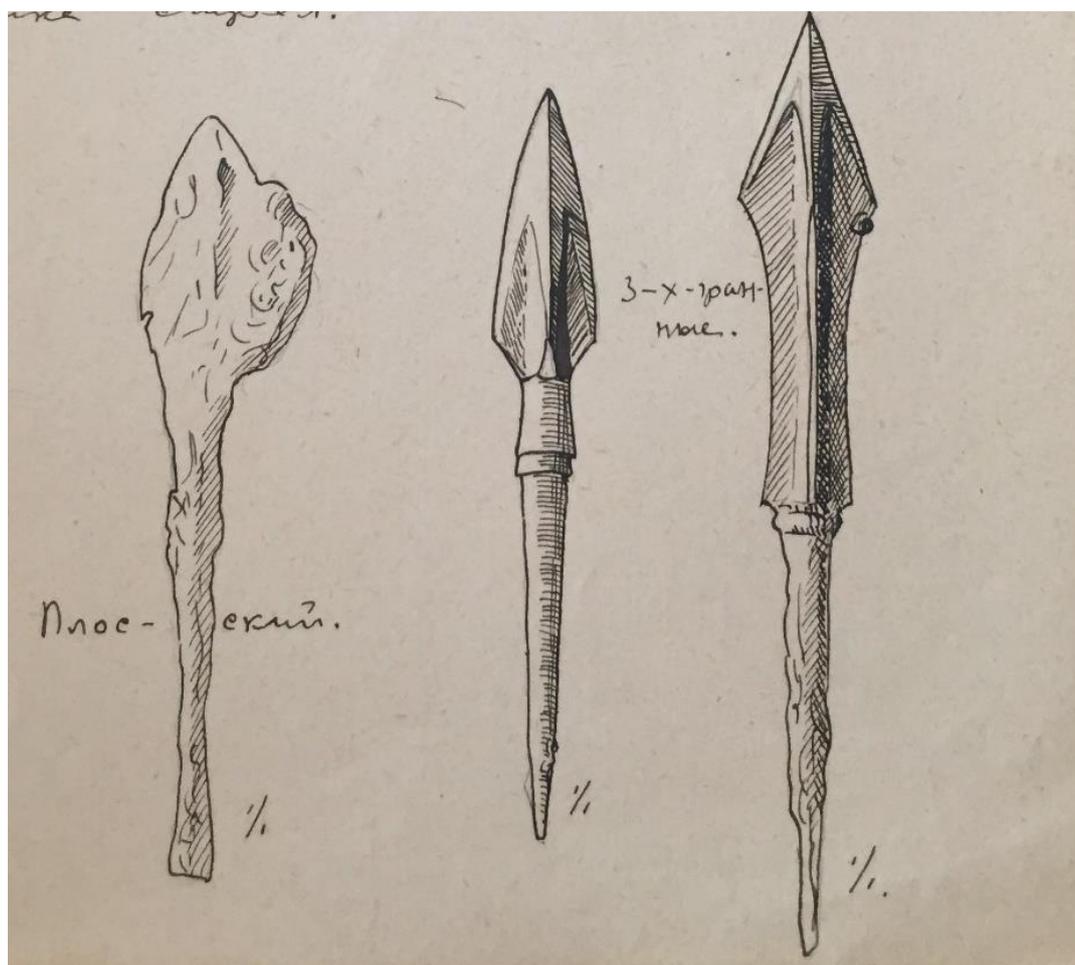
Погребение 3. Могильная яма в виде прямоугольника размером 1,8x1,1 м, расположенного продольной осью. Вдоль северной стенки следы дерева. На дне фрагменты костей взрослого человека. В углу черепки глиняного сосуда.

4401-7	Черепки глиняного сосуда баночной формы. Орнамент – два ряда косых гребенчатых насечек, разделенных горизонтальными линиями и ниже вертикальная «елочка», нанесенная гребенчатым чеканом. Высота 170 мм.
--------	--

На поверхности около раздутых могил собраны черепки.

4401-11	Черепки глиняного сосуда баночной формы от венчика (3 черепка). Орнамент – ряды выдавленных изнутри бугорков, чередующихся с круглыми ямками. Длина 70-100 мм.
Выдувы на песчаных дюнах, расположенных на луговой террасе в 1 в к югу от деревни (за «Чулком»). Материал собран на поверхности.	
4401-12	Черепок глиняного сосуда от венчика. Орнамент – вертикальные ряды ямок и ряды оттисков гребенчатого чекана. Длина 30 мм.
4401-13	Черепок глиняного сосуда срединный. Орнамент – сплошные ряды изогнутых зигзагов. Длина 90 мм.
4401-14	То же. Орнамент – ямки и сплошные ряды оттисков гребенчатого чекана. Длина 80 мм.
4401-15	Черепок глиняного сосуда от венчика. Венчик с косыми гребенчатыми насечками. Орнамент стенок – ряды мелких насечек. Длина 20 мм.
4401-16 и 4401-17	То же. Орнамент – ряд выдавленных изнутри бугорков. Длина 30-40 мм.
4401-18	То же. Орнамент – ряд круглых ямок. Длина 30 мм.
4401-19 и 4401-20	То же. По краю ряд косых боковых оттисков чекана.
4401-21	Черепок глиняного сосуда срединный. Орнамент – полосы боковых оттисков чекана. Длина 45 мм.

Приложение 9



С. Усть-Чарыш. Наконечники стрел
(МАЭ ОмГУ. Ф. III. Д. 10. Л. 2)

Приложение 10

Коллекция № 4400

Собрана по поручению Этнографического Отдела Государственного Русского Музея М.П. Грязновым в 1925 г.

Алтайская губерния, Бийский округ, сс. Солдатово, Чеканиха и Усть-Чарышское.

Керамика и железные предметы с поверхности дюн.

С. Солдатово. Материал собран в выдувах надлуговой террасы (высота над поймой 4 метра), расположенных к востоку от села.

№ предмета в коллекции	Описание
4400-1	Черепки глиняного сосуда с прямыми стенками. Орнамент – ряды косых гребенчатых насечек (горизонтальная елочка), чередующихся с рядами круглых ямок. Длина 30-60 мм.
4400-2	Черепок глиняного сосуда срединный. Орнамент – заштрихованные треугольники, нанесенные гребенчатым чеканом. Длина 45 мм.
4400-3	То же. Орнамент елочный, нанесен глубоким штрихом. Длина 45 мм.
4400-4	Черепок глиняного сосуда от венчика. Орнамент – ряд круглых ямок и горизонтальные линии, нанесенные гребенчатым чеканом. Длина 35 мм.
4400-5	То же. Орнамент – ряд выдавленных изнутри и чередующихся с ямками бугорков; ниже – горизонтальные линии, нанесенные гребенчатым чеканом. Длина 20 мм.
4400-6	То же. По краю венчика насечки. Орнамент стенок – ряд круглых ямок и горизонтальные ряды прямых насечек. Длина 30 мм.
4400-7	То же. Орнамент – ряд выдавленных изнутри бугорков, перемежающихся с несколькими косыми насечками. Длина 25 мм.
4400-8	То же. По краю венчика прямые насечки. Орнамент стенок – ряд круглых ямок.
4400-9	Черепок глиняного сосуда срединный. Орнамент – ряды косых насечек. Длина 25 мм.
4400-10	То же. Орнамент – сплошные ряды оттисков гребенчатого чекана. Длина 30 мм.
4400-11 и 4400-12	То же. Орнамент нанесен гребенчатым чеканом. Длина 25-30 мм.
4400-13	То же. Орнамент из рядов двойных ямок. Длина 30 мм.
4400-14	Черепок маленького тонкостенного сосуда. Орнамент – ряды мелких прямых насечек. Длина 30 мм.
4400-15	Черепок глиняного сосуда с частью плоского дна. Орнамент – горизонтальные линии, нанесенные гребенчатым чеканом.

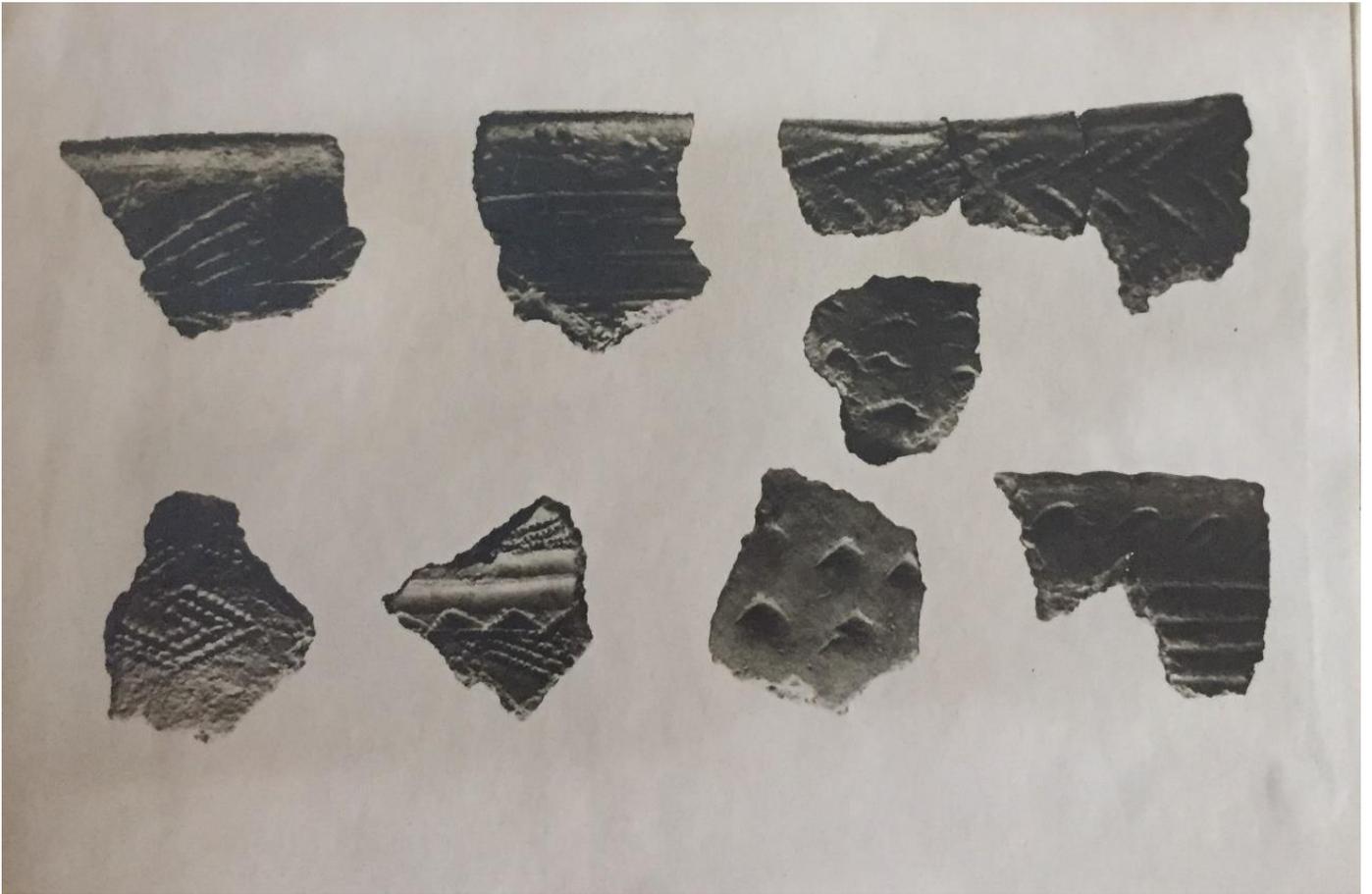
	Длина 40 мм.
4400-16	Черепок глиняного сосуда от венчика с отвороченной прямой шейкой. Орнамент – косые гребенчатые насечки по краю венчика, ряд круглых ямок на шейке и ряды косых гребенчатых насечек на шейке и плечах. Длина 60 мм.
4400-17	То же. Орнамент – ряд круглых ямок и косых гребенчатых насечек ниже горизонтальных линий, нанесенные гребенчатым чеканом. Длина 30 мм.
4400-18	Черепок глиняного сосуда от венчика. Край отворочен, с гребенчатыми насечками. Вдоль края ряд прямых гребенчатых насечек, с внутренней и наружной сторон ряд круглых ямок. Длина 30 мм.
С 4400-19 по 4400-21	Черепки глиняного сосуда с отвороченной шейкой. Орнамент елочный, нанесен гребенчатым чеканом. Длина 30-35 мм.
4400-22	Черепок глиняного сосуда от венчика. Орнамент – ряд «щипков» по краю венчика. Длина 30 мм.
4400-23	То же. Орнамент – «щипки» по внутреннему и наружному краям венчика, ряд круглых ямок и ряд «щипков». Длина 50 мм.
4400-24	Черепки глиняного сосуда срединные (7 штук). Орнамент – ряды «щипков». Длина 25-35 мм.
4400-25	Черепок глиняного сосуда срединный. Орнамент линейный – полоса сетки и ряд ямок, заключенные между несколькими горизонтальными линиями. Длина 55 мм.
4400-26	То же (4 черепка). Орнамент из оттисков кружка. Дина 15-25 мм.

Д. Чеканиха. Материал собран на выдувах дюн, расположенных на поемной террасе в 5 в. от деревни (урочище Беловские Сопки). Кроме черепков найдены куски обожженной глины, обожженные косточки, угли и кости животных.

4400-27 и 4400-28	Черепки глиняных сосудов от венчика. Орнамент – ряд ямок и зигзаг полосы боковых оттисков зубчатого чекана. По краю венчика также боковые оттиски зубчатого чекана. Длина 35 и 60 мм.
4400-29	То же. Орнамент – ряд ямок. Длина 30 мм.
4400-30	То же. По краю венчика прямые насечки. Орнамент стенок – ряд круглых ямок. Длина 30 мм.
4400-31	То же. Орнамент – ряд круглых ямок. Длина 60 мм.
4400-32	То же. Орнамент – ряд круглых ямок у основания прямой шейки. Длина 30 мм.
4400-33	То же. Орнамент из пересекающихся оттисков гребенчатого чекана. Длина 25 мм.
4400-34	То же. По краю венчика ряд неправильных ямок. Длина 20 мм.
4400-35 и 4400-36	То же. Без орнамента. Длина 20 и 55 мм.
4400-37	Черепок глиняного сосуда срединный. Орнамент из оттисков гребенчатого чекана. Длина 20 мм.
4400-38	То же (2 черепка). Орнамент из рядов прямых насечек. Длина 30 мм.
4400-39	То же (15 черепков). Без орнамента. Длина 25-70 мм.

С. Усть-Чарышское. Материал собран в выдувах песчаных дюн, расположенных в луговой террасе в 2-3 км от села («Сваинские Гривы»). В одном месте было найдено несколько костей человека и в 4-х пунктах находились куски пережженных человеческих костей. Возле одной кучки найдены наконечники стрел.

4400-40	Наконечник стрелы железный, трехлопастной. Общая длина 95 мм, длина без стержня 55 мм, ширина 14 мм.
4400-41	То же, трехгранный. Стержень с косыми надрезами. Общая длина 83 мм, без стержня 43 мм, ширина 20 мм.
4400-42	То же, плоский, ромбический. Общая длина 83 мм, без стержня 45-50 мм, ширина 20 мм.
4400-43	Черепок глиняного сосуда от венчика. Венчик отогнут наружу. Орнамент «елочный» (горизонтальная елочка), нанесен гребенчатым чеканом. По внутреннему краю венчика ряд гребенчатых насечек. Параллельно краю ряд круглых ямок. Длина 55 мм.
4400-44	То же (2 черепка). По внутреннему и наружному краям отогнутого наружу венчика ряды косых гребенчатых насечек. Снаружи ряд круглых ямок. Длина 35-650 мм.
4400-45	Черепки глиняных сосудов срединные (4 черепка). Орнамент елочный, нанесен гребенчатым чеканом. Длина 30-65 мм.
4400-46	То же (2 черепка). Орнамент такой же. Длина 20 мм.
4400-47	Черепки глиняного сосуда (1 от венчика и 3 срединные). Край с гребенчатыми насечками. Орнамент стенок – ряды боковых оттисков зубчатого чекана. Длина 25-35 мм.
4400-48	Черепок глиняного сосуда срединный. Орнамент – ряды оттисков гребенчатого чекана. Длина 35 мм.
4400-49	То же. Орнамент – ряды тройных ямок. Длина 35 мм.
4400-50	То же. Орнамент – ряды двойных ямок. Длина 50 мм.
4400-51	Черепок глиняного сосуда от венчика. Орнамент – ряд насечек по краю отвороченного венчика. Длина 45 мм.
4400-52	То же. Орнамент – ряды боковых оттисков палочки. Длина 45 мм.
4400-53	То же (5 черепков). Орнамент – ряд глубоких косых насечек по краю венчика и ряд круглых ямок. Длина 25-30 мм.
4400-54	То же (3 черепка), срединные. Орнамент ногтевой (ряды глубоких ямок). Длина 30-35 мм.
4400-55	То же. Орнамент из кривых, начерченных линий. Длина 30 мм.
4400-56	Фрагмент глиняного сосуда с тонкими стенками (приблизительно $\frac{1}{4}$ сосуда, склеен из черепков). Сосуд в виде чашки со стенками, наклоненными внутрь. Высота приблизительно 80 мм.



С. Быстрый Исток-IV. Черепки глиняных сосудов
(МАЭ ОмГУ. Ф.Ш, Д. 11. Л. 85)

Приложение 12

Коллекция № 4402

Собрано по поручению Этнографического отдела Государственного русского музея М.П. Грязновым.

Алтайская губерния, Бийский округ, «Енисейская коммуна» близ с. Енисейского.

Керамика/подъемный материал с береговых стоянок.

Стоянка ниже Коммуны. Материал собран по краю подмываемой р. Бией надлуговой террасы.

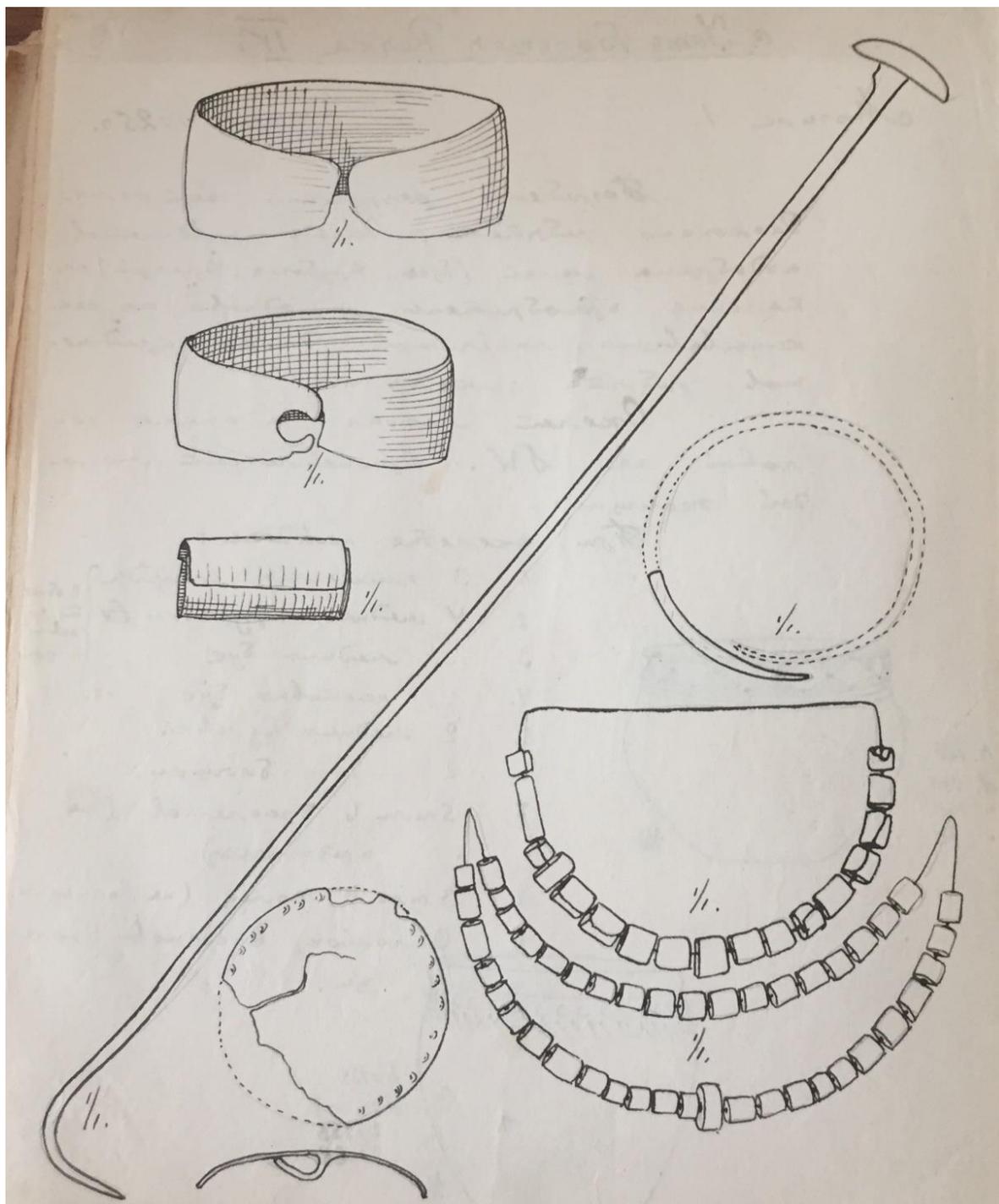
№ предмета в коллекции	Описание
С 4402 – 1 по 4402 – 10	Черепки глиняных сосудов от венчика. Орнамент – горизонтальный ряд круглых ямок. Длина 30-60 мм.
С 4402 – 11 по 4402 – 16	То же. Орнамент – ряд выдавленных изнутри и чередующихся с угловыми оттисками бугорков. Длина 35-50 мм.
4402 – 17 и 4402 – 18	То же. Орнамент – ряд выдавленных изнутри и чередующихся с глубокими черточками бугорков. Длина 55 и 60 мм.
4402 – 19	То же. Орнамент – ряд выдавленных изнутри и чередующихся с круглыми ямками бугорков. Длина 30 мм.
4402 – 20 и 4402 – 21	То же. Орнамент – ряд выдавленных изнутри и чередующихся с П-образными черточками бугорков. Длина 40 и 55 мм.
4402 – 22 и 4402 – 25	То же. Орнамент – ряд выдавленных изнутри и чередующихся с угловыми оттисками бугорков и на них ряд косых черточек. Длина 35-60 мм.
4402 – 26	То же. Орнамент такой же. Орнамент такой же. Длина 60 мм.
4402 – 27	То же (2 черепка). Орнамент – ряд выдавленных изнутри и чередующихся с круглыми ямками бугорков и ниже ряд косых насечек. Длина 35-40 мм.
4402 – 28	То же. Орнамент – ряд выдавленных изнутри и чередующихся с угловыми оттисками бугорков и ниже ряд угловых оттисков. Каждый ряд сверху подчеркнут линией. Длина 45 мм.
4402 – 29	То же. Орнамент – ряд выдавленных изнутри и чередующихся с ямками бугорков и полоса из пересекающихся черточек. Длина 35 мм.
4402 – 30	То же. Орнамент – ряд косых широких черточек и над ним ряд выдавленных изнутри и чередующихся с П-образными черточками бугорков. Длина 25 мм.
4402 – 31	То же. Орнамент – ряд кривых двойных черточек и под ним ряд подковообразных черточек, чередующихся с выдавленными изнутри бугорками. Длина 40 мм.
4402 – 32	То же. Орнамент – ряд выдавленных изнутри бугорков и ряды косых гребенчатых насечек. Длина 40 мм.
4402 – 33	То же. Орнамент – ряд круглых ямок и ряды косых гребенчатых насечек. Длина 50 мм.
4402 – 34	Черепок глиняного сосуда от венчика. Орнамент – сетка из пересекающихся штрихов. Длина 30 мм.

4402 – 35	Черепок глиняного сосуда, срединный. Орнамент – ряды гребенчатых насечек. Длина 25 мм.
4402 – 36	То же. (3 черепка). Орнамент – зигзаги, нанесенные гребенчатым чеканом. Длина 40-50 мм.
4402 – 37	То же. (4 черепка). Внутренняя и внешняя поверхности покрыты беспорядочными штрихами. Длина 40-70 мм.
4402 – 37 и 4402 – 38	То же. Орнамент – накладной валик с глубокими поперечными насечками. Длина 50 мм.
С 4402 – 40 по 4402 – 42	Черепки глиняных сосудов с частью плоского дна. Орнамента нет. Длина 50-65 мм.
4402 – 43	Напрясло глиняное (половинка) без орнамента в виде круглого диска. Диаметр 37 мм., толщина 13 мм.

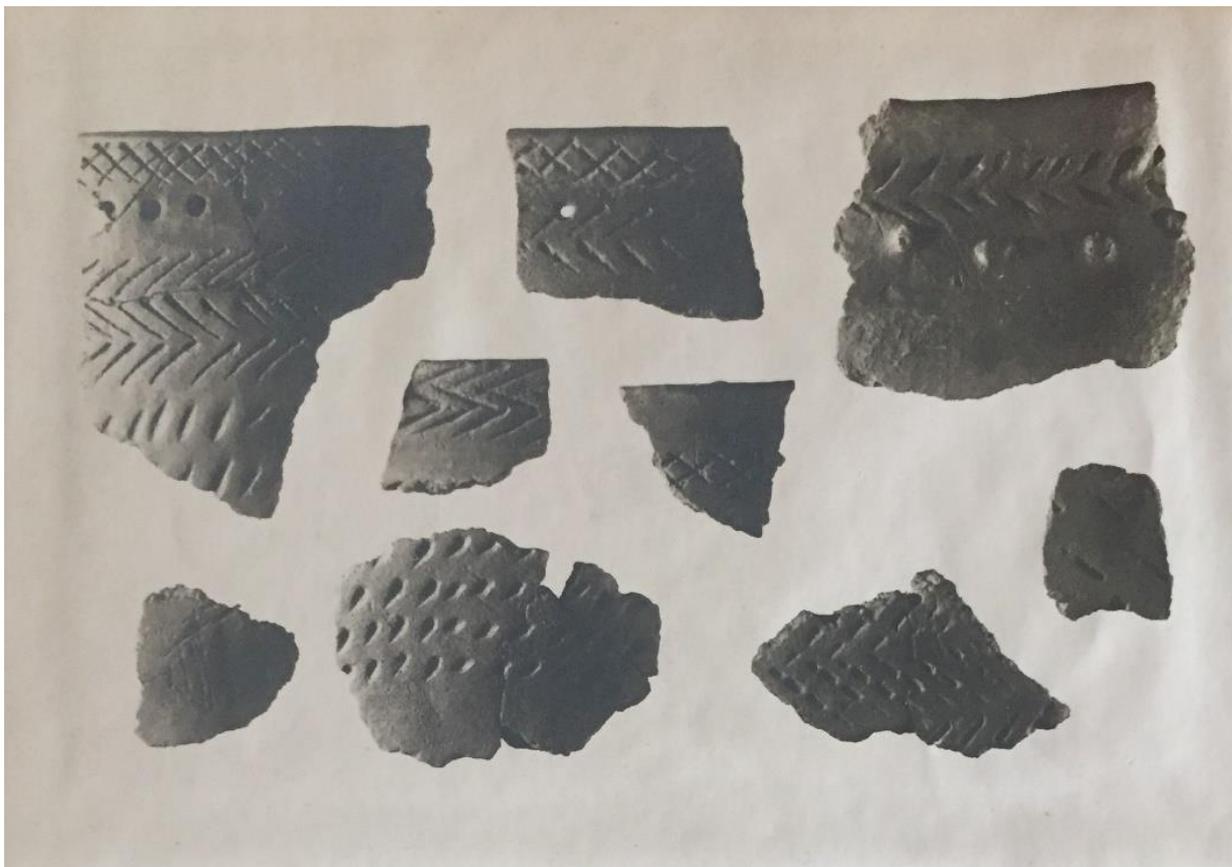
Стоянка выше Коммуны. Материал собран по краю подмываемой р. Бией надлуговой террасы.

4402 – 44	Сосуд глиняный баночной формы. Внутренняя и наружная поверхность стенок покрыты беспорядочно расположенными штрихами. (Склеен из черепков – дополнен гипсом). Диаметр отв. 15 см., дна – 5 см., высота 12 см).
4402 – 45	Черепок глиняного сосуда от венчика. Орнамент – ряд круглых и ряды косых гребенчатых насечек. Длина 95 мм.
4402 – 46	Черепок глиняного сосуда срединный. Орнамент – ряды косых насечек. Длина 50 мм.
4402 – 47 и 4402 – 48	То же. Орнамент – ряды сплошных оттисков гребенчатого чекана. Длина 25-40 мм.
С 4402 – 49 и 4402 – 51	Черепки глиняных сосудов от венчика. Орнамент – ряд круглых ямок. Длина 40-65 мм.
С 4402 – 52 и 4402 – 54	То же. Орнамент такой же. Длина 45-65 мм.
С 4402 – 53 по 4402 – 56	То же. Орнамент – ряд выдавленных изнутри и чередующихся с боковыми оттисками круглой палочки. Длина 60 и 80 мм.
4402 – 57	То же. (2 черепка). Орнамент стенок такой же. Край с косыми насечками. Длина 55-65 мм.
С 4402 – 58 по 4402 – 61	То же. Орнамент – ряд выдавленных изнутри и чередующихся с круглыми ямками бугорков. Длина 35-70 мм.
4402 – 62	То же. Орнамент – ряд выдавленных изнутри и чередующихся с короткими горизонтальными черточками бугорков. Длина 35 мм.
4402 – 63	То же. Орнамент – ряд неправильных ямок и ниже ряд выдавленных изнутри бугорков. Длина 40 мм.
4402 – 64 и 4402 – 65	То же. Орнамент – ряд косых черточек и под ним ряд выдавленных изнутри бугорков, чередующихся с короткими горизонтальными черточками. Длина 40 и 60 мм.
4402 – 66	То же. Орнамент – ряд косых штрихов и посреди него ряд выдавленных изнутри бугорков. Длина 40 мм.
4402 – 67	То же. Орнамент – ряд косых пересекающихся штрихов и под ним ряд выдавленных изнутри и чередующихся с угловыми оттисками бугорков. Длина 45 мм.
4402 – 68	То же. По краю отвороченной наружу шейки косые гребенчатые насечки. Орнамент стенок – ряд косых гребенчатых насечек и ряд круглых ямок (3 черепка). Длина 30-75 мм.

4402 – 69	То же. По краю отвороченной наружу шейки ряд боковых оттисков. Длина 40 мм.
4402 – 70	То же. Край отвороченной наружу шейки косо срезан. Орнамента нет. Длина 30 мм.
4402 – 71	То же. По краю слабо отвороченной шейки косые насечки. Орнамент стенок – 5 рядов ногтевых вдавлений и ряд (между первым и вторым рядами) круглых ямок. Длина 140 мм.
4402 – 72	То же. Шейка отворочена наружу. В нижней части черепка оттиск гребенчатого чекана. Длина 70 мм.
4402 – 73	То же (2 черепка). Шейка отворочена наружу. Орнамент и ряд круглых ямок. Длина 65-80 мм.
4402 – 74	То же. Форма шейки и орнамент такие же. Длина 70 мм.
4402 – 75	То же. Орнамент – ряд выдавленных изнутри бугорков. Длина 70 мм.
С 4402 – 76 по 4402 – 78	Черепки глиняных сосудов срединные. Орнамент – накладной рубчатый валик. Длина 35-40 мм.
4402 – 79	То же. Орнамент – ряд выдавленных изнутри бугорков и накладной валик. Длина 55 мм.
Стоянка близ монастыря. Материал собран по краю подмываемой р. Бией надлуговой террасы, в 100-200 саж. от монастыря вверх по реке.	
4402 – 80	Черепок глиняного сосуда от венчика. Орнамент – ряд выдавленных изнутри бугорков. Длина 60 мм.
С 4402 – 81 по 4402 – 83	То же. Орнамента нет. Длина 25-35 мм.
С 4402 – 84 по 4402 – 87	То же. Орнамент – ряд выдавленных изнутри бугорков. Длина 30-35 мм.
С 4402 – 88 по 4402 – 91	То же. Орнамент – ряд выдавленных изнутри и чередующихся с угловыми оттисками бугорков. Длина 25-50 мм.
4402 – 92	То же. Орнамент – ряд глубоких ямок четырехугольной формы. Длина 35 мм.
4402 – 93	То же. Орнамент – ряд крупных глубоких штрихов. Длина 30 мм.
4402 – 94	То же. Орнамент – полоса из пересекающихся косых штрихов. Длина 40 мм.
4402 – 95	То же. Орнамент – полоса из пересекающихся косых штрихов и под ней ряд выдавленных изнутри и чередующихся с угловыми оттисками бугорков. Длина 50 мм.
4402 – 96	Черепок глиняного сосуда от венчика. Орнамент – полоса из пересекающихся косых гребенчатых линий, заключенная между прямыми линиями. Длина 30 мм.
4402 – 97	То же. Орнамент – ряд косых линий и под ним ряд выдавленных изнутри и чередующихся с ямками бугорков. Длина 40 мм.
4402 – 98	То же. Орнамент – три горизонтальных линии и под ними ряд выдавленных изнутри и чередующихся с ямками бугорков. Длина 50 мм.
4402 – 99	То же. Орнамент – два ряда выдавленных изнутри и чередующихся с угловыми оттисками бугорков. Сверху каждого ряда горизонтальная линия. Длина 75 мм.
4402 – 100	То же. Орнамент такой же. Длина 35 мм.



Елбаны-IV, могила 1. Инвентарь
(МАЭ ОмГУ. Ф. III. Д. 11. Л. 274)



Дальние Елбаны-I. Черепки глиняных сосудов
(МАЭ ОмГУ. Ф. III. Д. 10. Л. 2)



Елбаны-I и II, черепки глиняного сосуда

(МАЭ ОмГУ. Ф. III. Д. 10)

Приложение 16

Коллекция № 4615

Собрана по поручению Этнографического отдела Государственного русского музея М.П. Грязновым в 1925 г.

Регистрировал М.П. Грязнов

Алтайская губерния, Барнаульский округ, с. Большереченское

Стоянка I на «Ближних Елбанах»

Стоянка расположена на террасе, на большой заросшей дюне, частично раздуваемой ветрами. Раскопано 16 кв. м. Культурные остатки найдены в трех слоях погребенной почвы и в верхних слоях песка, сразу под нижним почвенным слоем. Порядок наслоений таков: 1) Песок слабозадерненный сверху (40-50 см). Верхний слой погребенной почвы (15-35 см). 3) Средний слой погребенной почвы (25-35 см). 4) Нижний слой погребенной почвы, незаметно переходящий в чистый песок (25-40 см). 5) Чистый дюнный песок. Общая мощность трех слоев погребенной почвы 50-95 см.

1) Верхний слой погребенной почвы

№ предмета в коллекции	Описание
4615-1	Игла медная со сломанным ушком, изогнутая. Длина 48 мм. Квадрат 13.
4615-2	Крюк, вырезанный из рога (петелька отломана). Длина 65 мм. Квадрат 15.
4615-3	Обломок поделки из рога, с двумя круглыми отверстиями. Длина 44 мм., ширина 13 мм. Квадрат 16.
С 4615-4 по 4615-86	Черепки глиняных сосудов от венчика. Край венчика закруглен. Орнамент – ряды выдавленных изнутри бугорков, ямок и черточек. Длина – 20-125 мм.
С 4615-87 по 4615-90	Черепки глиняных сосудов от венчика. Край скошенный, с рядом насечек. Орнамент – ряды черточек и выдавленных изнутри бугорков. Длина 20-30 мм.
4615-91	Черепок глиняного сосуда срединный. Орнамент – ряд оттисков гребенчатого чекана и выдавленных изнутри бугорков. Длина 55 мм.
С 4615-92 по 4615-99	То же. Орнамент – ряды ямок и выдавленных изнутри бугорков. Длина 30-55 мм.
4615-100	Ручка от глиняного сосуда в виде закругленного конуса с отогнутой вершиной. Длина 45 мм, ширина 45 мм.
С 4615-101 по 4615-122	Черепки глиняных сосудов с частью плоского дна. Длина 25-140 мм.
4615-123	Черепки глиняных сосудов средние (2 экземпляра). Квадрат 11.
4615-124	То же (6 экземпляров). Квадрат 1.
4615-125	То же (3 экземпляра). Квадрат 5.
4615-126	То же (2 экземпляра). Квадрат 7.
4615-127	То же (5 экземпляров). Квадрат 8.
4615-128	То же (3 экземпляра). Квадрат 12.

4615-129	То же (1 экземпляр). Квадрат 10.
4615-130	То же (26 экземпляров). Квадрат 13.
4615-131	То же (9 экземпляров). Квадрат 14.
4615-132	То же (6 экземпляров). Квадрат 13.
2) Средний слой погребенной почвы	
4615-133	Обломок костяного шила. Длина 37 мм., ширина 9 мм. Квадрат 12.
4615-134	Кольцо роговое. Диаметр 19 мм., диаметр отверстия 11 мм. Квадрат 4.
4615-135	Кончик рога заостренный. Длина 19 мм., ширина 8 мм. Квадрат 15.
4615-136	Обломок медного предмета в виде массивной выпуклой пластины. Длина 36 мм., ширина 17 мм. Квадрат 6.
4615-137	Обломок напярсла глиняного конической формы. Основание конуса орнаментировано рядом вырезанных параллельных линий. Высота напярсла – 20 мм. ширина, обломка – 27 мм. Квадрат 12.
4615-138	Сосуд глиняный баночной формы. Орнамент – ряд выдавленных изнутри бугорков, чередующихся с ямками. Высота – 145 мм., диаметр отверстия 120 мм., диаметр дна 75 мм. Квадрат 6.
4615-139	Сосуд глиняный полусферической формы (чашка). Орнамент – ряд выдавленных изнутри бугорков, чередующихся с ямками. Высота 90 мм., диаметр отверстия 145 мм.
С 4615-140 по 4615-270	Черепки глиняных сосудов от венчика. Орнамент – ряды выдавленных изнутри бугорков, ямок и черточек. Длина 15-135 мм.
С 4615-271 по 4615-294	Черепки глиняных сосудов срединные. Орнамент – ряды выдавленных изнутри бугорков, ямок и черточек. Длина 25-70 мм.
С 4615-295 по 4615-300	Черепки глиняных сосудов от венчика. Орнамент – ряд угловых оттисков, чередующихся с выдавленными изнутри бугорками. Длина 45-125 мм.
С 4615-301 по 4615-323	Черепки глиняных сосудов от венчика. Орнамент – ряд косых насечек по косо срезанному краю и ряды косых насечек, черточек, ямок, угловых оттисков и т.д. Длина 25-100 мм.
С 4615-324 по 4615-331	Черепки глиняных сосудов срединные. Орнамент – оттиски различных чеканов, ямки, выдавленные изнутри, бугорки, штрихи и т.д. Длина 20-60 мм.
4615-332	Черепки глиняных сосудов срединные, без орнамента, в коробке. Квадрат 1.
4615-333	То же. Квадрат 2.
4615-334	То же. Квадрат 3.
4615-335	То же. Квадрат 4.
4615-336	То же. Квадрат 5.
4615-337	То же. Квадрат 6.
4615-338	То же. Квадрат 10.
4615-339	То же. Квадрат 11.
4615-340	То же. Квадрат 12.
4615-341	То же. Квадрат 16.
С 4615-342 по 4615-376	Черепки глиняных сосудов с частью плоского дна. Длина 30-60 мм.
4615-377	Черепки глиняных сосудов без орнамента (коробка). Квадрат 7.
4615-378	То же. Квадрат 6.
4615-379	То же. Квадрат 9.

4615-380	То же. Квадрат 13.
4615-381	Черепки глиняных сосудов без орнамента, срединные. Квадрат 14.
4615-382	То же. Квадрат 15.
3) Нижний слой погребенной почвы	
4615-383	Наконечник стрелы бронзовый, втульчатый, с двумя лопастями и язычком. Длина 40 мм., ширина 14 мм.
4615-384	То же, костяной, втульчатый, с ромбическим сечением. Длина 55 мм., ширина 14 мм. Квадрат 14.
4615-385	То же, костяной, трехгранный, с уплощением на стержне для насада. Форма копирует скифские трехгранные наконечники. Длина 41 мм., ширина 10 мм. Квадрат 8.
4615-386	То же, костяной, плоский, с плоским концом для насада. Длина 60 мм., ширина 11 мм. Квадрат 13.
4615-387	То же. Такой же. Грубо сделан. Длина 60 мм., ширина 15 мм. Квадрат 14.
4615-388	То же. Такой же. Длина 90 мм., ширина 21 мм. Квадрат 8.
4615-389	Шило бронзовое, четырехгранное, заостряющееся к обоим концам. Длина 70 мм.
4615-390	Шило костяное – обломок трубчатой кости, заостренной на одном конце. Длина 86 мм., ширина 10 мм. Квадрат 5.
4615-391	То же. Длина 80 мм., ширина 10 мм. Квадрат 16.
4615-392	То же – грифельная косточка, заточенная на конце. Длина 63 мм. Взята в обнажении слоя.
4615-393	Подвеска-фаланга с круглой дыркой для подвешивания. Длина 20 мм., ширина 10 мм. Квадрат 11.
4615-394	То же. Длина 20 мм., ширина 12 мм. Квадрат 5.
4615-395	Обломок трубчатой кости животного (грузило). Длина 45 мм., ширина 23 мм. Взят в обнажении слоя.
4615-396	Предмет из рога неопределенного назначения. Длина 50 мм., ширина 30 мм, толщина 30 мм. Квадрат 5.
4615-397	То же. Длина 75 мм., ширина 19 мм., толщина 8 мм. Квадрат 5.
4615-398	Обрезок рога. Длина 52 мм., ширина 16 мм. Квадрат 5.
4615-399	То же. Длина 47 мм., ширина 11 мм. Квадрат 12.
4615-400	То же. Длина 60 мм., ширина 15 мм. Квадрат 11.
4615-401	Обрезок трубчатой кости животного. Длина 62 мм., ширина 20 мм. Квадрат 6.
4615-402	То же. Длина 70 мм., ширина 17 мм. Квадрат 13.
4615-403	То же. Длина 75мм., ширина 20 мм. Квадрат 14.
4615-404	То же. Длина 33мм., ширина 25 мм. Квадрат 5.
4615-405	То же. Длина 53мм., ширина 27 мм. Квадрат 5.
4615-406	Обрезок кости животного. Длина 50 мм., ширина 35 мм.
4615-407	Кружок, вылепленный из глины. На одной стороне 11 круглых ямок. Диаметр 55 мм., толщина 15 мм. Квадрат 15.
4615-408	Кружок, вырезанный из черепка глиняного сосуда. Без орнамента. Диаметр 37 мм. Квадрат 15.
4615-409	Чашка глиняная полусферической формы без орнамента. Склеена из черепков и дополнена гипсом. Диаметр 120 мм, высота 70 мм. Квадрат 4.

С 4615-410 по 4615-431	Черепки глиняных сосудов от венчика. Орнамент – ряд выдавленных изнутри бугорков, чередующихся с ямками. Длина 25-75.
С 4615-432 по 4615-435	То же. Без орнамента.
С 4615-436 по 4615-438	Черепки глиняных сосудов срединные. Орнамент – ряд выдавленных изнутри бугорков. Длина – 25-30 мм.
С 4615-439 по 4615-466	Черепки глиняных сосудов от венчика. Орнамент – ряд насечек по скошенному краю и ряды выдавленных изнутри бугорков, ямок, насечек, крестиков и т.д. Длина 30-150 мм.
С 4615-474 по 4615-489	То же. Орнамент – насечки по скошенному краю венчика и ряда ямок, насечек, выдавленных изнутри бугорков и крестиков. Длина 25-60 мм.
С 4615-490 по 4615-497	То же. Орнамент – насечки по скошенному краю венчика, ряды точек, черточек, пояски косых насечек, ромбов и горизонтальные линии. Длина 45-60 мм.
С 4615-498 по 4615-501	То же. Орнамент – ряд насечек по скошенному краю венчика, ряд выдавленных изнутри и чередующихся с ямками бугорков. Длина 35-45 мм.
С 4615-502 по 4615-510	То же. Орнамент – ряды точек и пояски косых и пересекающихся насечек, оттисков гребенки и черточек. Длина 20-55 мм.
4615-511	То же. От маленького сосудика без орнамента. Длина 25 мм.
4615-512	То же. От большого сосуда. На черепке 7 сквозных отверстий, проткнутых в мягкой глине. Длина 50 мм.
С 4615-513 по 4615-550	Черепки глиняных сосудов срединные. Орнамент – из рядов и поясков, выполненных ямками, выдавленными изнутри бугорками, оттисками чеканов (крестик, гребенка). Длина 30-140 мм.
4615-551	Днище глиняного сосуда. На стенках ряд выдавленных изнутри бугорков. Диаметр дна 140 мм. Высота стенок от дна – 80 мм.
4615-552	То же. Без орнамента. Диаметр дна 100 мм. Высота стенок от дна 115 мм.
4615-553	То же. На стенках три ряда выдавленных изнутри бугорков. Диаметр дна 85 мм. Высота стенок от дна 100 мм.
С 4615-554 по 4615-578	Черепки глиняных сосудов с частью плоского дна. Длина 35-120 мм.
4615-579	Черепки глиняных сосудов срединные. Без орнамента. Квадрат 3.
4615-580	То же. Квадрат 4.
4615-581	То же. Квадрат 5.
4615-582	То же. Квадрат 6.
4615-583	То же. Квадрат 7.
4615-584	То же. Квадрат 8.
4615-585	То же. Квадрат 10.
4615-586	То же. Квадрат 11.
4615-587	То же. Квадрат 12.
4615-588	То же. Квадрат 13.
4615-589	То же. Квадрат 14.

5) Чистый дюнный песок.

4615-590	Пластинка из рога треугольной формы с круглым отверстием. Длина 57 мм., ширина 25 мм., толщина 6 мм.
4615-591	Обрезок трубчатой кости лося. Длина 48 мм., ширина 15 мм. Квадрат

	6.
4615-592	Пластинка роговая продолговатой формы. Слева край закруглен, другой отломлен. Посредине закругленного края круглое отверстие. Длина 45 мм., ширина 19 мм., толщина 45 мм. Квадрат 14.
С 4615-593 по 4615-595	Черепки глиняных сосудов небольших размеров от венчика. Орнамент – ряды горизонтальных и пересекающихся линий или оттисков гребенчатого штампа. Длина 30-60 мм.
4615-596	Черепок глиняного сосуда от венчика. Орнамент – ряд оттисков гребенчатого штампа по краю и ряд точек. Длина 45 мм.
4615-597	То же. Орнамент ряд косых линий и ряд точек. Длина 35 мм.
С 4615-598 по 4615-602	То же. Орнамент – ряд насечек по скошенному краю, выдавленные изнутри и чередующиеся с ямками бугорки, поясок косых линий и фестоны. Длина 30-80 мм.
С 4615-603 по 4615-608	Черепки глиняных сосудов срединные. Орнамент – ряды оттисков гребенчатого штампа и выдавленных изнутри бугорков. Длина 20-80 мм.
С 4615-609 по 4615-613	Черепки глиняных сосудов с частью плоского дна. Без орнамента. Длина 30-70 мм.
4615-614	Черепки глиняных сосудов срединные. Без орнамента (9 экземпляров). Квадрат 6.
4615-615	То же (2 экземпляра). Квадрат 7.
4615-616	То же (6 экземпляров). Квадрат 8.
4615-617	То же (14 экземпляров). Квадрат 10.
4615-618	То же (1 экземпляр). Квадрат 11.
4615-619	То же (2 экземпляра). Квадрат 12.
4615-620	То же (1 экземпляр). Квадрат 14.
4615-621	То же (3 экземпляра). Квадрат 15.

Материал собраний на поверхности дюны

4615-622	Напрясло глиняное, в виде сплюснутого шара. Диаметр 33 мм., высота 22 мм.
4615-623	Напрясло глиняное (обломок) конусообразной формы с орнаментом в виде параллельных борозд на основании. Длина обломка 28 мм.
4615-624	Пластинка из сланца удлиненной формы со следами работы (сточенность краев на концах и в средней части длинных сторон). Длина 175 мм., ширина 65 мм.
4615-625	Кусок окисленного железа. Длина 42 мм.
4615-626	Цилиндрик роговой, слабо изогнутый со сквозным поперечным отверстием круглой формы. Диаметр 20 мм., высота 35 мм.
4615-627	Обломок костяного предмета удлиненной формы с двумя сквозными круглыми отверстиями. Длина 30 мм, ширина 23 мм.
4615-628	Предмет костяной в виде уплощенного стержня с заостренным и тупым концами. Длина 90 мм, ширина 13 мм.
4615-629	Предмет костяной в виде пластинки, на одном конце утолщенный и заостренный, на другом – уплощенный с острыми краями (конец обломан). Длина 110 мм., ширина 23 мм.
4615-630	Обломок трубчатой кости с заостренным концом. Длина 75 мм., ширина 18 мм.
4615-631	Обломок рога, заостренный на конце. Длина 48 мм., ширина 11 мм.

4615-632	Обломок трубчатой кости с обработанной поверхностью. Длина 49 мм., ширина 7 мм.
4615-633	Обломок трубчатой кости с заостренным концом. Длина 76 мм., ширина 19 мм.
4615-634	Стержень костяной прямоугольного сечения. Длина 24 мм., ширина 7 мм.
4615-635	Наконечник стрелы костяной (обломок). Длина обломка 40 мм.
4615-636	Пластинка костяная. Длина 50 мм., ширина 24 мм.
4615-637	Обрезок рога. Длина 52 мм., ширина 27 мм.
4615-638	Обломок предмета из рога. Длина 57 мм., ширина 23 мм.
С 4615-639 по 4615-677	Черепки глиняных сосудов от венчика. Сосуды маленькие, плоскостенные. Орнамент – в виде рядов косых и пересекающихся насечек и оттисков гребенки, желобков, горизонтальных линий, зигзагов и фестонов. Длина 25-75 мм.
С 4615-678 по 4615-892	Черепки глиняных сосудов от венчика со скошенным краем. Длина 25-170 мм.
С 4615-893 по 4615-1116	Черепки глиняных сосудов от венчика с прямым или закругленным краем. Орнамент – ряд ямок, выдавленных изнутри бугорков. На некоторых черепках ряды оттисков гребенки или косых насечек. Длина 25-120 мм.
С 4615-1117 по 4615-1119	Черепки глиняных сосудов от венчика. Без орнамента. Длина 40-70 мм.
4615-1120	То же. Орнамент – ряд ямок. Длина 75 мм.
4615-1121	То же. Без орнамента. Длина 40 мм.
4615-1122	То же. Орнамент – заштрихованные треугольники. Длина 45 мм.
4615-1123	То же. Без орнамента. Длина 45 мм.
4615-1124	То же. Орнамент – ряд ямок. Длина 30 мм.
С 4615-1125 по 4615-1126	То же. Без орнамента. Длина 40-55 мм.
4615-1127	Черепок глиняного сосуда от венчика. Орнамент – ряд насечек по обрезу венчика и ряд ямок, чередующихся с выдавленными изнутри бугорками. Длина 40 мм.
С 4615-1128 по 4615-1130	То же. Орнамент – ряд насечек. Длина 30-45 мм.
С 4615-1131 по 4615-1207	Черепки глиняных сосудов срединные. Орнамент – ряды оттисков различных чеканов и выдавленных изнутри бугорков, а также фестоны и валики с насечками. Длина 25-95 мм.
С 4615-1208 по 4615-1218	Черепки глиняных сосудов с частью плоского дна. Без орнамента. Длина 50-105 мм.
С 4615-1219 по 4615-1283	Кости животных и птиц из верхнего слоя.
С 4615-1284 по 4615-1290	Кости животных из верхнего и среднего слоя. Квадрат 14.
С 4615-1291 по 4615-1299	Кости рыб из верхнего слоя.
С 4615-1300 по 4615-1301	Обломки раковин из верхнего слоя.
С 4615-1302 по	Кости животных и птиц из среднего слоя.

4615-1365	
С 4615-1366 по 4615-1375	Кости рыб из среднего слоя.
С 4615-1376 по 4615-1379	Кости рыб и мелких животных. Средний слой.
С 4615-1380 по 4615-1465	Кости животных и птиц. Нижний слой.
С 4615-1466 по 4615-1478	Кости рыб. Нижний слой.
С 4615-1479 по 4615-1482	Обломки раковин. Нижний слой.
С 4615-1483 по 4615-1484	Кости рыб и мелких животных. Нижний слой.
С 4615-1485 по 4615-1504	Кости животных из песка, ниже почвенного слоя.
4615-1505	Обломки костей животных, ниже почвенного слоя.
С 4615-1506 по 4615-1513	Кости рыб из песка, ниже почвенного слоя.
4615-1514	Обломки раковин из песка, ниже почвенного слоя.
С 4615-1515 по 4615-1523	Кости животных, собранные с поверхности дюн.
4615-1524	Кости рыб, собранные с поверхности дюн.
С 4615-1525 по 4615-1527	Образцы почвы из трех почвенных слоев.
4615-1528	Куски цементированной массы из 13 квадратов среднего слоя.
4615-1529	Кусок песчаника (терка). Длина 80 мм., ширина 30 мм. Средний слой погребенной почвы. Квадрат 14.
4615-1530	Обломок костяного наконечника стрелы. Длина 25 мм., ширина 13 мм. Средний слой погребенной почвы. Квадрат 8.
4615-1531	Чашка глиняная полусферической формы. Орнамент – горизонтальная и ряд косых линий, составленных из мелких нарезок. Склеен из черепков и дополнен гипсом. Диаметр 120 мм., высота 80 мм. Средний слой погребенной почвы. Квадрат 10.
4615-1532	То же. Орнамент – фестоны, составленные из оттисков крестовидного штампа. Склеен из черепков. Диаметр 96 мм., высота 70 мм.
4615-1533	Сосуд глиняный баночной формы со стенками, загнутыми в верхней части внутрь. Орнамент – ряд косых насечек по обрезу венчика, ряд выдавленных изнутри и чередующихся с угловыми оттисками «лопатка» бугорков, валик с косыми насечками, фестоны из оттисков «лопатки». Склеен из черепков и дополнен гипсом. Диаметр горла – 135 мм., диаметр сосуда – 175 мм., высота – 165 мм. Подобен на поверхности выдува.

29 марта 1929 г.

Приложение 17

Коллекция № 4616

Собрана по поручению Этнографического Отдела Государственного Русского Музея М.П. Грязновым в 1925 г.

Зарегистрировал М.П. Грязнов

Бийский округ, с. Большереченское, II дюнная стоянка, урочище Ближние Елбаны.

Стоянка находится на последнем холме из цепи дюн, расположенных к западу от села. Приблизительно половина дюн раздута. На поверхности выдува лежали обломки костей животных и человека, черепки сосудов и разные предметы. Под слоем песка, толщиной от 20 до 50 см находится слой, содержащий в себе различные остатки деятельности человека. Толщина культурного слоя 20-60 см. Раскопка произведена вдоль обнажения культурного слоя. Кроме того, произведены сборы различных предметов на поверхности выдува.

№ предмета в коллекции	Описание
4616-1	Нож железный небольших размеров. Длина 95 мм, длина лезвия 70 мм. Квадрат 8.
4616-2	Наконечник стрелы костяной с ромбическим сечением и уплощенным нижним концом. Длина 65 мм, ширина 13 мм. Квадрат 2.
4616-3	Часть рыболовного крючка. Длина 65 мм. Квадрат 8.
4616-4	Точильный брусок из серого сланца (обломок). Длина 75 мм, ширина 35 мм. Квадрат 15.
4616-5	То же. Длина 50 мм, ширина 35 мм. Квадрат 19.
4616-6	Инструмент из кости (большая берцовая кость барана). Квадрат 9.
4616-7	Обломок железного кольца. Диаметр 15 мм. Квадрат 15.
4616-8	Каменная буса круглой формы (сердолик). Диаметр 9 мм.
4616-9	Костяной наконечник стрелы с треугольным сечением и уплощенным нижним концом. Длина 120 мм. Найден на поверхности выдува.
4616-10	Обрезок кости неопределенного назначения. Длина 125 мм, ширина 18 мм. Найден на поверхности выдува.
4616-11	Роговой наконечник стрелы с круглым сечением и втулкой для насада. Длина 40 мм. Найден на поверхности выдува.
4616-12	Обломок костяного шила (острие). Длина 65 мм. Найден на поверхности выдува.
4616-13	Обломок роговой булавки (верхняя часть с головкой). Длина 35 мм. Найден на поверхности выдува.
С 4616-14 по 4616-24	Черепки от венчиков глиняных сосудов. Без орнамента. Длина 30-80 мм.
С 4616-25 по 4616-33	То же. Орнамент – ряд выдавленных изнутри бугорков или оттисков. По обрезу бортика ряды поперечных насечек. Длина 20-60 мм.
4616-34	То же. Без орнамента. Длина 85 мм.
С 4616-35 по 4616-44	Черепки глиняных сосудов срединные. Орнамент штриховый и чеканный. Длина 25-60 мм.

С 4616-45 по 4616-49	Черепки глиняных сосудов с частью плоского дна. Длина 30-110 мм.
4616-50	Черепки глиняных сосудов срединные (2 штуки). Длина 35 мм. Квадрат 1.
4616-51	То же (5 штук). Длина 30-80 мм. Квадрат 2.
4616-52	То же (6 штук). Длина 20-50 мм. Квадрат 3.
4616-53	То же (6 штук). Длина 30-40 мм. Квадрат 4.
4616-54	То же (1 штука). Длина 60 мм. Квадрат 5.
4616-55	То же (4 штуки). Длина 30-75 мм. Квадрат 7.
4616-56	То же (6 штук). Длина 25-100 мм. Квадрат 8.
4616-57	То же (6 штук). Длина 35-70 мм. Квадрат 9.
4616-58	То же (4 штуки). Длина 35-70 мм. Квадрат 10.
4616-59	То же (7 штук). Длина 25-90 мм. Квадрат 11.
4616-60	То же (3 штуки). Длина 30-60 мм. Квадрат 12.
4616-61	То же (4 штуки). Длина 30-40 мм. Квадрат 13.
4616-62	То же (4 штуки). Длина 35-45 мм. Квадрат 14.
4616-63	То же (3 штуки). Длина 25-55 мм. Квадрат 15.
4616-64	То же (1 штука). Длина 30 мм. Квадрат 16.
4616-65	То же (4 штуки). Длина 30-50 мм. Квадрат 17.
4616-66	То же (2 штуки). Длина 30-50 мм. Квадрат 18.
4616-67	То же (1 штука). Длина 30 мм. Квадрат 21.
С 4616-68 по 4616-123	Черепки глиняных сосудов. Орнамент в виде насечек или ногтевых вдавлений. Длина 20-130 мм. Собраны на поверхности выдува.
С 4616-124 по 4616-138	Обломки челюстей крупных млекопитающих (с зубами) из культурного слоя.
С 4616-139 по 4616-191	Зубы млекопитающих из культурного слоя.
4616-192	Челюсть хищного животного. Квадрат 10, горизонт 1.
4616-193	Челюсть грызуна. Квадрат 5, горизонт 2.
С 4616-194 по 4616-202	Обломки черепов и нижней челюсти.
4616-203	Лопатка мелкого животного. Квадрат 11, горизонт 2.
С 4616-204 по 4616-207	Обломки плечевых костей млекопитающих из культурного слоя.
С 4616-208 по 4616-215	Локтевые кости млекопитающих из культурного слоя.
С 4616-216 по 4616-217	Обломки лучевых костей млекопитающих из культурного слоя.
С 4616-218 по 4616-221	Обломки тазовых костей млекопитающих из культурного слоя.
С 4616-222 по 4616-225	Обломки бедренных костей млекопитающих из культурного слоя.
С 4616-226 по 4616-227	Обломки больших берцовых костей из культурного слоя.
С 4616-228 по 4616-286	Мелкие кости ног млекопитающих из культурного слоя.
С 4616-287 по 4616-293	Обломки костей млекопитающих из культурного слоя.
С 4616-294 по 4616-302	Фаланги млекопитающих из культурного слоя.
С 4616-303 по	Обломки млекопитающих из культурного слоя.

4616-306	
С 4616-307 по 4616-310	Ребра млекопитающих из культурного слоя.
С 4616-311 по 4616-346	Мелкие кости разных животных из культурного слоя.
4616-347	Кости скелета собаки (череп, нижняя челюсть, 7 позвонков, 15 ребер, 2 лучевых, 2 локтевых кости). Квадрат 1 и 3.
С 4616-348 по 4616-383	Кости мелких грызунов из культурного слоя.
С 4616-384 по 4616-406	Кости мелких животных, собранные на поверхности выдува.
С 4616-409 по 4616-410	Кости рыб. Квадрат 1.
4616-411	То же. Квадрат 2.
4616-412	То же. Квадрат 3.
4616-413	То же. Квадрат 8.
4616-414	То же. Квадрат 11.
4616-415	То же. Квадрат 13.
4616-416	То же. Квадрат 15.
4616-417	То же. Квадрат 19.
4616-418	То же. Квадрат 20.
4616-419	То же. Квадрат 21.

Приложение 18

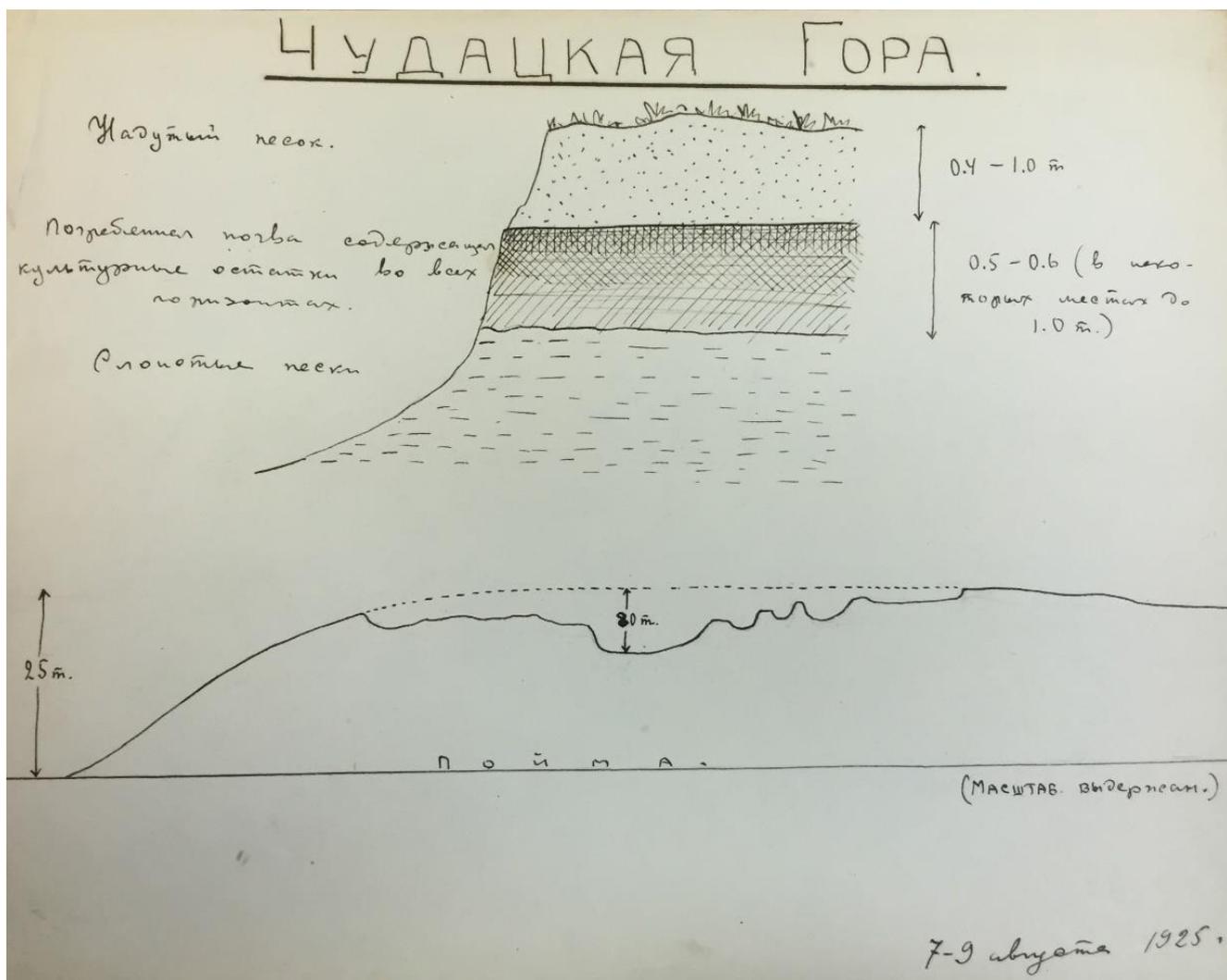
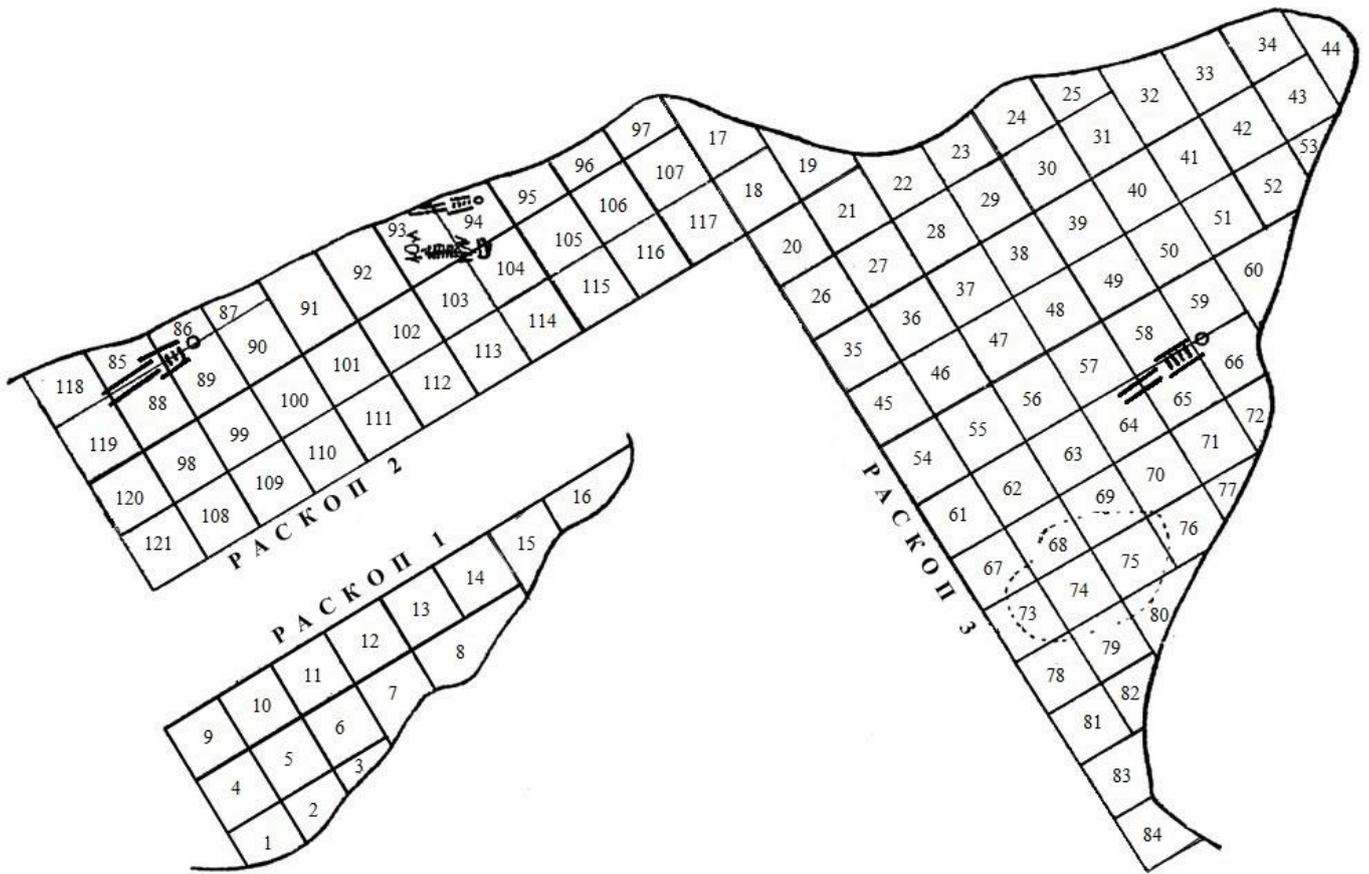


Схема памятника Чудацкая гора, сделанная М.П. Грязновым в 1925 г.

(МАЭ ОмГУ. Ф. III. Д. 16. Л. 83)

Приложение 19



План раскопок Чудацкой Горы (по: Миллер, 1934)

Приложение 20



Рис. 1.

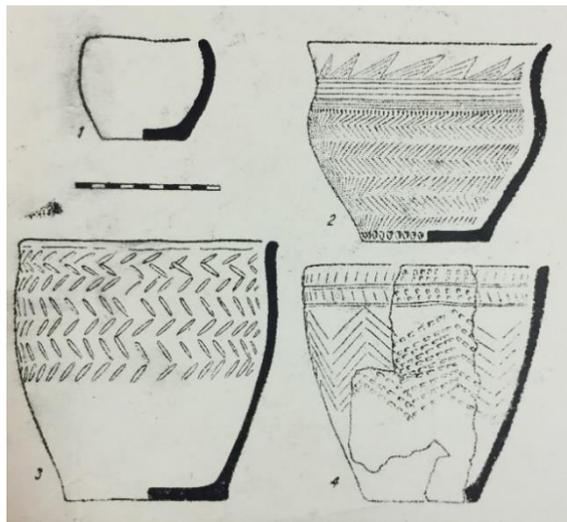


Рис. 2.

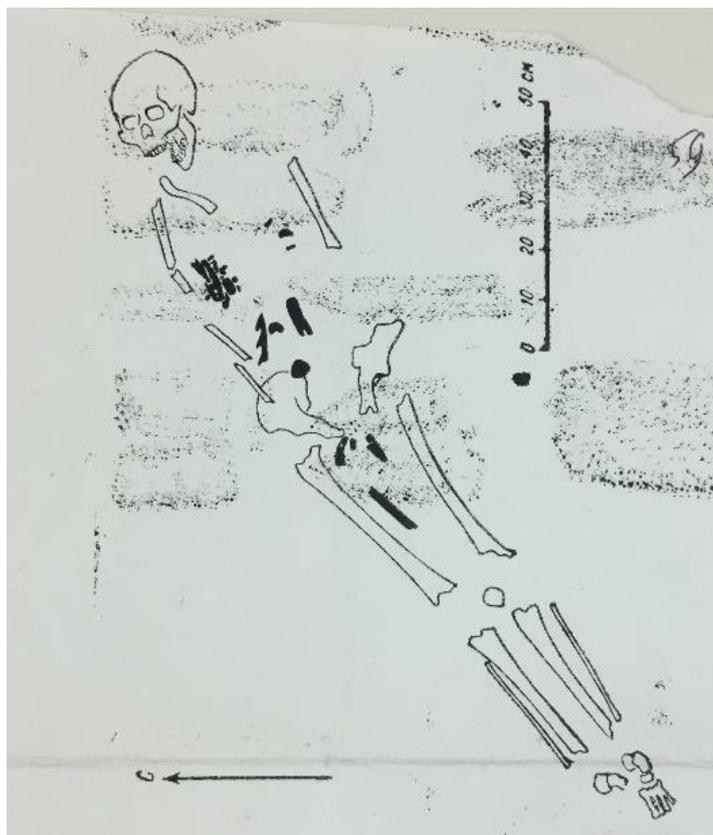


Рис. 3.

Изображения к статье «Эпоха бронзы в районе Верхней Оби»
(МАЭ ОмГУ. Ф. III. Д. 16)

Приложение 21



Урочище Яконур, вид с востока
(НА ИИМК РАН. Фотоархив. Кол. 3307)



Могильник Яконур в процессе раскопок
(НА ИИМК РАН. Фотоархив. Кол. 3307)



Яконур. Бронзовое зеркало из кургана № 8

(по: Грязнов, 1940)



Яконур. Курган №5, вид с юга.
(НА ИИМК РАН. Фотоархив. Кол. 3307)

Приложение 25



Рис. 1



Рис. 2

Золотые пластинки от головного убора из кургана № 5

Рис. 1. Пластинка в моменте обнаружения (НА ИИМК РАН. Фотоархив. Кол. 3307)

Рис. 2. Пластинка на витрине экспозиции Золотой кладовой ГЭ (фото автора)

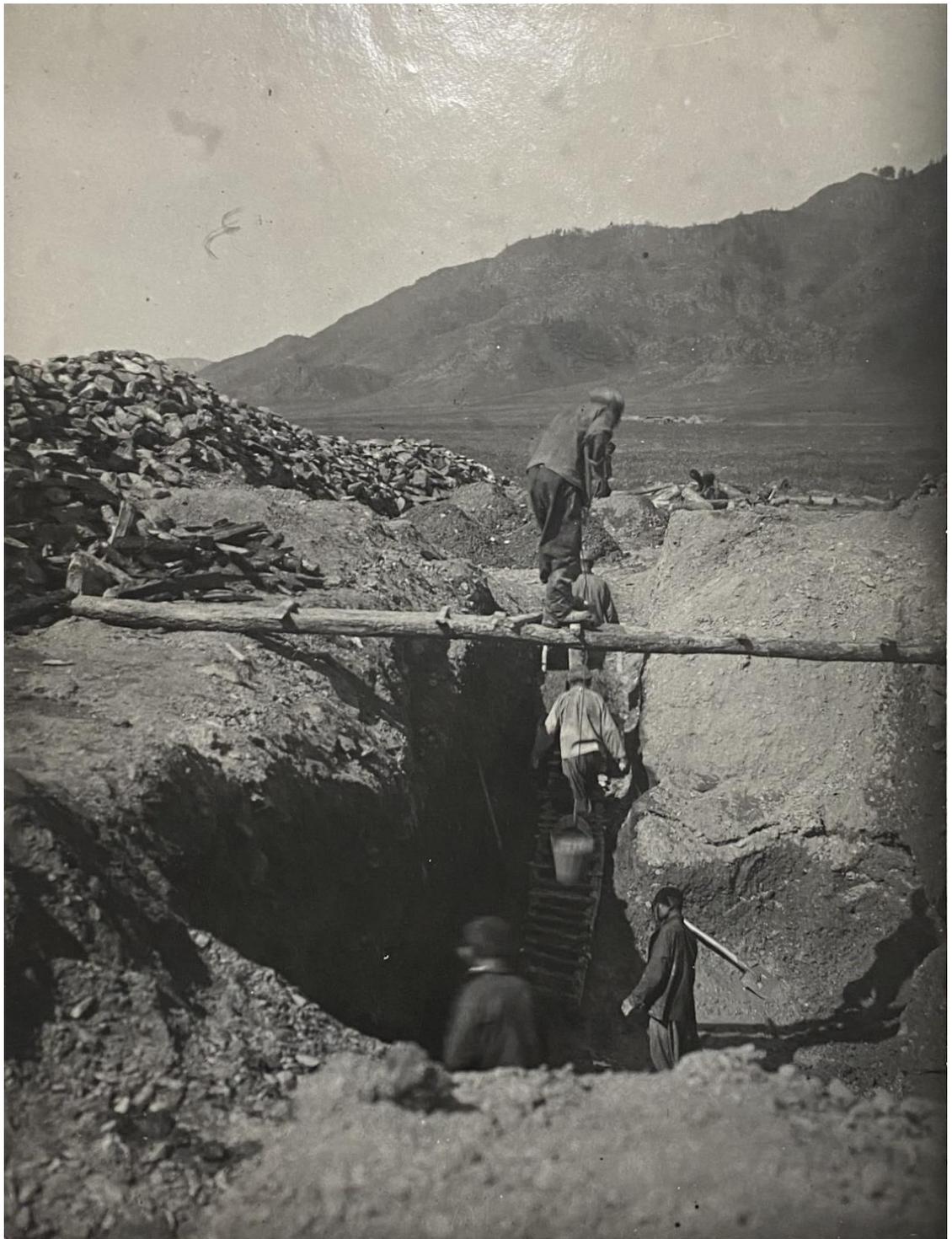


М.П. Грязнов на раскопке кургана Шибе
(НА ИИМК РАН. Фотоархив. Кол. 3307)



«Вечная» мерзлота. Большой Шибинский курган.

(НА ИИМК РАН. Фотоархив. Кол. 3307)



Выемка грунта из могильной ямы кургана Шибе
(НА ИИМК РАН. Фотоархив. Кол. 3307)



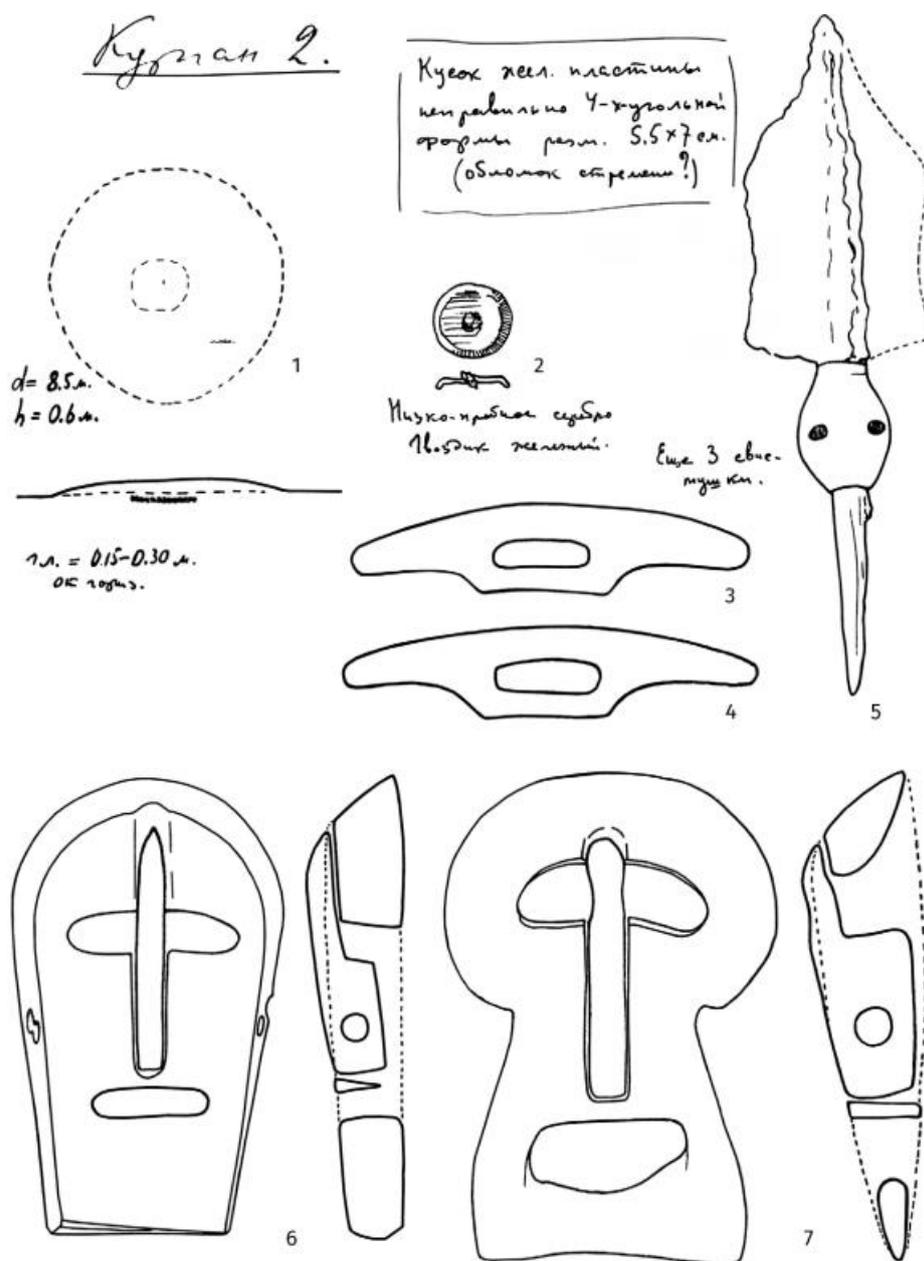
М.П. Грязнов за расчисткой погребения
(НА ИИМК РАН. Фотоархив. Кол. 3307)



Фотоснимок кургана №2 в урочище Шибе (1927 г.)

(МАЭ ОмГУ. Ф. Ш. Д. 9)

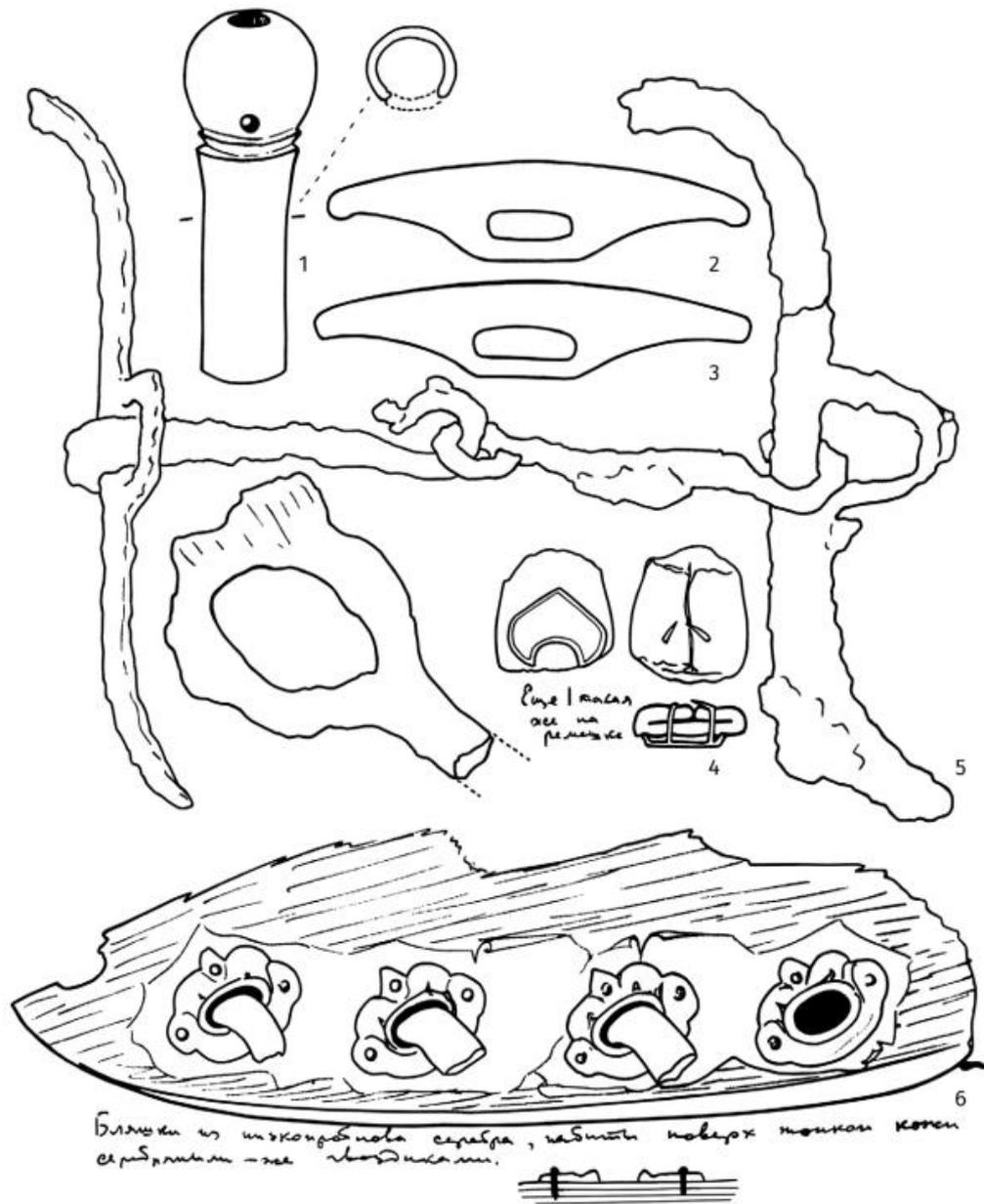
Приложение 31



Шибе, курган №2

(по: Тишкин, Мамадаков, Стяжкина, 2022)

Приложение 32



Шибе, курган №5

(по: Тишкин, Мамадаков, Стяжкина, 2022)

Приложение 33

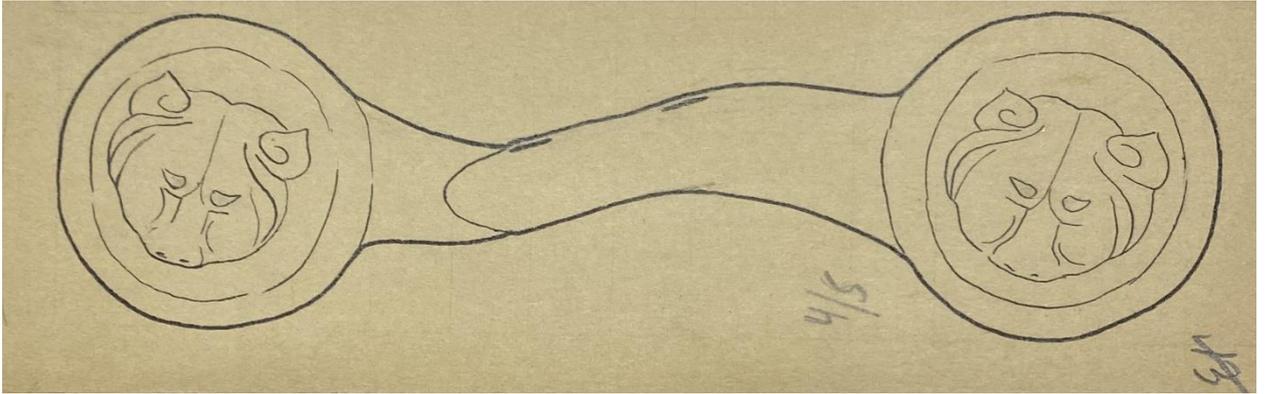


Рис. 1

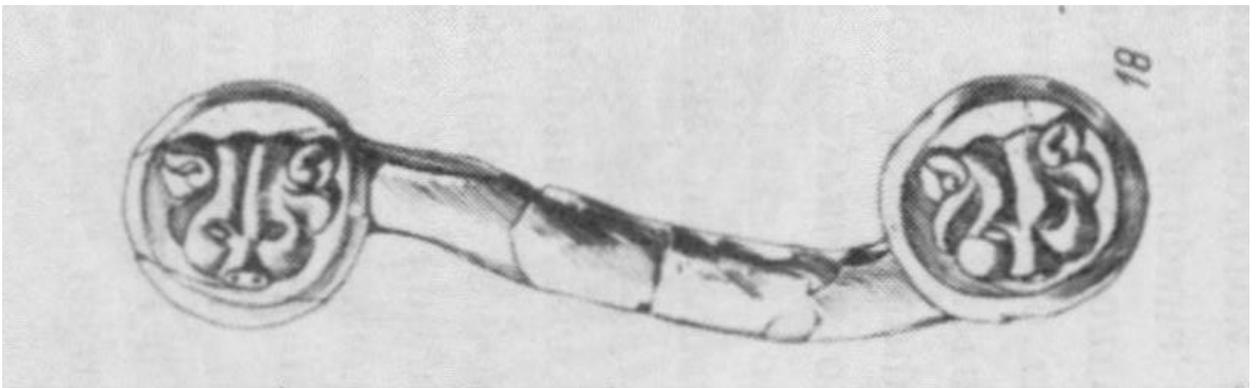


Рис. 2

Деревянный псалий, покрытый золотом

Рис. 1. Зарисовка М.П. Грязнова

(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 232. Л. 13)

Рис. 2. Зарисовка (по: Баркова, 1979)

Приложение 34

Археологические коллекции.

Фонды отдела Сибири и Дальнего Востока/2.

Коллекция № 4888 (ящик № 820). Керексур, разные места насыпи.

Список предметов:

1. Нож железный с деревянной рукоятью
2. Фрагмент бересты
3. Фрагмент деревянного предмета с четырьмя медными бляшками
4. Трехлопастная стрела с костяной свистулькой
5. Гвоздь
6. Железная пряжка
7. Железный предмет
8. Железное кольцо
9. Фрагмент железного предмета
10. Бронзовое кольцо
11. Железная и медная пластинки, соединенные штырем
12. Серьга с перламутровой подвеской
13. Деревянная заготовка для трубки
14. Железный стержень
15. Костяной предмет
16. Пряжки из кости – 2 шт.
17. Костяные предметы – 4 шт.
18. Фрагменты шариков из кости – 3 шт.
19. Фрагменты обуглившейся бересты



Погребальная камера после снятия перекрытия. Первый Пазырыкский курган
(НА ИИМК РАН. Фотоархив. Кол. 3307)



Бревенчатый настил с грабительским ходом. Первый Пазырыкский курган
(НА ИИМК РАН. Фотоархив. Кол. 3307)



Колода в Первом Пазырыкском кургане
(НА ИИМК РАН. Фотоархив. Кол. 3307)

Приложение 38

Смета на Алтайскую экспедицию Государственного Русского Музея на 1930 г.
по раскопке княжеских погребений в Восточном Алтае

Копия

1. Покрытие задолженности по работам 1929 г – 1380.- 1380.-
2. Зимняя поездка для вывоза коллекций, трупов лошадей и для подготовки работ 1930 г. (снятие 4-х каменных насыпей)
Командировочные 2-м лицам на 2 мес. и подъемные в размере ½ мес. оклада// 100+50/х2 500.-
Проезд по жел. дор. туда и обратно с провозом багажа 300.-
Проезд на лошадях до места работ 200.-
Транспорт коллекций до жел. дор. по жел. Дор. (вагон) 500.-
Работы по съемке насыпей 4-х курганов (150 поденщин по 1 р. в день на один курган) 600.-
2600.-
3. Летние работы по раскопке 4-х курганов:
Суточные руководителю экспедиции (1х150 р. х4 мес) 600.-
Суточные сотрудникам экспедиции (4-х х100 р. х 4 мес) 1600.-
Подъемные в размере месячного оклада 550.-
Проезд по жел. дор. туда и обратно с провозом экспедиционного багажа и снаряжения (5х200 р.) 1000.-
Транспорт коллекций по жел.дор. 250.-
Проезд на место работ и обратно и провоз снаряжения и продовольствия (550/550 клм.по 1 р. 20 к.с клм) 1320.-
Наем и продовольствие рабочих, считая по 400 рабочих дней на курган при зарплате 3 р.в. день (400 дней х 3 р.х 4 кургана) при условии зимних работ по съемке каменных насыпей 4800.-
Экспедиционное снаряжение и оборудование помещения на месте работ 900.- (1900) 11.020.-
Итого:15 000 (пятнадцать тысяч рублей)

(НА ИИМК РАН. РО. Ф. 42. Д. 348. Л. 2)

Приложение 39

Объяснительная записка к смете на Алтайскую экспедицию Государственного Русского Музея по раскопке княжеских погребений в Восточном Алтае в 1930 г.

Копия

Летом 1929 г. Алтайской Экспедицией Государственного Русского Музея, помимо раскопок небольших погребений эпохи крашенных костяков и начала эпохи железа, было вскрыто монументальное погребение, относящееся ко времени 4-2 столетия до нашей эры, заключавшее в себе совершенно исключительные памятники скифской культуры. Человеческое погребение было разграблено почти нацело, конское же погребение вследствие исключительных условий сохранилось превосходно. В замороженном виде было найдено десять трупов лошадей с десятью седлами и уздами и ряд отдельных предметов, не связанных с конским убранством. Материал раскопанного погребения дает возможность с небывалой в палеоэтнологической практике подробностью восстановить картину различных трудовых процессов (земляные и строительные работы, работы по заготовке лесных материалов, по перевозке тяжестей и т.д.) и целого ряда ремесел и производств (техника обработки кожи, шерсти, меха, дерева и др. материалов, техника крашения, золочения, и серебрения, техника производства шорных и ковровых изделий и многие др.) Кроме того, погребение дало совершенно исключительный материал по искусству и ряд предметов, имеющих большое историко-культурное значение (седло, топор, ярмо и многое другое).

Исключительно трудные и в практике палеоэтнологов неизвестные условия работы в вечной мерзлоте потребовали затраты значительно большего количества труда и времени, чем это можно было предполагать. Это вынудило экспедицию возвращаться к железной дороге дешевым, но небезопасным для коллекций путем на плотках по р. Бие и вызвало перерасход в размере 1 380 р. Покрытие этого перерасхода и предусматривается в 1-м пункте сметы.

Извлеченные из погребения крупные предметы, как-то: саркофаг, трупы лошадей и ряд больших деревянных предметов, совершенно невозможно было перевезти летом по горным выучным тропам. Перевозка крупных предметов возможна только зимой по санному пути, идущему через болота и озера, а так как оставленные предметы представляют исключительную ценность, то является необходимым совершить зимой поездку на место раскопок для доставки оттуда этих предметов. Кроме того, возможность зимой получить дешевую рабочую силу делает очень выгодным часть работ, а именно, снятие каменной насыпи с 4 предназначенных к исследованию курганов, произвести зимой. Это выгодно еще и в том отношении, что освобожденные от каменного покрова погребения весной и летом смогут оттаять на некоторую глубину, что значительно облегчит производство работы. Поэтому, 2-й пункт сметы предусматривает поездку двух сотрудников именно на место раскопок, сроком на 2 месяца, для вывоза оттуда оставленных коллекций и для производства подготовительных работ (снятие 4-х каменных насыпей).

Совершенно особые условия работы вызывают необходимость приобретения специального снаряжения. Помимо обычных землекопных инструментов необходимы такие вещи, как насос, сифоны и ряд др. Извлекаемые из льда предметы из кожи, шерсти, меха, дерева и др. материалов требуют большого количества различных консервирующих веществ, а отсутствие поблизости поселений вызывает необходимость постройки на месте работ специальных помещений для просушки и обработки этих предметов. Все это требует большого расхода на снаряжение, предусмотренного в смете в размере 900 р. Большой расход также вызывает наем рабочих в связи с необходимостью доставки их на место работ за 200-300 клм, и необходимостью специального завоза всего потребного для них продовольствия.

Кроме расходов на снаряжение и наем рабочих 3-й пункт сметы предусматривает расходы на проезд сотрудников из Ленинграда до места работы и обратно, на транспорт, снаряжение по жел.дор.и до места работ, на транспорт продовольствия для сотрудников экспедиции от г. Бийска до места работ, на транспорт коллекций от места работ до Ленинграда и на суточные 5-ти участникам экспедиции в течение 4-х месяцев работы.



Пазырык, курган №5. Современное состояние
(фото автора)

Приложение 41

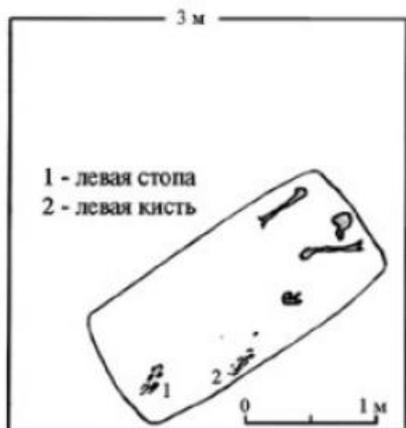


Рис. 1

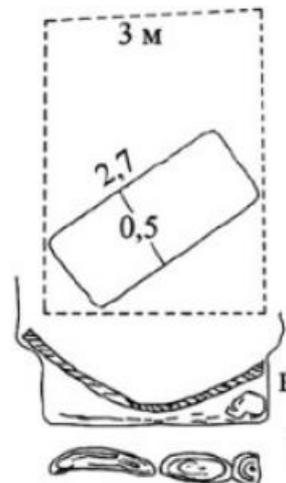


Рис. 2

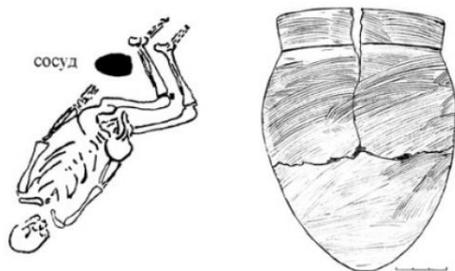


Рис. 3

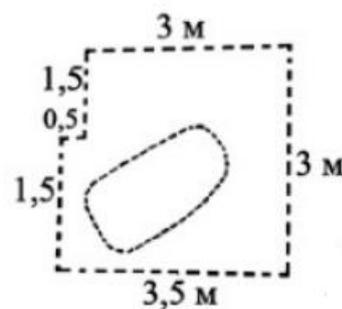


Рис. 4

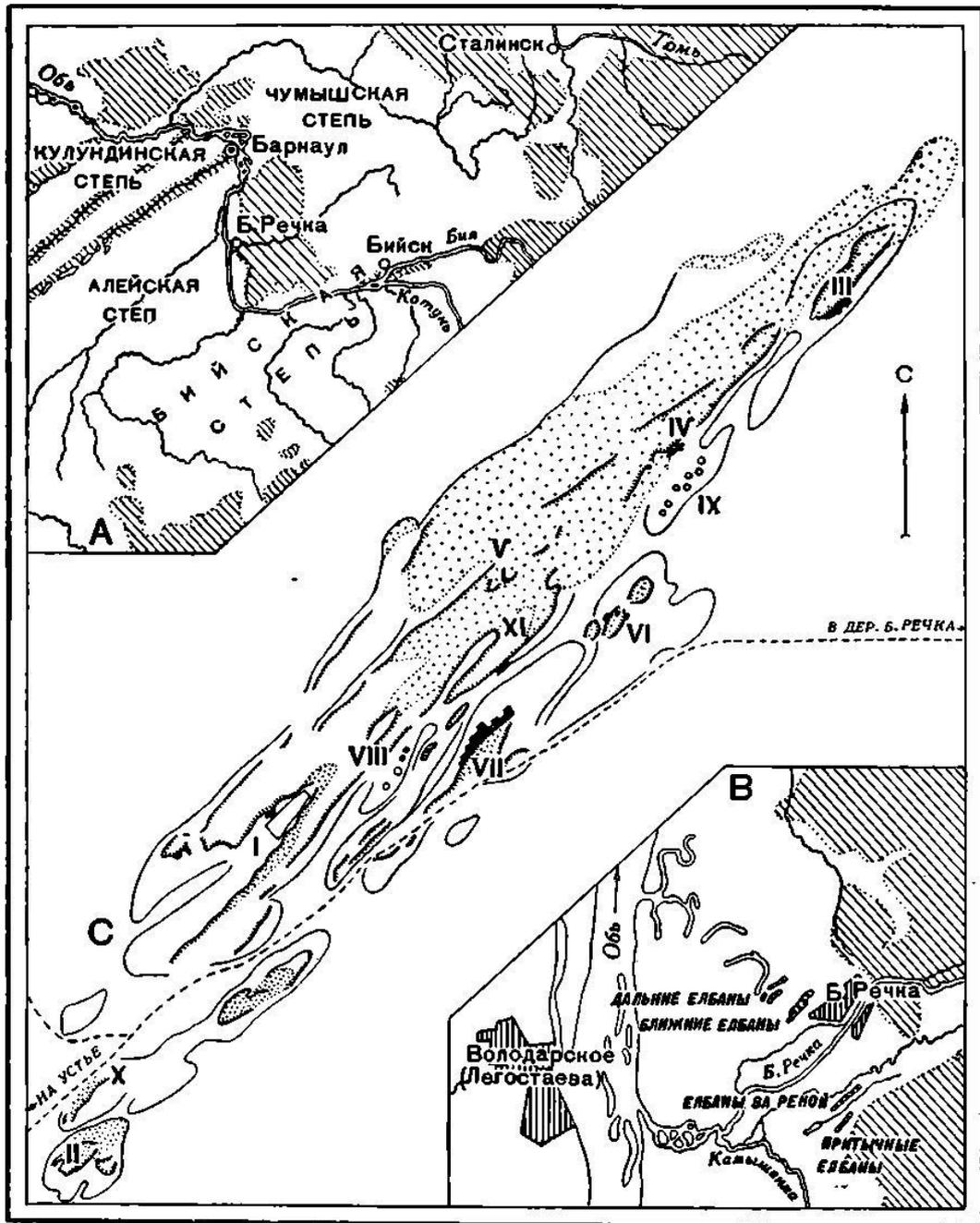
Рис. 1. Арагол, курган № 1

Рис. 2. Арагол, курган № 2

Рис. 3. Арагол, курган № 3

Рис. 4. Арагол, курган № 4

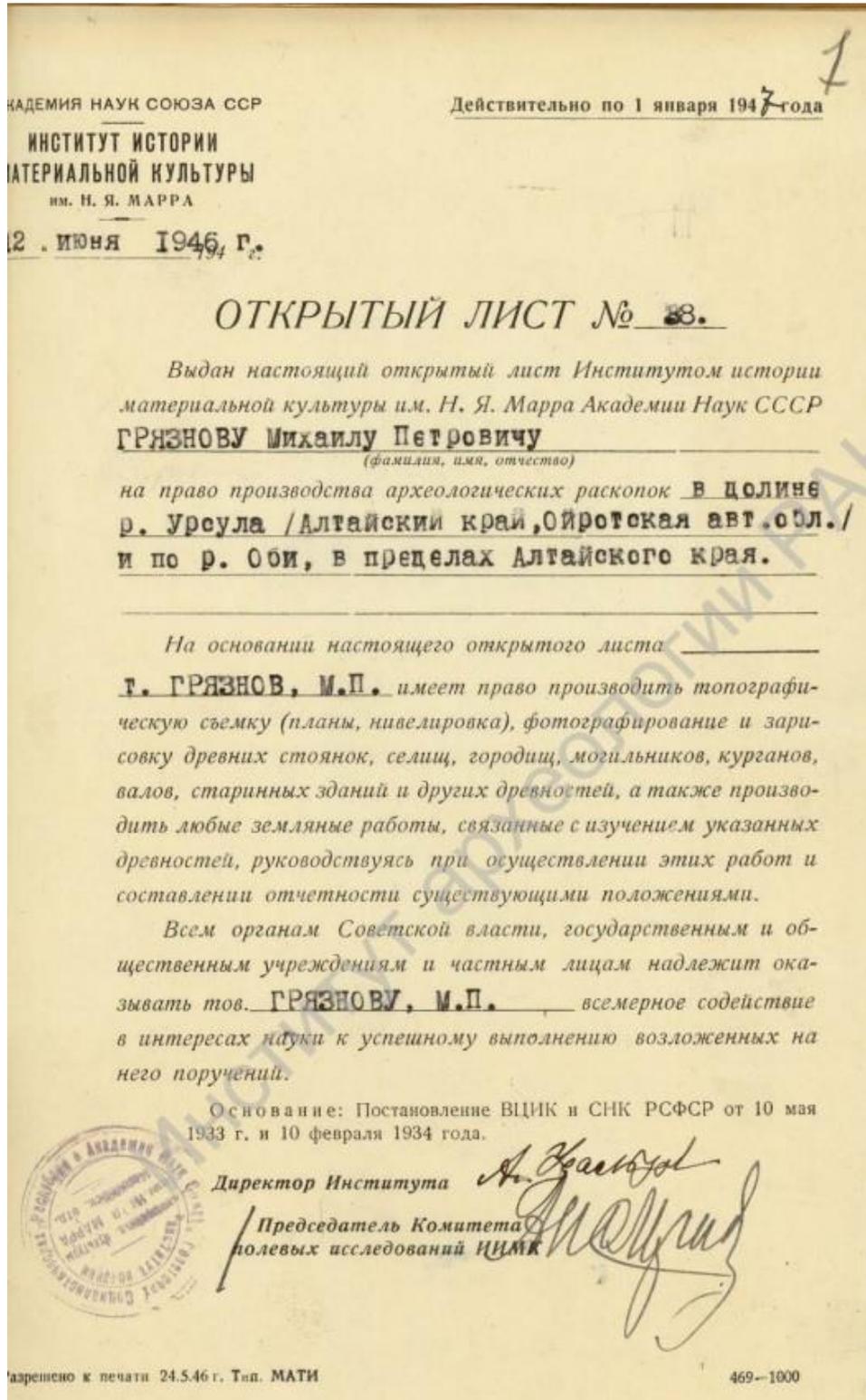
(по: Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014)



Комплекс Ближние Елбаны

(по: Грязнов, 1949)

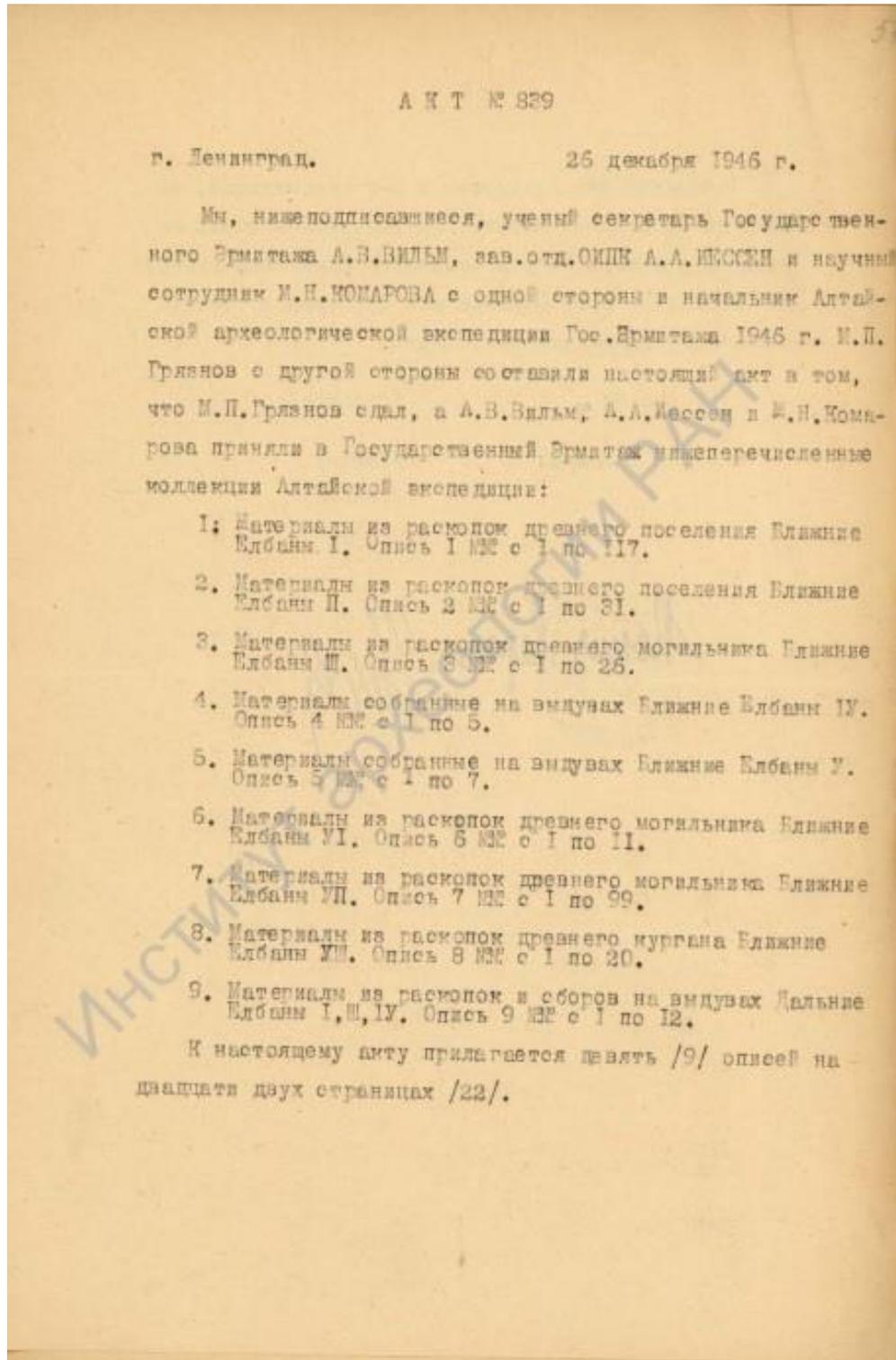
Приложение 43



Открытый лист, выданный М.П. Грязнову на проведение археологических раскопок в 1946 г.

(НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 83. Л. 1)

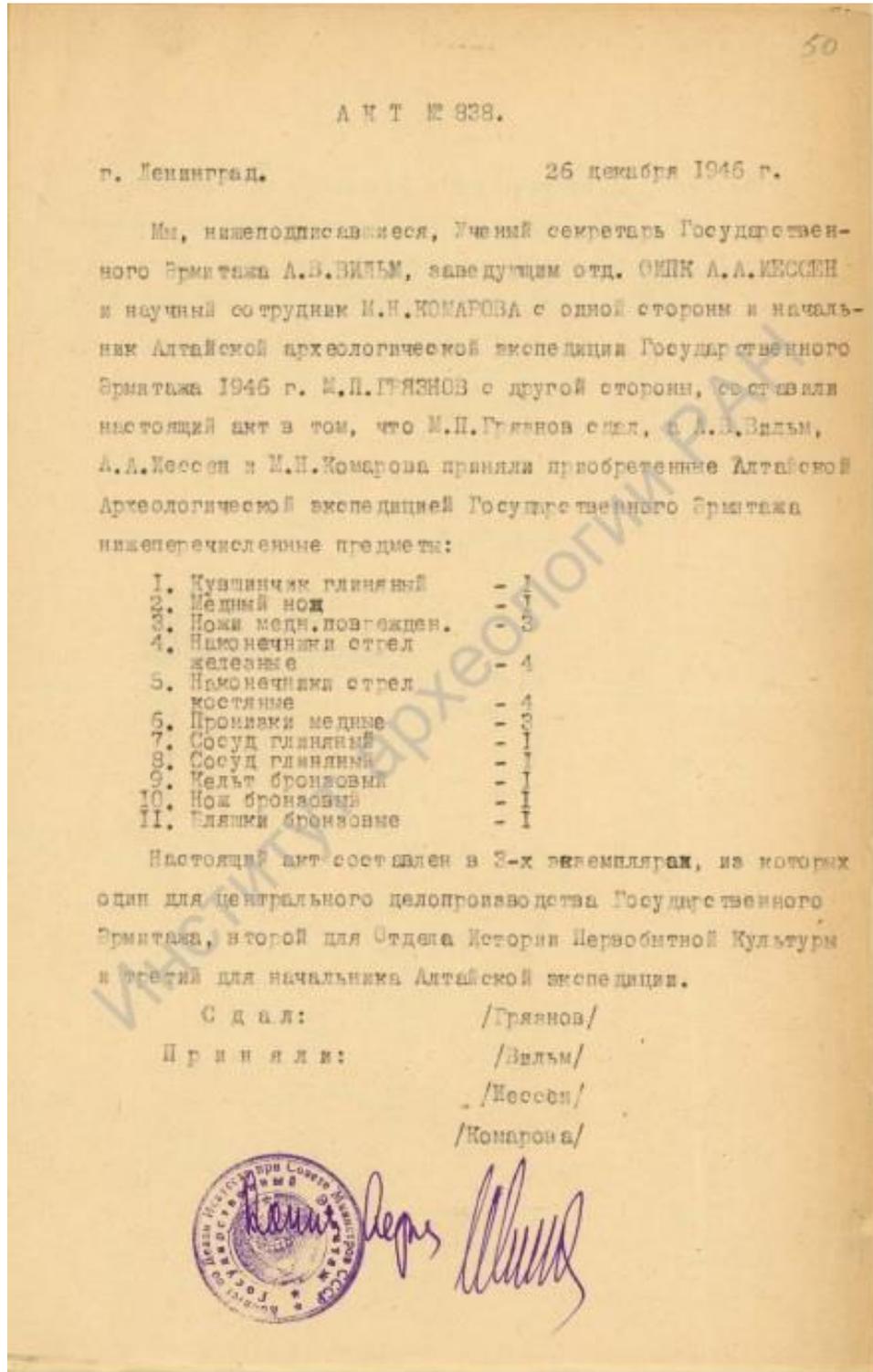
Приложение 44



Акт передачи коллекций Северо-Алтайской экспедиции в Государственный Эрмитаж

(НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 83. Л. 52)

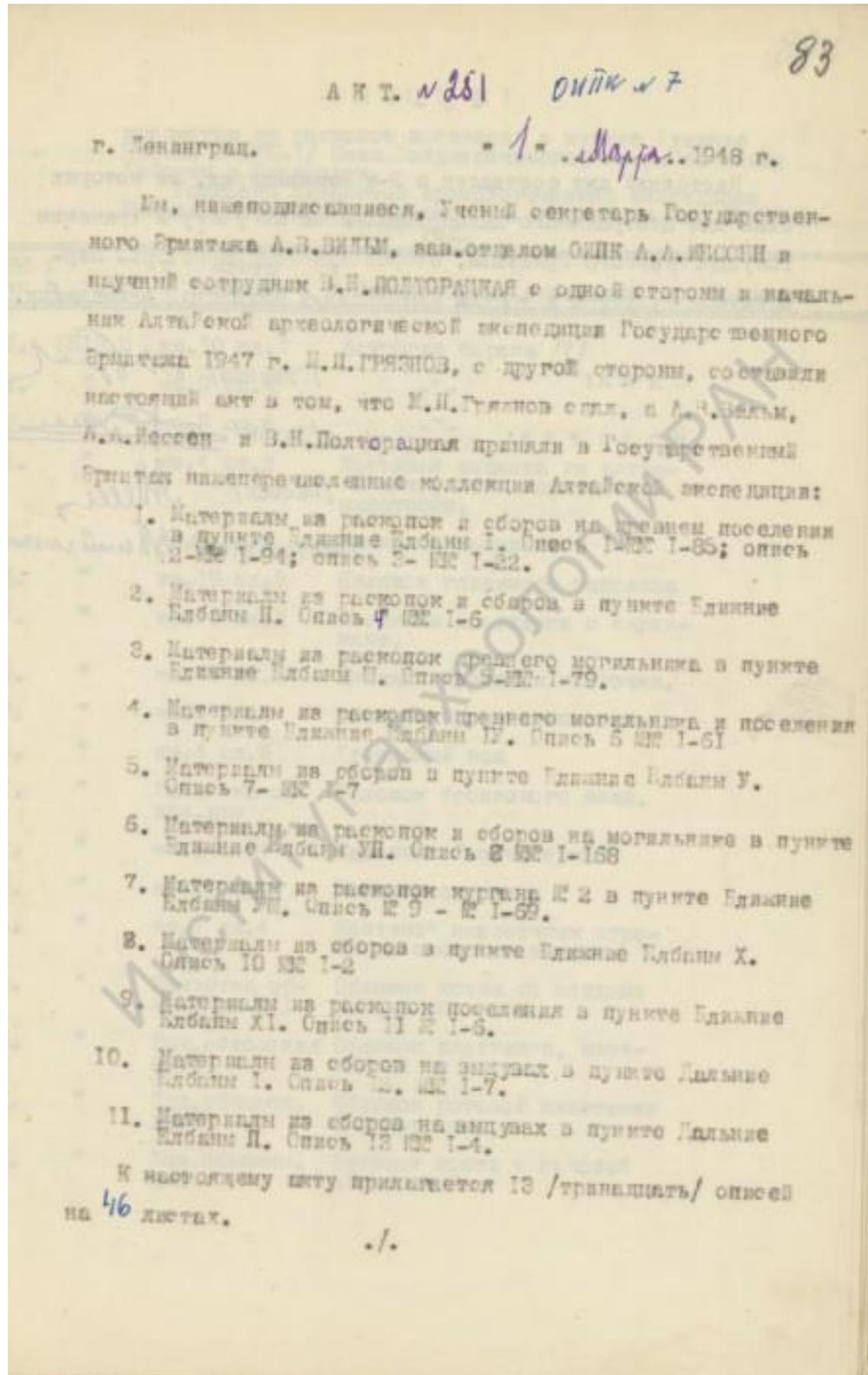
Приложение 45



Акт передачи находок Северо-Алтайской экспедиции в Государственный Эрмитаж

(НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 83. Л. 50)

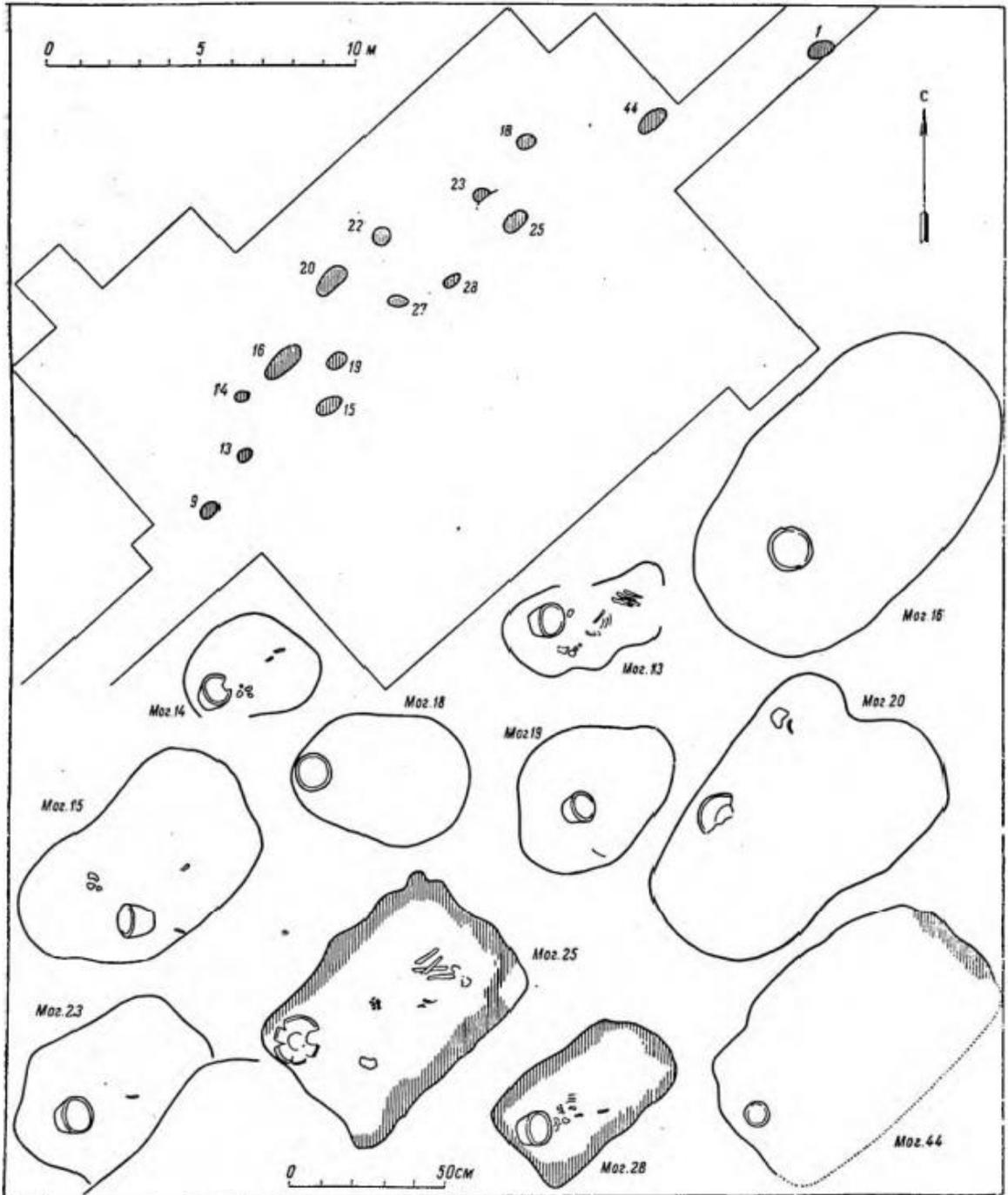
Приложение 46



Акт передачи находок Северо-Алтайской экспедиции в Государственный Эрмитаж

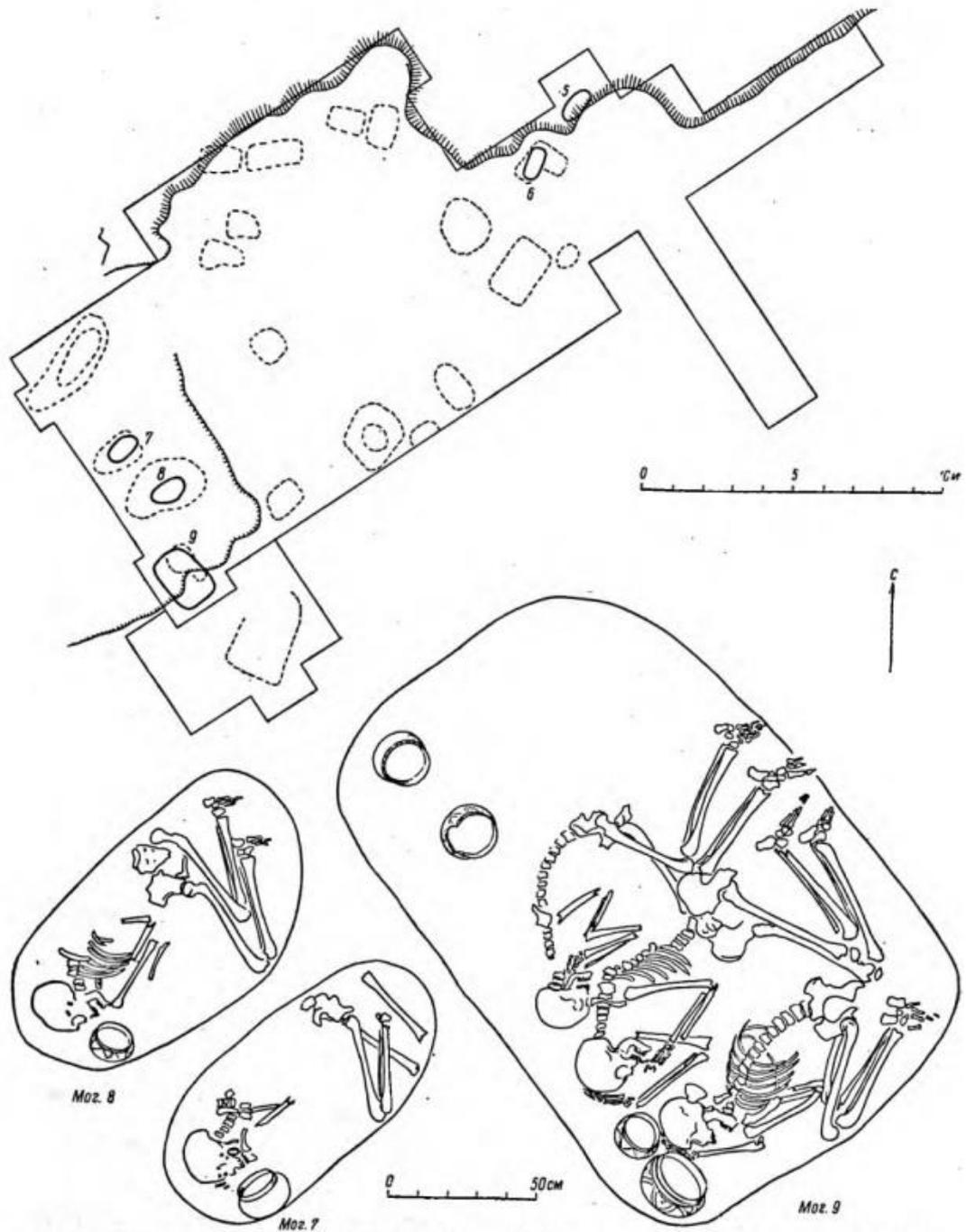
(НА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 261. Л. 83)

Приложение 47



План могильника андроновской культуры в пункте Ближние Елбаны-XIV
и планы погребений
(по: Грязнов, 1956)

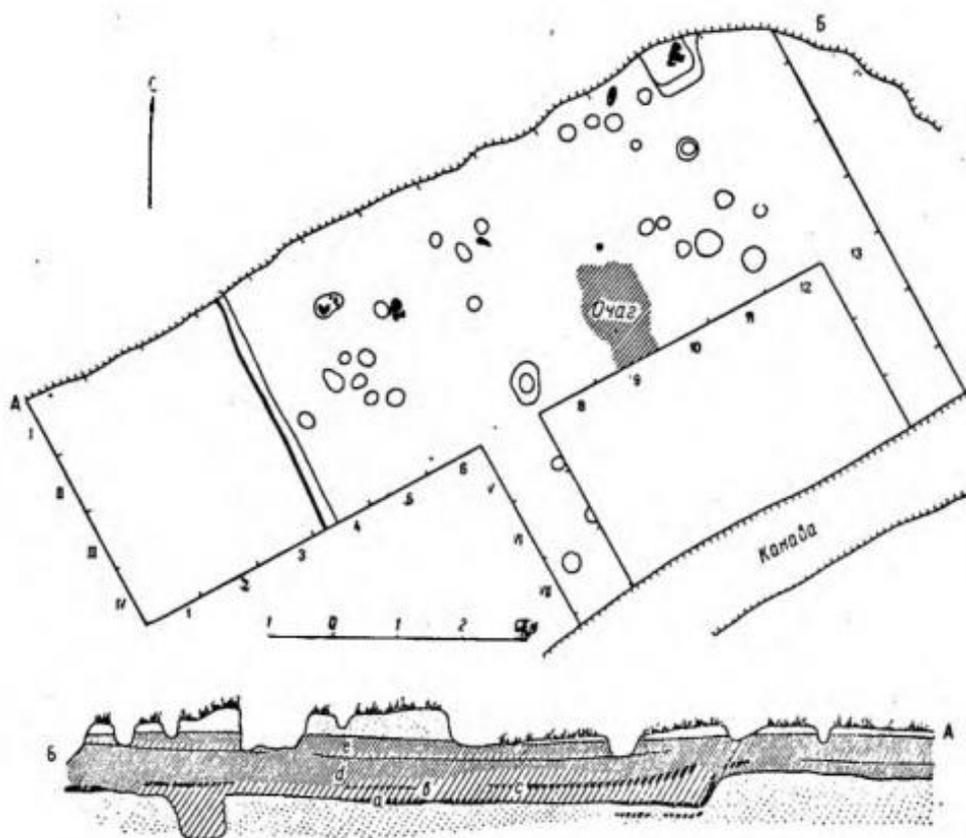
Приложение 48



Могильник карасукского времени в пункте Ближние Елбаны-IV

(по: Грязнов, 1956)

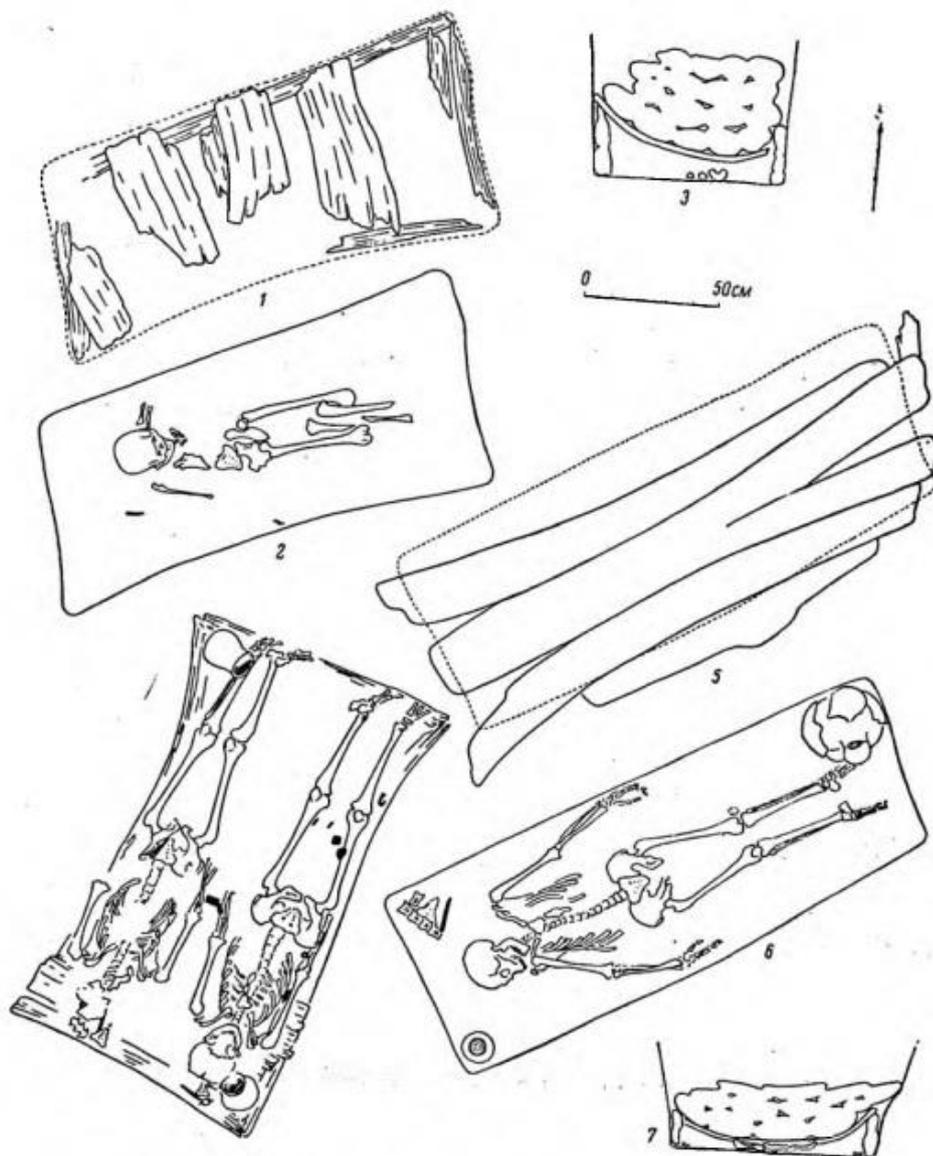
Приложение 49



План и разрез землянки в пункте Ближние Елбаны-I

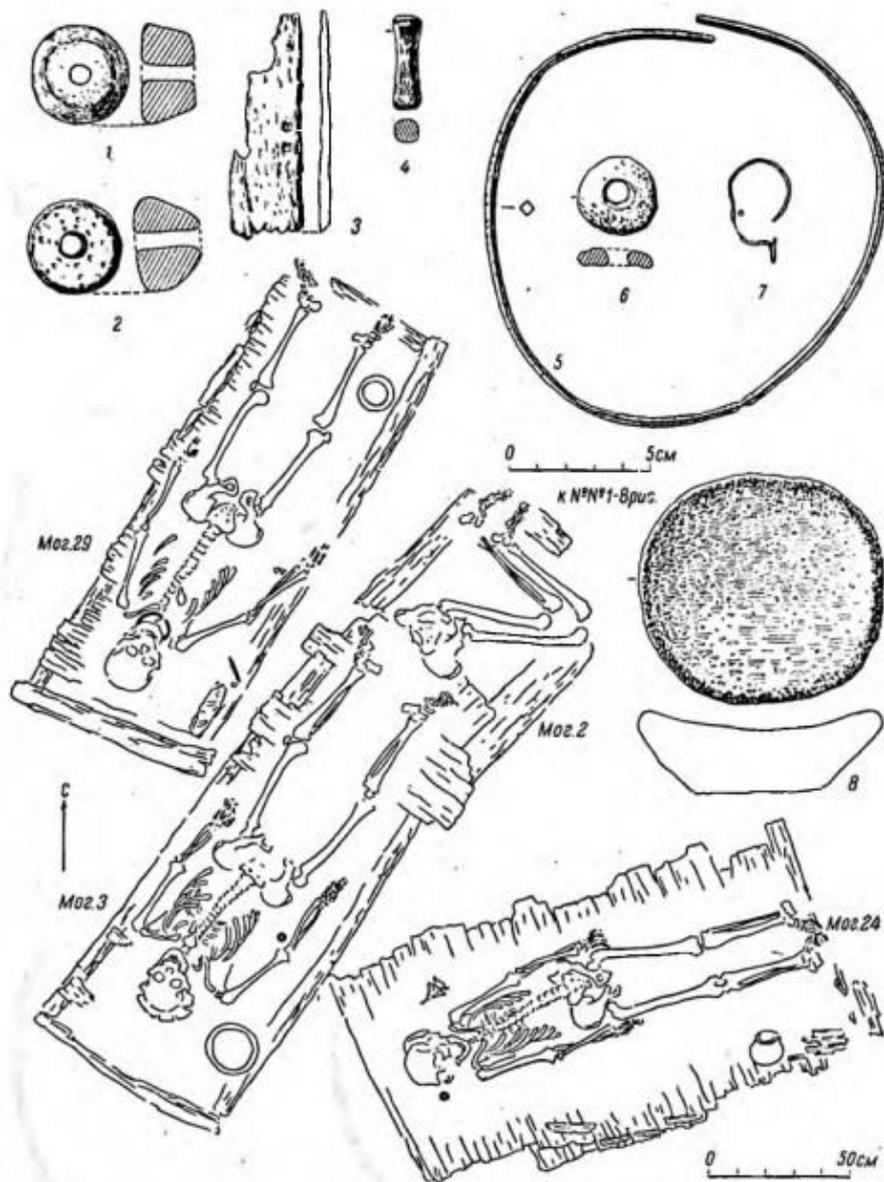
(по: Грязнов, 1956)

Приложение 50



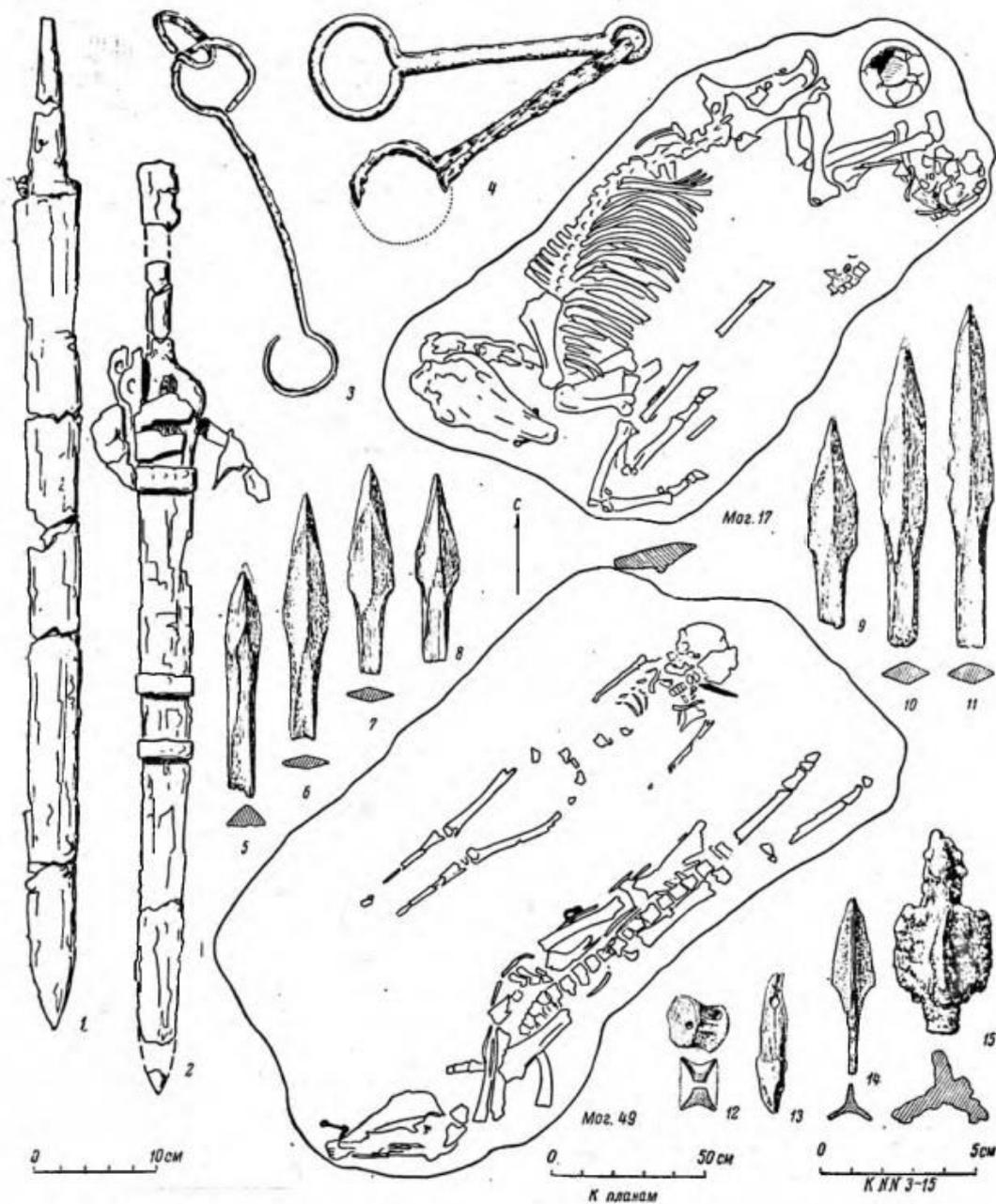
План и разрезы погребений в пункте Ближние Елбаны-III
(по: Грязнов, 1956)

Приложение 51



План погребений и находки из могильника в пункте Ближние Елбаны-ХІІ
(по: Грязнов, История древних племен...1956)

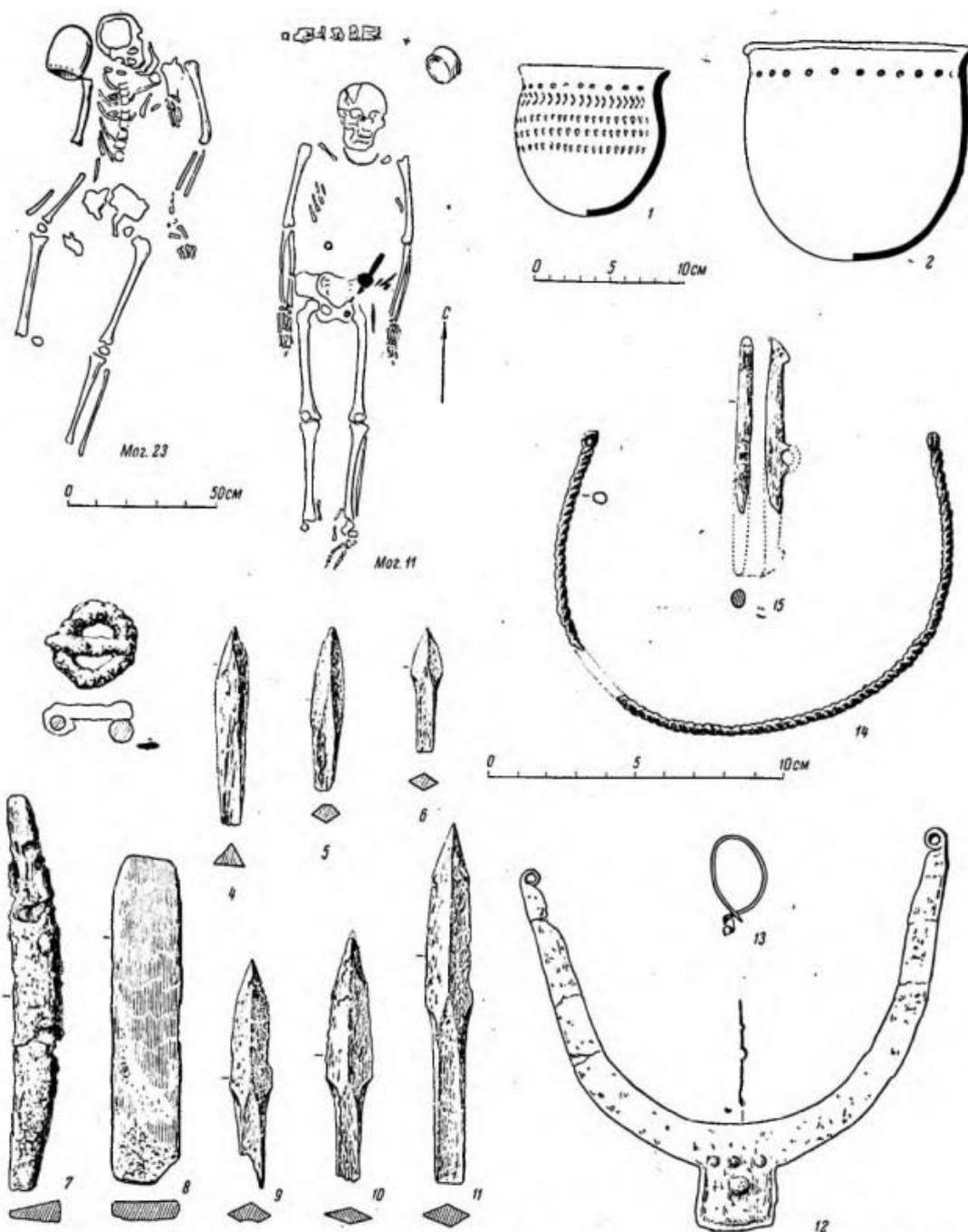
Приложение 52



Планы погребений и вещи одинцовского этапа из могильников Ближние Елбаны-ХII и ХIV

(по: Грязнов, История древних племен...1956)

Приложение 53



Планы погребений и находки из могил переходного этапа в пунктах Ближние Елбаны-VII и XII

(по: Грязнов, История древних племен...1956)

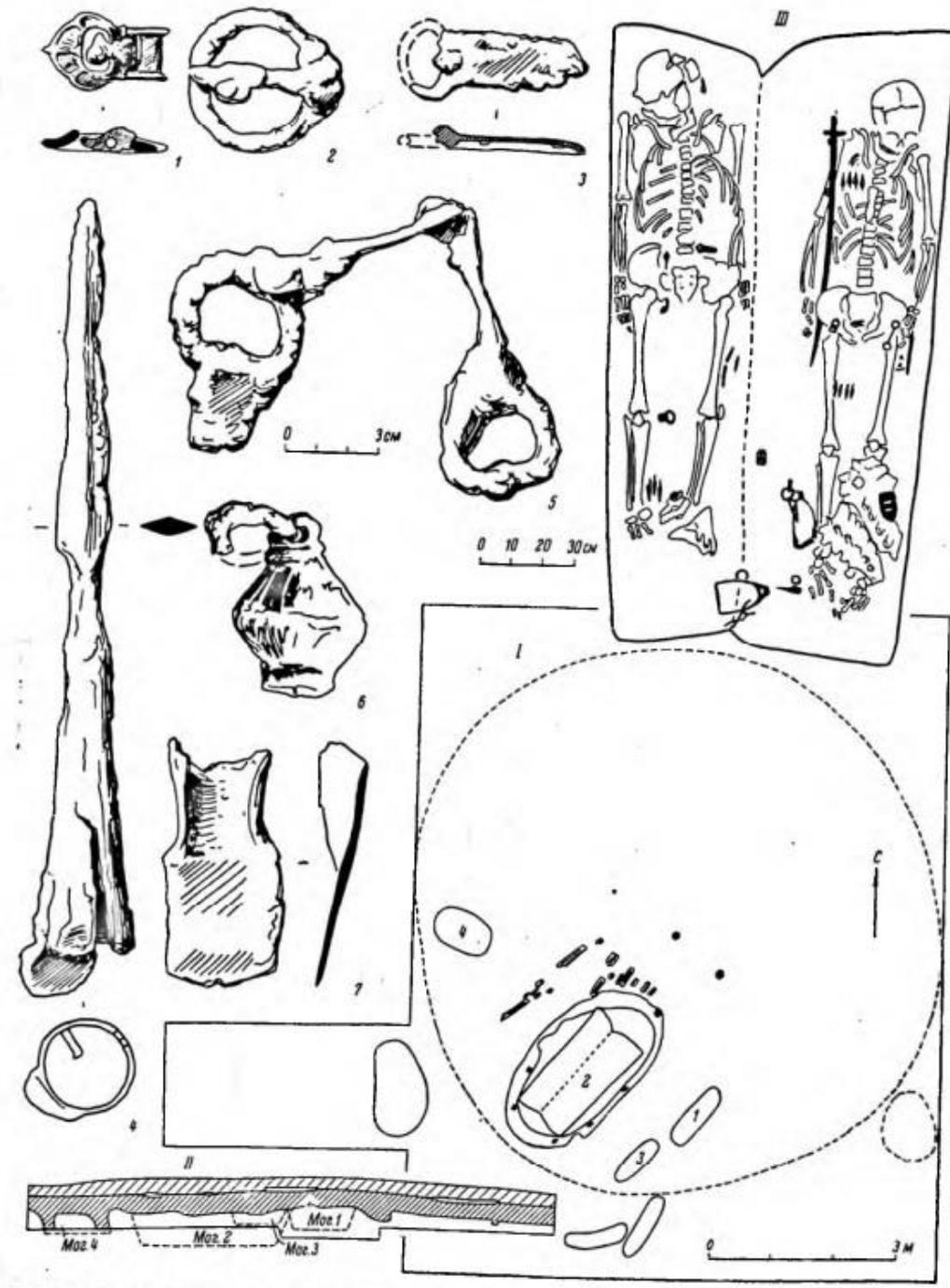
Приложение 54



Находки из могильника фоминского этапа в пункте Ближние Елбаны-VII

(по: Грязнов, История древних племен...1956)

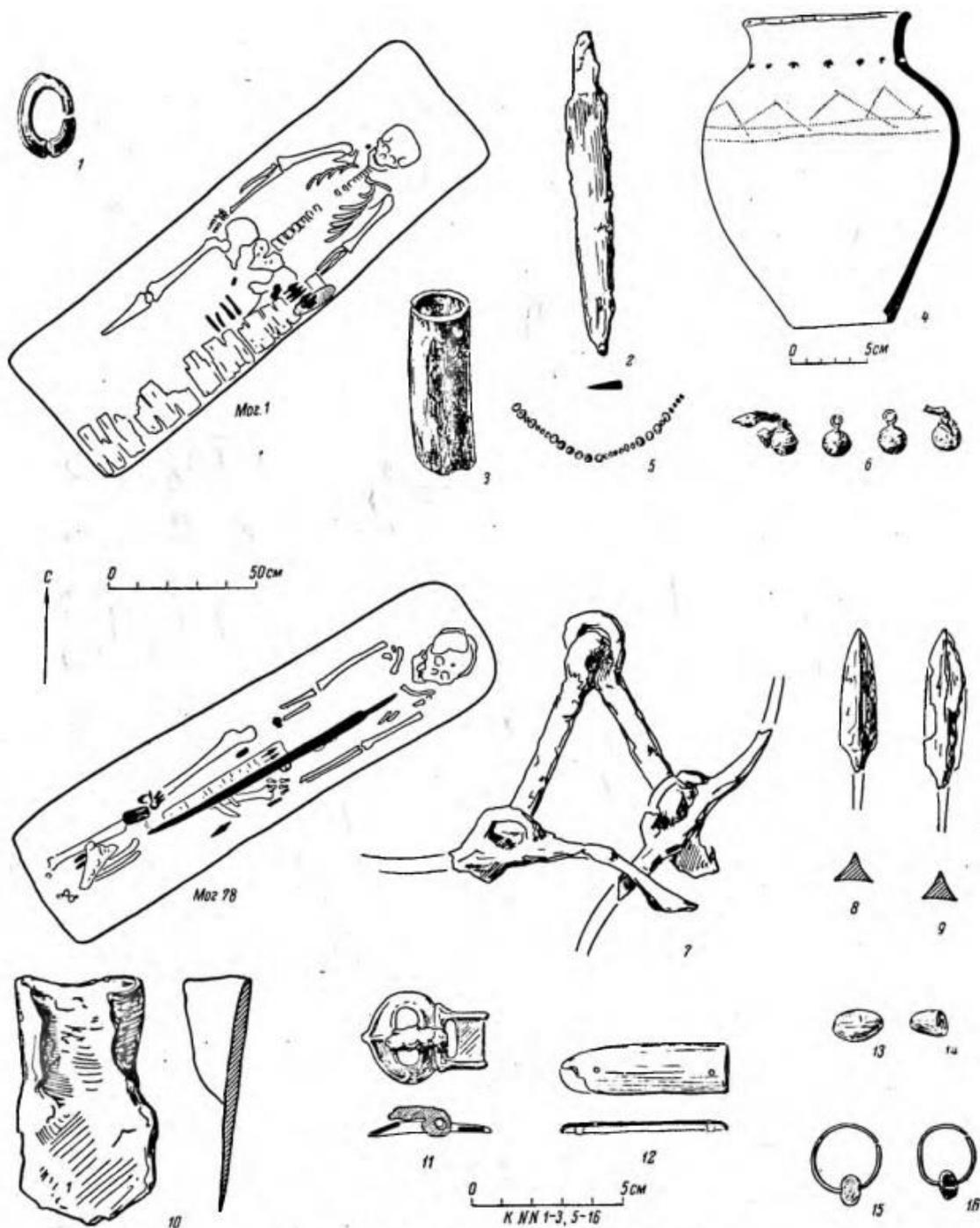
Приложение 55



План и разрез кургана, план могилы и находки из могильника сrostкинской культуры в пункте Ближние Елбаны VIII

(по: Грязнов, История древних племен...1956)

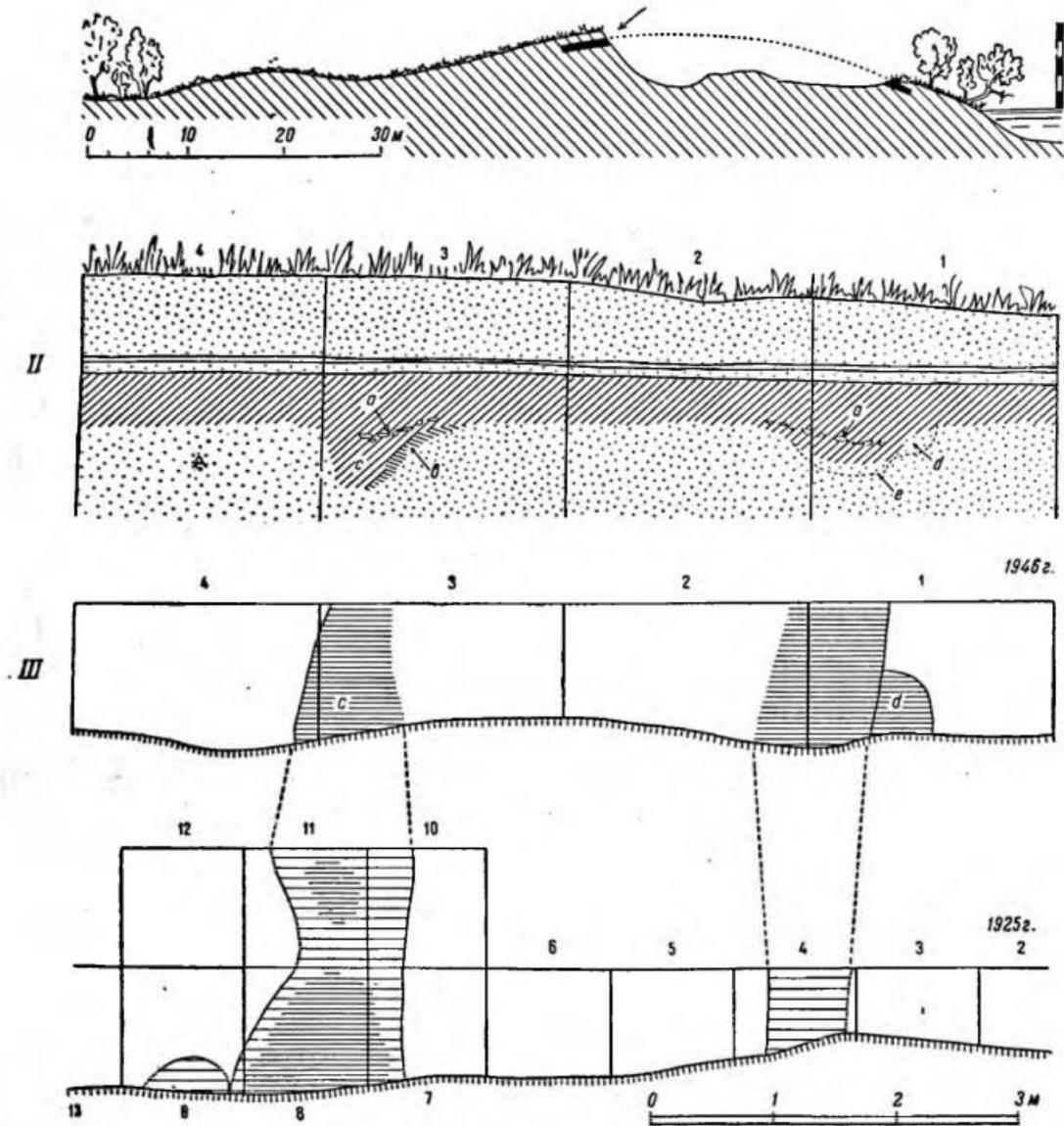
Приложение 56



Планы погребений сrostкинской культуры и находки в пунктах Ближние Елбаны-VI и VII

(по: Грязнов, История древних племен...1956)

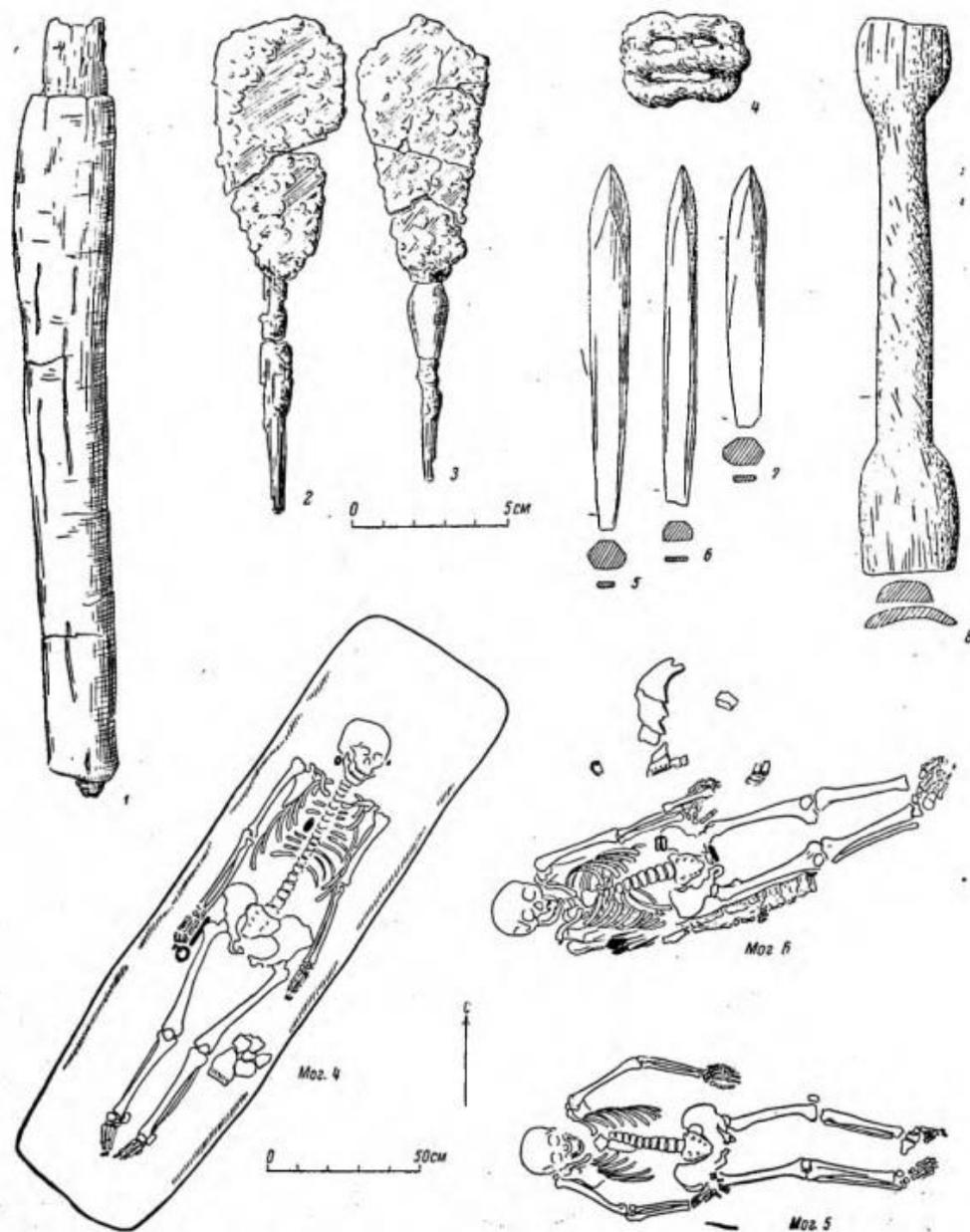
Приложение 57



Поселение первой половины II тыс. н.э. в пункте Ближние Елбаны-II (в разрезе)

(по: Грязнов, История древних племен...1956)

Приложение 58



Планы погребений и находки II тыс. н.э. в пунктах Ближние Елбаны VII и XIV
(по: Грязнов, История древних племен...1956)

Приложение 59

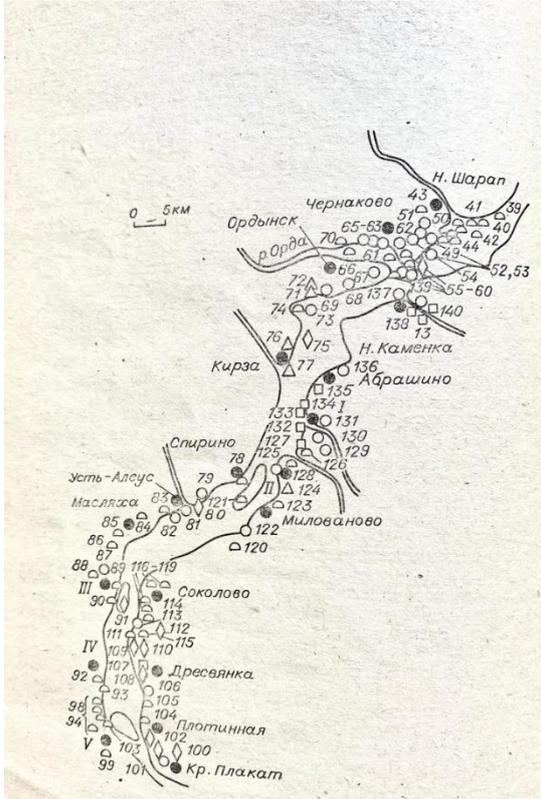


Рис. 1.

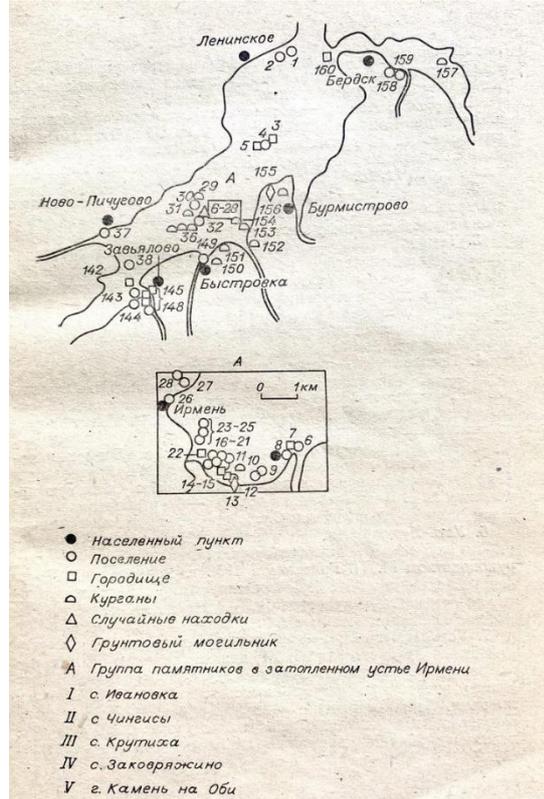
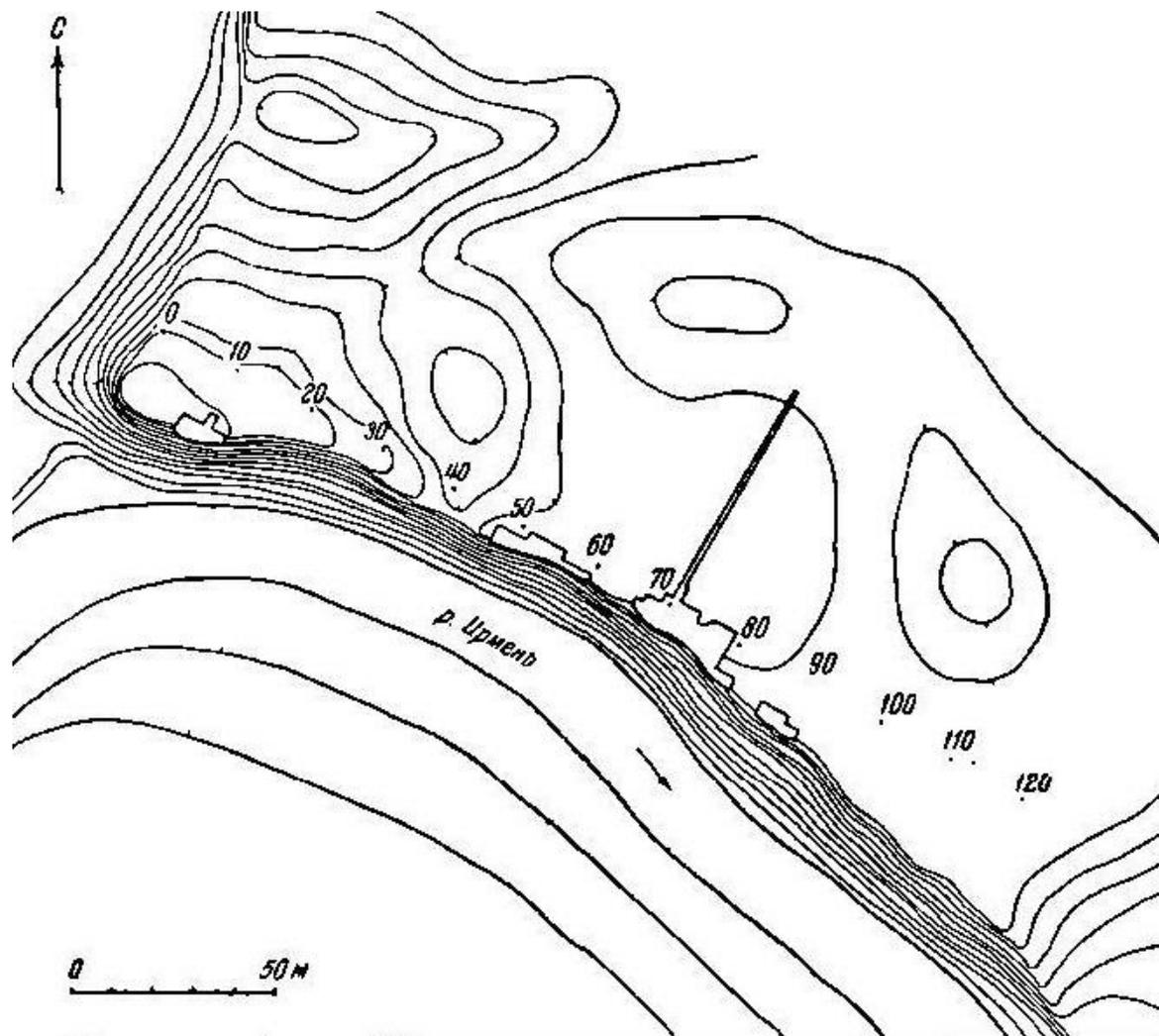


Рис. 2.

Археологическая карта побережья Новосибирского водохранилища
(по: Грязнов, Троицкая, Уманский, Севастьянова, 1973)

- Населенный пункт
- Поселение
- Городище
- △ Курганы
- ◇ Случайные находки
- ◇ Грунтовый могильник
- A Группа памятников в затопленном устье Ирмени
- I с. Ивановка
- II с. Чингисы
- III с. Крутиха
- IV с. Заковряжино
- V г. Камень на Оби

Приложение 60



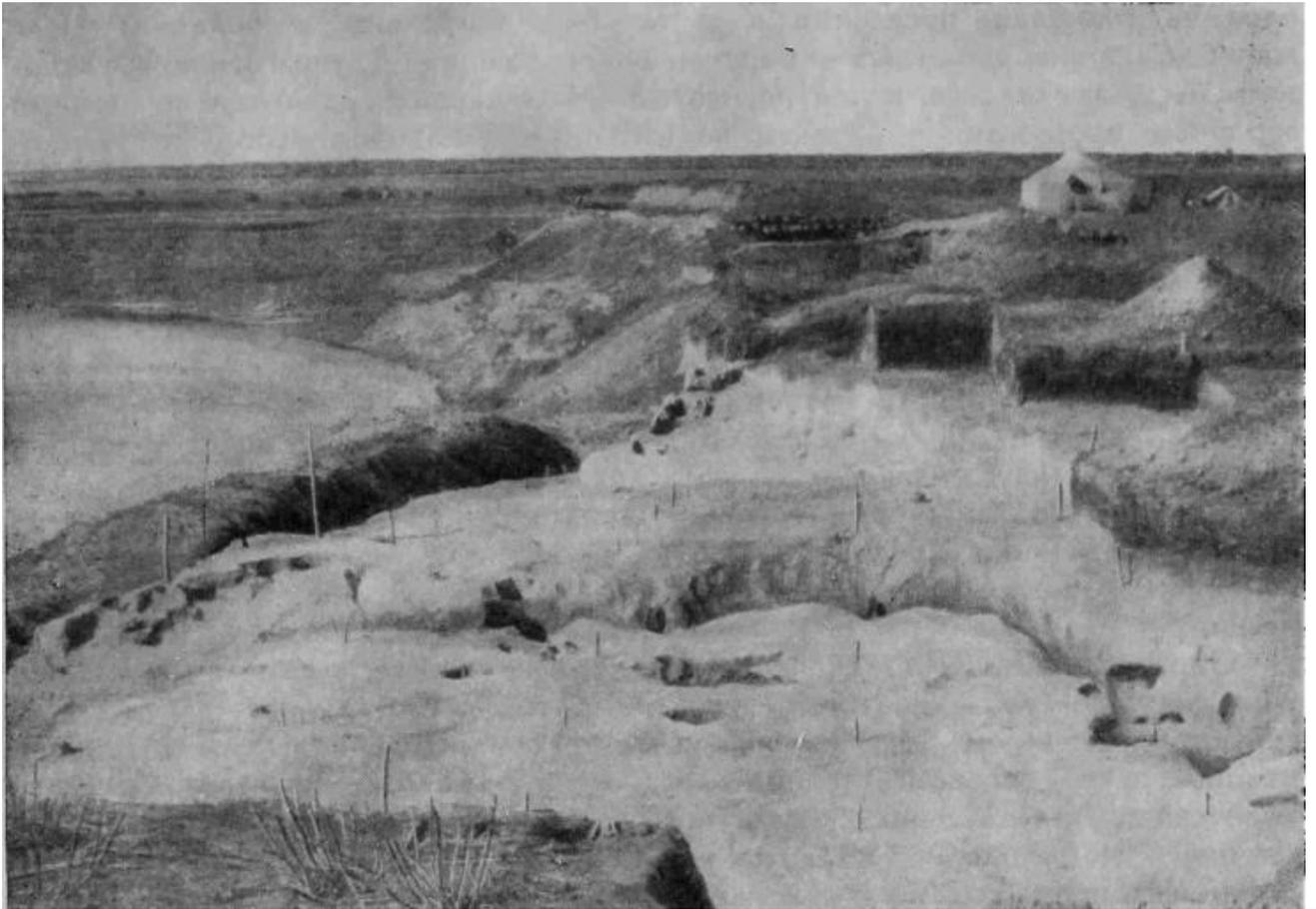
План поселения Ирмень-I
(по: Грязнов, К вопросу...1956)

Приложение 61



Керамика карасукского времени поселения Ирмень-1
(по: Грязнов, К вопросу...1956)

Приложение 62



Землянки карасукского времени на поселении Ирмень-І. Вид с юго-востока. На переднем плане – землянка III, за ней – землянка I

(по: Грязнов, К вопросу...1956)



Лагерь экспедиции у поселения Ирмень-1
(НГКМ. ОФ-22450/45. Л. 2)

Приложение 64



Рис. 1



Рис. 2

Рис. 1. Ирмень-І, землянка 3 в процессе раскопок

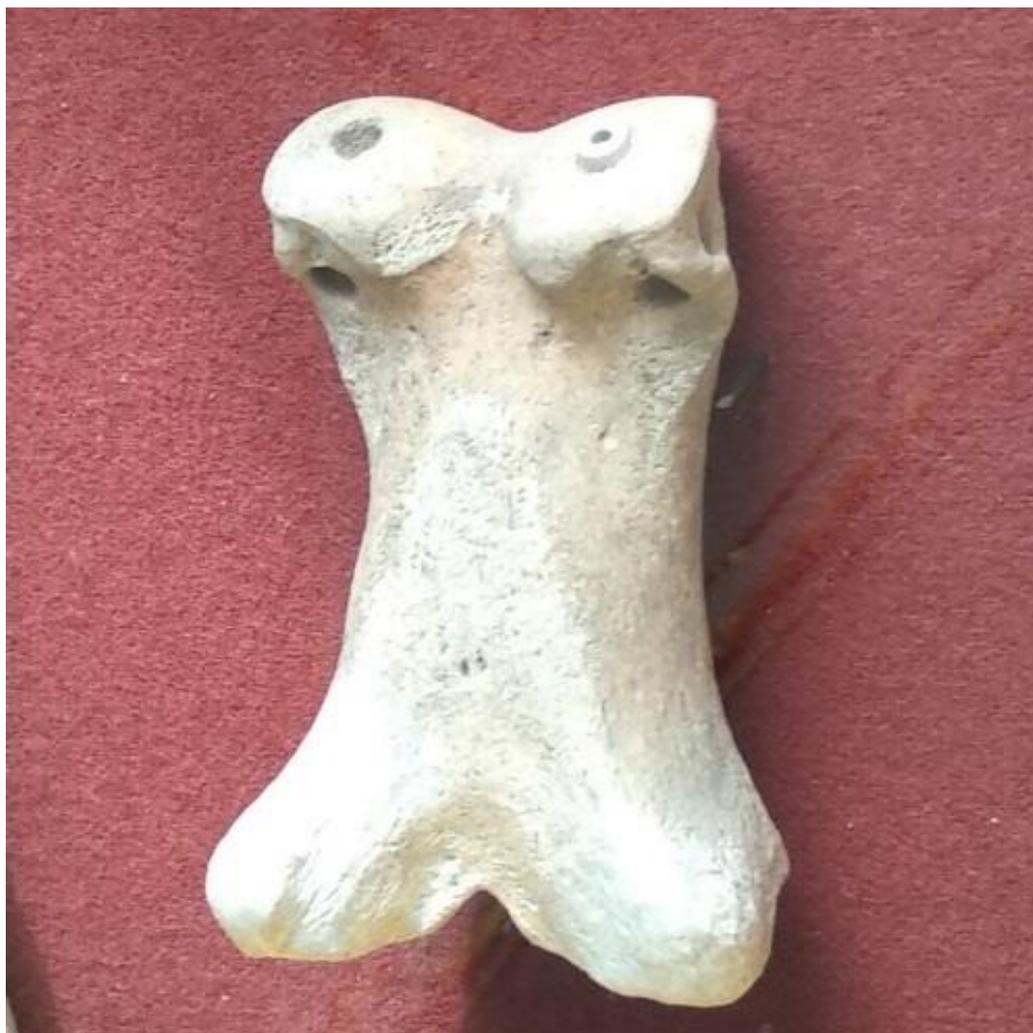
Рис. 2. Ирмень-І, землянка 3, вид с юго-запада
(НГКМ. ОФ-22450/45. Л. 5-6)

Приложение 65



Ирмень-І, зольник. Глиняный кружок и полумесяц и костяные проколка, долотовидное острие и застежка

(НГКМ. ОФ-22450/45. Л. 12)



Антропоморфная фигурка из зольника поселения Ирмень-1
(по: Грязнов, 1962)

Приложение 67



Рис. 1

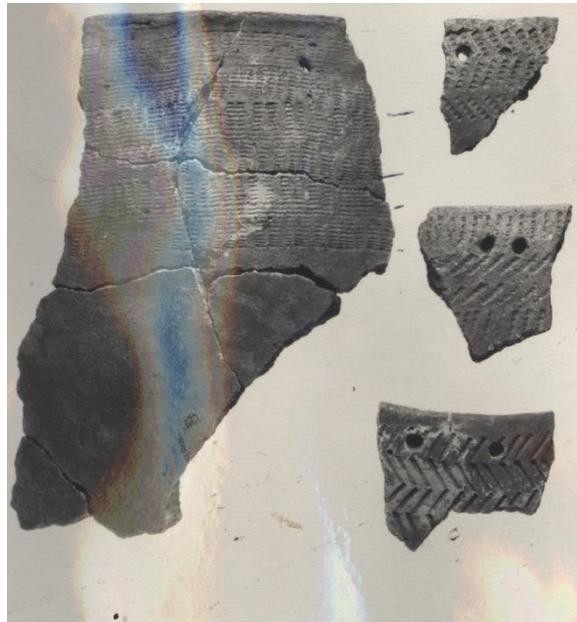


Рис. 2

Рис. 1. Ирмень-II, керамика из неолитического слоя

Рис. 2. Ирмень-II, керамика из погребений фоминского этапа
(НГКМ. ОФ-22450/45. Л. 24)



Верхние Чемы. Вид со стоянки на р. Чемку
(НГКМ. ОФ-22450/45. Л. 37)



Верхние Чемы. Сбор материала на поверхности
(НГКМ. ОФ-22450/45. Л. 37)

Приложение 70



Рис. 1

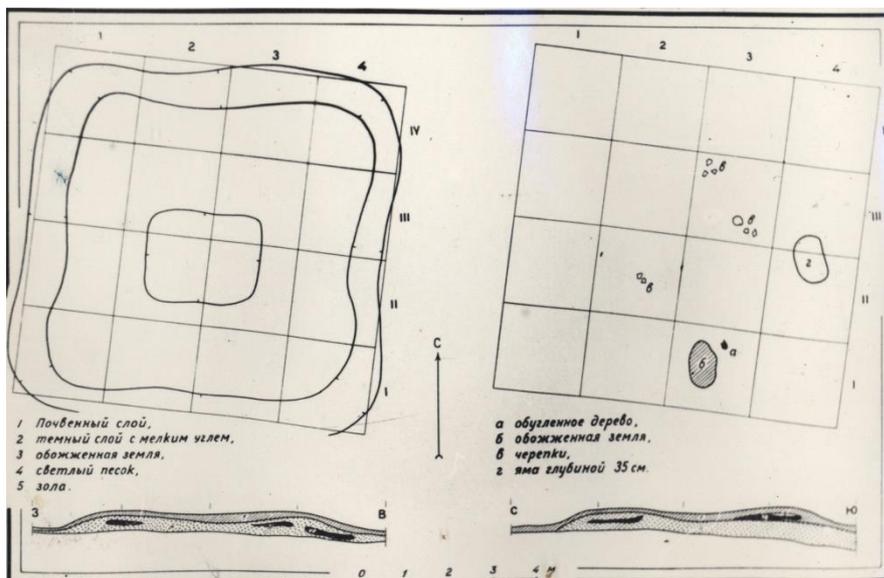
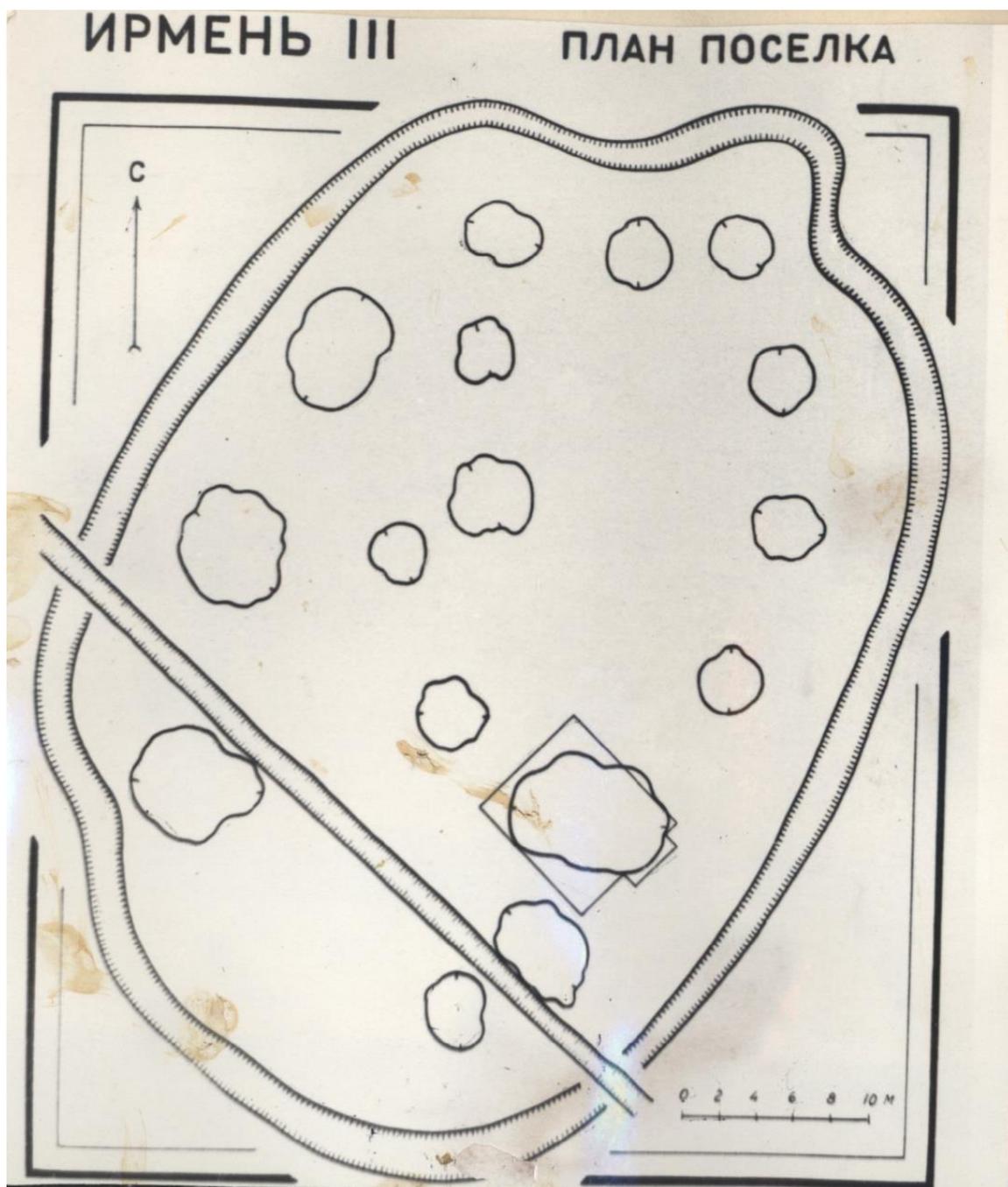


Рис 2.

Рис. 1. Малыгинский Лужок, жилище б до раскопок;

Рис. 2. Малыгинский Лужок, балаган №6

(НГКМ. ОФ-22450/45. Л. 33)



Ирмень-III. План.

(НГКМ. ОФ-22450/45. Л. 26)



Ирмень-V, жилище 2. Восточная половина землянки.

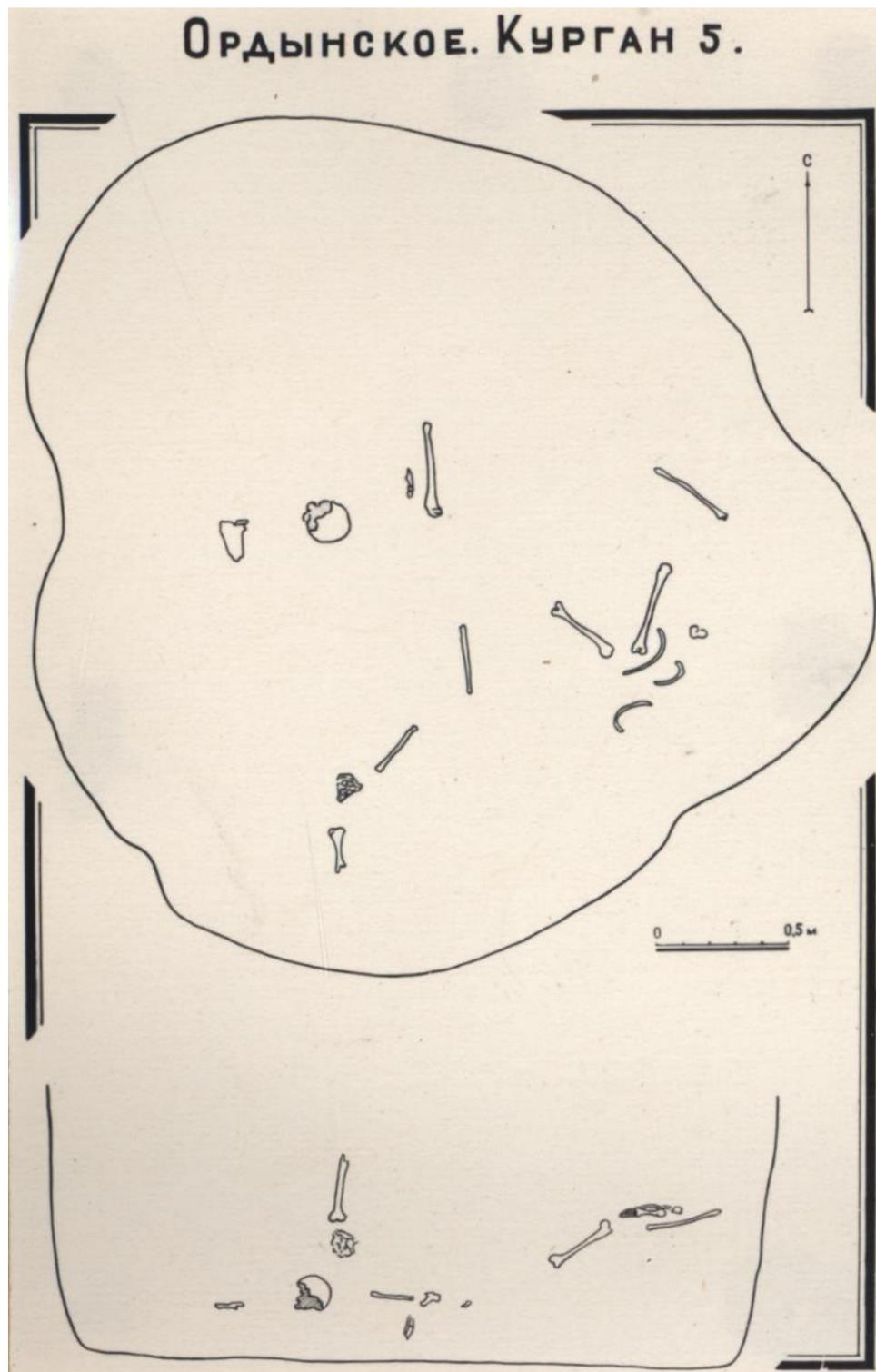
(НГКМ. ОФ-22450/45. Л. 32)

Приложение 73



Ирмень V, горшок из восточной половины землянки.

(НГКМ. ОФ-22450/45. Л. 32)



Ордынское. Курган № 5, план.

(НГКМ. ОФ-22450/46. Л. 96)

Приложение 75



Рис. 1

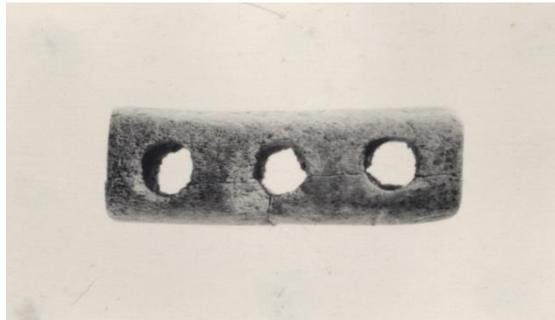


Рис. 2

Рис. 1. Ордынское, курган № 5, горшок

Рис. 2. Ордынское, курган № 5, роговая пронизка

(НГКМ. ОФ-22450/46. Л. 96)

Приложение 76

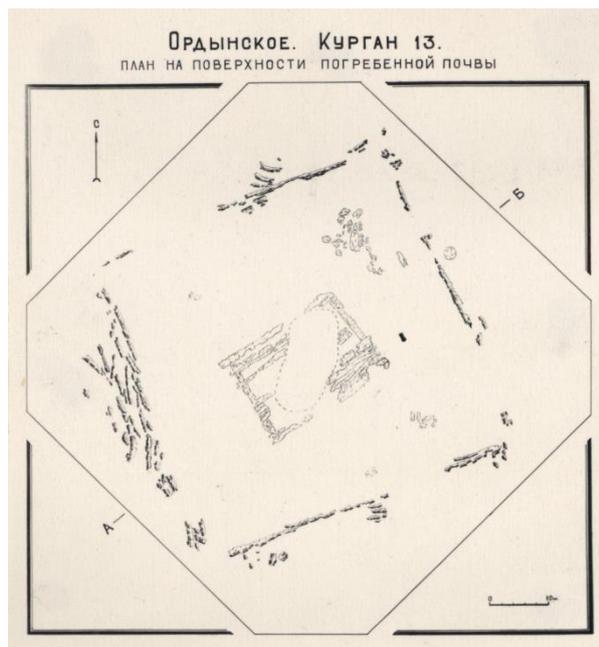


Рис. 1

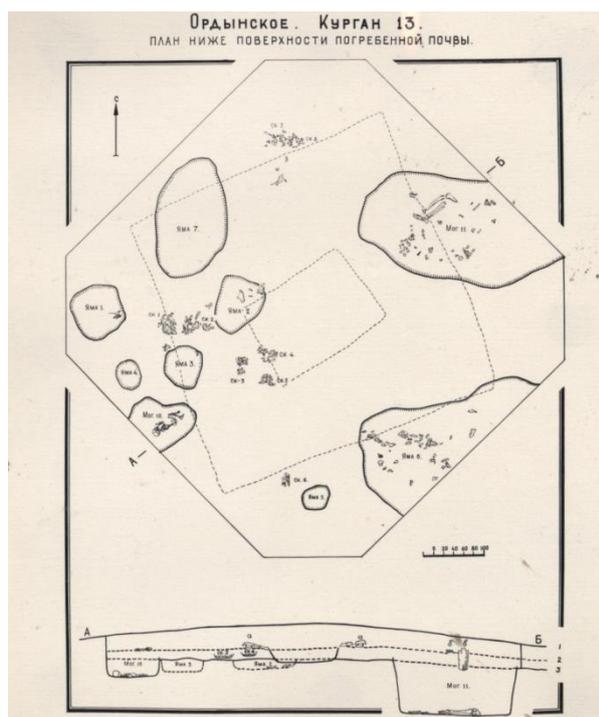
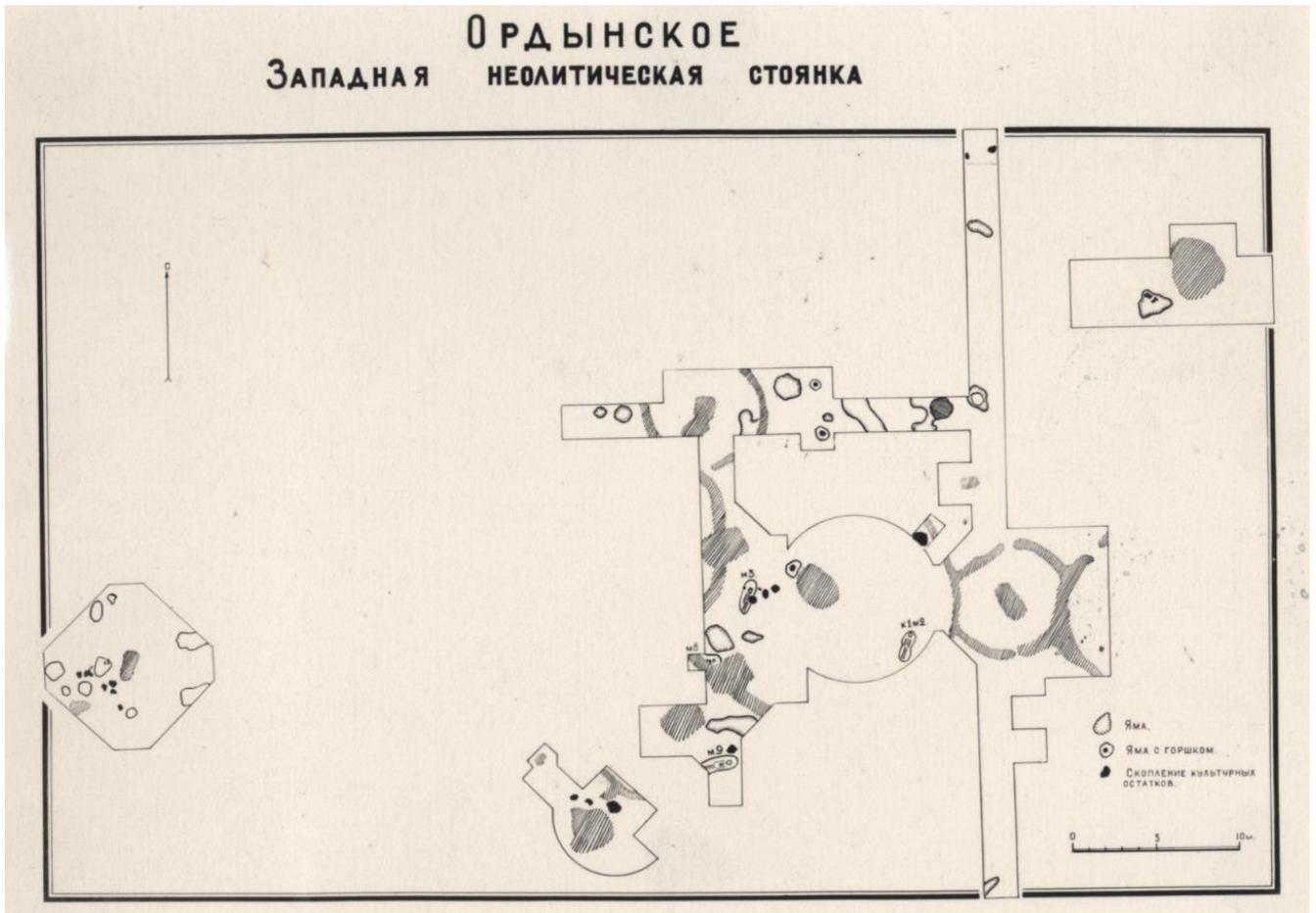


Рис. 2

Рис. 1. Ордынское, курган № 13. План на поверхности погребенной почвы;
Рис. 2. Ордынское, курган № 13. План ниже поверхности погребенной почвы.
(НГКМ. ОФ-22450/46. Л. 100)

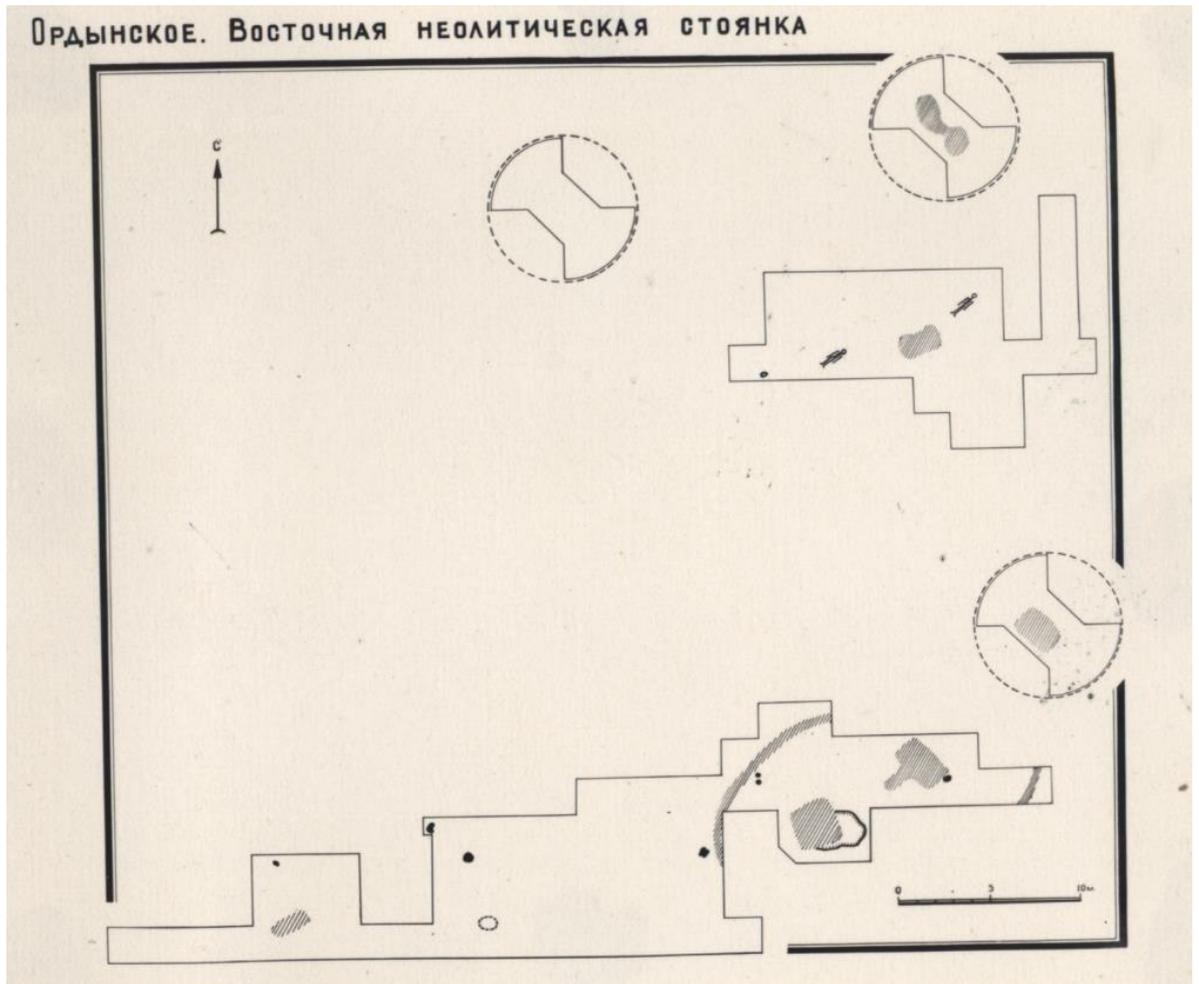


Ордынское. Железный топор из погребения в кургане №13
(НГКМ. ОФ-22450/46. Л. 101)



Ордынское. Западная неолитическая стоянка. План.

(НГКМ. ОФ-22450/46. Л. 68)



Ордынское. Восточная неолитическая стоянка. План.
(НГКМ. ОФ-22450/46. Л. 69)

Приложение 80



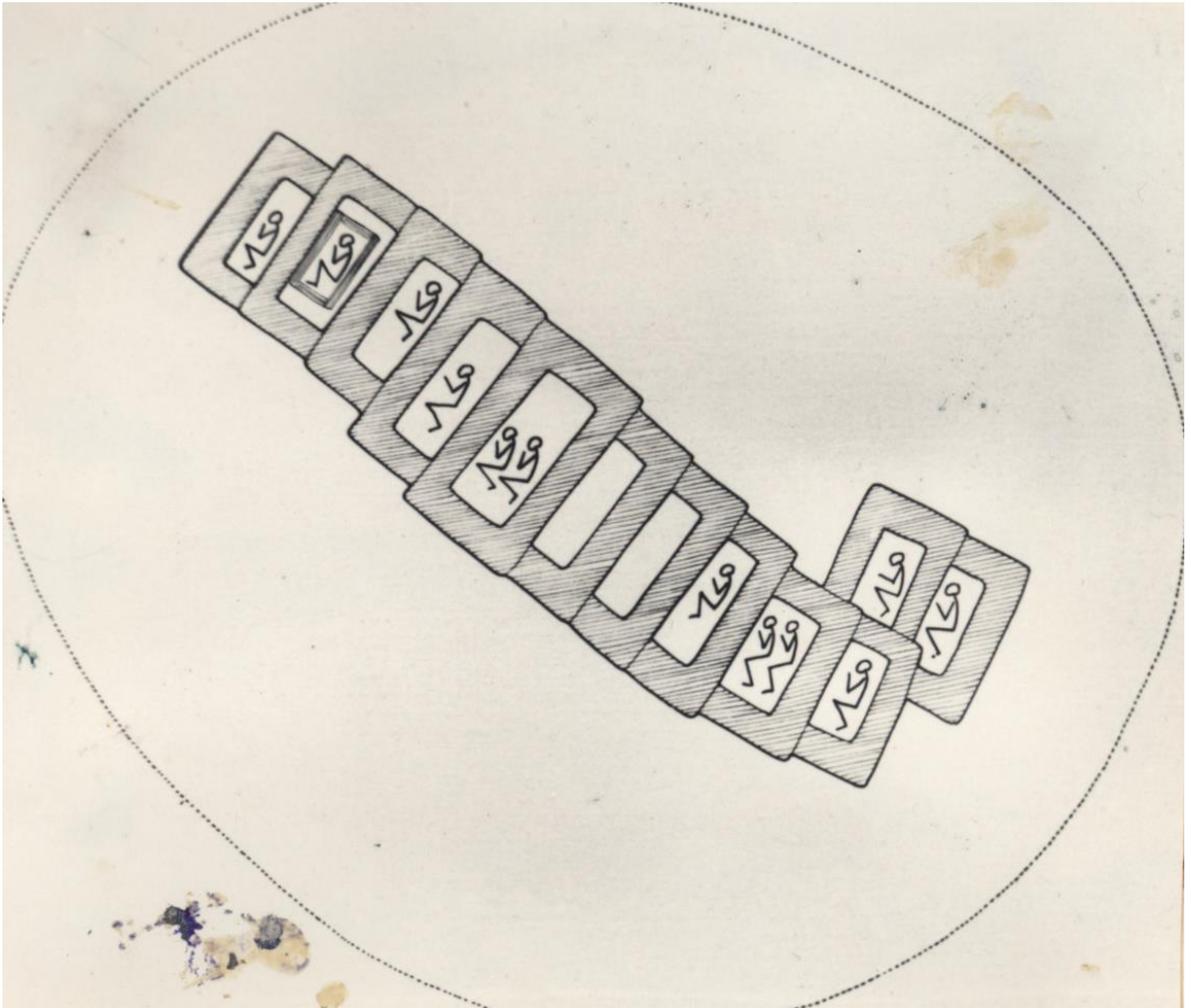
Рис. 1, 2

Рис. 1, 2. Восточная стоянка, могила 1. Шаровидные сосуды
(НГКМ. ОФ-22450/46. Л. 72)



Ордынское. Курган 3. План.

(НГКМ. ОФ-22450/46. Л. 87)



Ордынское. Курган 3. Реконструкция могильных сооружений
(НГКМ. ОФ-22450/46. Л. 87)